КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXIX.

1900 г.

МАЙ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица.
1900.

Дозволено цензурою. Г. Кіевъ, 28 апрѣля 1900 года.

Изъ исторіи малорусской литературы 20-хъ и 30-хъ годовъ XIX вѣка.

Библіографическія справки.

I.

Наша старинная журналистика до сихъ поръ еще такъ мало разработана и такъ мало извѣстна, что самое бѣглое и даже случайное знакомство съ нею всегда даетъ много новыхъ и цѣнныхъ фактовъ. Детальное изученіе ея въ значительной степени перестроитъ установившіяся и общепринятыя представленія о самомъ ходѣ нашего литературнаго развитія, но до этого, конечно, еще очень далеко. Въ послѣднее время интересъ къ ней несомнѣнно поднялся очень сильно: въ ученой литературѣ можно указать рядъ самыхъ разнообразныхъ изслѣдованій, основанныхъ на ея матеріалѣ. Увеличиваясь количественно и улучшаясь качественно, эти разрозненныя пока попытки сольются, несомнѣнно, впослѣдствіи въ болѣе широкій и опредѣленный потокъ.

Не предугадывая его общаго направленія, помѣтимъ пока въ самыхъ общихъ чертахъ—одно изъ очень любопытныхъ, но совсѣмъ еще не затронутыхъ теченій, пробивавшихся черезъ пески и тину нашихъ старыхъ повременныхъ изданій.

Малороссійскія повѣсти Гоголя не создали интереса къ Малороссіи въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ, а, наоборотъ,

сами шли на встрѣчу уже вполнѣ опредѣлившемуся и сложившемуся интересу. Не даромъ въ 1829 г. Гоголь писалъ матери изъ Петербурга: „здѣсь такъ занимаетъ всѣхъ все малороссійское“ (Кулишъ, V, 82).

Въ погонѣ за „мѣстнымъ“ и „историческимъ“ колоритомъ, свѣжестью и своеобразіемъ красокъ, непосредственностью и цѣльностью жизни, русскій романтизмъ 20-хъ и 30-хъ годовъ широко раздвинулъ литературный горизонтъ своихъ поклонниковъ—„отъ Перми до Тавриды, отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды, отъ потрясеннаго Кремля до стѣнъ недвижнаго Китая“. Малорусское прошлое и настоящее давало слишкомъ много оригинальныхъ, глубоко захватывающихъ, поэтическихъ чертъ, чтобы романтикъ ими не воспользовался. „Гетьманщина“ и малорусскій мужикъ на много лѣтъ захватили себѣ прочную позицію въ поэзіи „хладнаго Сѣвера“, дали матеріалъ для многочисленныхъ романовъ, балладъ, думъ, поэмъ и пѣсенъ.

Но тамъ шелъ свой процессъ подъема народнаго самосознанія, литературной демократизаціи, идеализаціи прошлаго. Близость настроеній, общность интересовъ и взглядовъ привела къ литературному сближенію. Одни цѣликомъ уходятъ въ русскую литературу, сохраняя однако симпатіи къ своей родинѣ и пропагандируя ее въ новой общественной средѣ; другіе продолжали работать на „родной нивѣ“, принимая участіе и въ трудѣ сосѣдей.

Русскія произведенія на малорусскія темы и малорусскія произведенія въ русской журналистикѣ—обычное явленіе для 20-хъ и 30-хъ годовъ. Такому литературному обмѣну много способствуютъ—Нарѣжный, Квитка, позднѣе Шевченко, Бодянскій и мн. др.

Пора собрать и систематизировать факты этого знаменательнаго международнаго „эндосмоса и экзосмоса“. Сдѣлать это можно только постепенно—и не единичными усиліями, конечно. Для начала работы мы укажемъ то, что намъ удалось пока розыскать при изученіи журналовъ и альманаховъ 20-хъ и 30-хъ

годовъ. Особеннаго вниманія заслуживаютъ *собственно малорусскія* произведенія, но мы отмѣтимъ и нѣкоторыя малоизвѣстныя отраженія Малороссіи въ русской поэзіи.

Въ „Литературномъ Музеумѣ на 1827 г.“ В. Измайлова Ѳ. Глинка помѣстилъ стихотвореніе: „Набѣгъ запорожскихъ козаковъ изъ Сѣчи на Волынь — изъ истор. 17 вѣка“ (стр. 232—234).

Изъ Сѣчи скачутъ на коняхъ,
И смерть за ними въ торокахъ,
И саблей зеркальныхъ размахи
Въ веселомъ воздухѣ горятъ,
И громко, подъ напѣвъ, свистятъ
За козаками—*сиромахи*!
Куда, дорогою пустынь?..
„Къ панамъ—въ богатую Волынь“!..
Легки ихъ кони удалые;
Межъ ними есть и пожилые,
И юноши цвѣтущихъ лѣтъ,
И горемычные, съ усами,
Подъ буркой съ смурымъ башлыкомъ!
И вотъ къ *Полѣсью*, все лѣсами,
На *Степань* тянутся тайкомъ;
За *Горень* [1]), къ *Дубну* по дорогѣ,
Минуя, съ башнею, *Клевань*.
Ужъ на Волынѣ быть тревогѣ:
Бѣжитъ наѣздъ—готовьте дань!

Они нападаютъ на богатый замокъ „пана подчашаго“.

Шумитъ въ горахъ и на Подолѣ,
Гроза все ближе—и кипитъ,
И пыльный столпъ бѣжитъ, бѣжитъ,
И затрезвонило все поле
Подъ звонкимъ топотомъ копытъ:
Летятъ, примчались... Крикъ и пламень,

[1]) Вездѣ правописаніе оригинала.

И рвутся въ замокъ—все въ огнѣ:
Трещитъ заросшій мохомъ камень...
И вотъ развалины однѣ
Дымятся въ утреннемъ разсвѣтѣ!..
Но гдѣ жъ сама, о *Сѣча*, ты?
Тебя давно ужъ нѣтъ на свѣтѣ!
Прошли, какъ страшныя мечты,
Дѣла, набѣги грозной Сѣчи,
Затихъ раскатъ ея степей,
Все стало сказкой,—ужъ и рѣчи
Объ ней давно нѣтъ у людей!..

Въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ 1830 г. помѣщены: „Малороссійская мелодія“ барона Дельвига (стр. 65—66).

Я-ль отъ стараго бѣжала,
Въ полночь травы собирала,
Травы съ росами мѣшала,
Все о волѣ чаровала...

и „Малороссійская пѣсня“ И. П. Котляревскаго (стр. 68—69):

Ой мати, мати, сердце (sic) не вважае...

Рядъ малорусскихъ произведеній мы разыскали въ чрезвычайно рѣдкой теперь (въ особенности, въ полномъ видѣ) „Молвѣ“ 1832 и 1833 гг.

Въ № 37 (стр. 145) перваго года напечатано стихотвореніе „Хмара“, подписанное неразгаданнымъ нами псевдонимомъ „—нъ—чъ“:

Надходыла хмара—якъ въ мори човнокъ
Плыве по небесному шляху;
Я марно шукаю на неби зирокъ,
Все сумно и повно все страху.
Надходылы думкы, якъ хмара. Чоломъ
Понурывсь нашъ хлопець безмовный,
Винъ дурно надежды шукае кругомъ.
Все сумно... Не плачъ, бездомовный!..

Якъ тамъ-то, далéко, за сынимъ Днипромъ
Рыбалка на мори гуляе,
Човнокъ іого хвыли лыжуть кругомъ,
Надъ хвылями мавка спивае.
Такъ дiется зъ нами! Терпите же: горе,
Якъ хмара минае, а сердце—якъ море.

Въ № 82 (стр. 315—6) помѣщена „галиційская красно-русская пѣсня“, съ нѣкоторыми лексическими разъясненіями:

Уже три дня и три недѣли,
Якъ мого мужа комары зъѣли,
Тай ще кажутъ люде, што я не журюся,
А я журюся—по́ду утоплюся,
Утоплюся нынѣ—нынѣ,
Въ червоно́мъ винѣ—винѣ...
Ахъ, ахъ! зажурыла'мъ ся,
Скрыпками, дудками надсадила'мъ ся,
Тай ще кажутъ люде, што я не журюся,
А я журюся—по́ду—удушуся,
Удушуся нынѣ—нынѣ,
Въ пухово́й перинѣ—п'ринѣ.
Ахъ, ахъ! Зажурыла'мъ ся,
Скрыпками, дудками надсыдила'мъ ся,
Тай ще кажутъ люде, што я не журюся,
А я журюся—по́ду—завѣшуся,
Завѣшуся нынѣ—нынѣ,
Хлопцеви на шиѣ—шиѣ.

Другая „красно-русская (галиційская) пѣсня“ напечатана въ № 89 1832 г. (стр. 353). Первая строфа и первое примѣчаніе замѣнены точками, за которыми слѣдуетъ:

А ты любишь Парашку,
Зъ мене чинишъ играшку,—
Парашку, Парашку,
Зъ мене чинишъ играшку.

Присяй Богу не люблю
И любити не буду,—
Не люблю, не люблю,
И любити не буду.
Тôлько тебе едную
Надъ все життя милую,—
Едную, едную,
Надъ все жыття милую.
Ты, дѣвчино бѣлява,
Будь на мене ласкава,—
Бѣлява, бѣлява,
Будь на мене ласкава.
Ты, дѣвчино хороша,
Дай же бузѣ [1]) безъ гроша,—
Хороша, хороша,
Дай же бузѣ безъ гроша.
Ты, дивчино бѣленька,
Будь для мене миленька,—
Бѣленька, бѣленька,
Будь для мене миленька.

Въ 1833 г. № 65, на стр. 259—260 кѣмъ-то „сообщены“ „украинскіе анекдоты“.

„Въ разныя времена и въ разныхъ странахъ повторяется иногда одно и то-же происшествіе, какъ одна и та-же мысль приходитъ сама собою въ разныя головы. Таково событіе, случившееся на Украинѣ, въ 18** году. Козакъ, по имени *Грицько Спромаха*, бывшій долго въ походѣ и плѣну у французовъ, возвратился, наконецъ, на родину; радостно спѣшитъ къ своей *хатѣ*; нетер[illegible]ливо ждетъ увидѣть свою *любую* жинку; стучитъ въ дверь; *любая Ганна* отпираетъ и, увидѣвъ его, кидается не въ объятія къ нему, но опрометью вонъ изъ *хаты*. Изумленный *Грицько* долго ждалъ свою дражайшую половину, но не могъ дождаться и отправился поискать ее по селу. Куда ни являлся

[1]) Бузѣ—поцѣлуй.

онъ, вездѣ его встрѣчали такимъ же привѣтомъ. Разсудивъ, что это не даромъ, онъ пошелъ къ священнику просить объясненія такихъ нѣжностей и узналъ слѣдующее: За долгою своею неявкою онъ попалъ въ число убитыхъ, и его возлюбленная Ганна, еще цвѣтущая лѣтами, не разсудила вѣчно вдовствовать. Подвернулся къ ней видный казакъ *Петро,* и она сочеталась съ нимъ вторичнымъ бракомъ. Народъ, видя *Грицька,* бесѣдующаго съ священникомъ, смекнулъ, что онъ не мертвецъ, и пересталъ его пугаться; собрался только поглядѣть на него, а съ нимъ вмѣстѣ явилась и *Ганна,* и, узнавъ своего стараго друга, безъ памяти кинулась къ нему на шею. *Грицько* пожелалъ возобновить свои прежнія права. Между тѣмъ пришелъ и *Петро.* Священникъ шутя спросилъ *Ганну,* кого она хочетъ въ мужья. *Ганна* въ недоумѣніи, поглядѣвъ пристально не одинъ разъ то на того, то на другого, сказала, наконецъ, со всѣмъ простодушіемъ малороссіянки: „що жъ, *отче святый*! *И Грыцько гарный, и Петро гарный*! *Нехай мынъ обыдва*“!

Другой анекдотъ—изъ военнаго быта (стр. 250). „Недавно въ Кіевѣ (помнится въ 1830 году) было землетрясеніе. Много, разумѣется, объ немъ толковали въ народѣ, какъ о новости самой любопытной. Между прочимъ одинъ офицеръ спросилъ у солдата, пришедшаго со смѣны: „слышалъ-ли ты землетрясеніе“? „Никакъ нѣтъ-съ, Ваше Благородіе!“ отвѣчалъ воинъ.—„Что-жъ ты, спалъ въ это время?“—„Никакъ нѣтъ-съ, Ваше Благородіе: я стоялъ на часахъ“!

Въ № 99, стр. 393—4 помѣщено нѣсколько „малороссійскихъ виршей“ А. Боды-Варвынца, т. е. Бодянскаго. Первая—„До пана здателя слухивъ“:

Колы такъ дуже люблятъ Ваши Слухы,
Такъ къ имъ летятъ, якъ отъ до меду мухы:
Мій Батечку! Не пожалѣй папиру—
Пусты си Виршы съ Слухамы по міру:
А ось людьци найдуцьця,
Що геть зъ ихъ посмѣюцьця!

„Козацкая пѣсня“, слѣдующая затѣмъ, составлена „по случаю возстановленія Малороссійскихъ Козацкихъ полковъ 6 мая 1831 года“:

Ой нуте, Брацьця! Гей, Братыща!
Якъ мога лусомъ за спысыща!
Сѣдлайте коней воронихъ,
Якъ зміивъ отъ лыхыхъ!
Швыдчій одгострюйте шаблюкы!
По пари пистолетивъ въ рукы!
Козацькы шапкы на бакыръ!
Вже годи кажный буть мугыръ!
Нумъ бороныты Украіну,
Якъ матирь подобае сыну!
Скорѣй ходимо на Лихивъ,
Да станемъ быть зусѣхъ шляхивъ!
Ще не забулы мы Богдана,
Козацкого свого Гетьмана,
Якъ зъ військомъ винъ ихъ тормошывъ,
Якъ ихъ, де не піймавъ, душывъ...
Дамося знать свою уроду:
Всѣхъ къ чорту зъ мосту прямо въ воду!..

Подписана внизу дата „20 мая 1831, Переяславль“.

Два другія стихотворенія 1831 г.—„Епитафія Богдану Хмѣльницкому“ и „Сухая ложка“ (Апологъ):

Богдане! Батьку нашъ! ось де ты спать уклався!..
Спы, Тату!.. Бо свое ты вже опрацёвавъ...
Спасеть Бигъ! Насъ, дѣтей своихъ ты не цурався!
Да тилько жаль, що ты не довго пановавъ!..

„Апологъ“ очень кратокъ:

„Ащо, Корнѣю, якъ? Чія бере?
Що Панъ Судьдя тобѣ сокоче“?
—„А вже-жъ не що: бачъ вырвы хоче“!—
„Э, дать: сухая ложка ротъ дере“!

Большой литературный интересъ представляютъ „шпыгачкы, або по Московському эпиграммы" Грыцька Основьяненка. („Молва", 1833, № 120, стр. 477—478). По указанію А. Е. Крымскаго онѣ не вошли ни въ одно собраніе сочиненій Основьяненка.

Приводимъ ихъ въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ онѣ напечатаны, съ полнымъ соблюденіемъ орѳографіи оригинала.

I.

Пысатьци.

Тарасъ [1]) нашъ—хытра голова!
Винъ книжку порядывся [2]) пысаты,
А гроши заразъ ставъ сбираты.
Злупывъ!.. А книжка-жъ де?.. „Овва"!

II.

Жиноча натура.

Не спытця Хымци въ день и въ ничь:
Бажа новои крипко юпкы.
И що жъ?.. „Недужа!"—Тай на пичь.
Охъ, жалко жиночкы—голубкы!
Крычыть: „Умру, мерщій купуй!"
Потапъ, хочъ чухае чупрыну,
Купывъ прокляту винъ юпчыну—
И Хымка встала.—Не здывуй,
Що хитри жиночкы селянськи:
Десь такъ не вміютъ жинки паньски?

---

[1]) Повидимому, направлена противъ Н. Полевого, котораго въ началѣ 30-хъ годовъ обвиняла въ томъ же вся русская журналистика.

[2]) Порядывсь?

III.

Отъ лыхо.

И не карай насъ, Боже, гиршымъ,
Якъ слухаты Стецьковы вирши!

IV.

Злодію.

Видкиль Охримъ розумный ставъ?
Такы про все въ книжкахъ винъ пыше.
„Чужымъ умомъ Охримъ нашъ дыше:
„Свого ничого не напысавъ,
„Зъ чужыхъ повыкрадавъ".

V.

Щырая любовь.

—„Скажи мени ще разъ, Улясю—любко,
Що любышь ты мене, моя голубко"!—
—„А якъ же?—Ще я не дурниша всихъ:
„У тебе, душко, грошей михъ"!

VI.

Старовына.

„Не такъ у насъ було, якъ я дывлюся!"
Казавъ мыни учора мій дидуся:
Потягъ зъ казны вашъ пысарь тры алтына—
Въ Сибирь!.. Та ще и видвичала спына.
А нашъ Отаманъ сто рубливъ украв—
И правъ,
А дали й головою ставъ".

Мы считаемъ очень характернымъ для этого періода самый фактъ участія малорусскихъ писателей въ русской передовой журналистикѣ начала 30-хъ годовъ (какъ „Телескопъ“ съ „Молвою“ Надеждина). Эти дружественныя литературныя отношенія скоро рушились: передовая печать дѣлалась все болѣе и болѣе западнической, полемика противъ славянофиловъ обострялась и постепенно переходила отъ нихъ на защитниковъ малорусской самобытности: украинофилъ былъ понятъ, какъ разновидность славянофила. Не трудно подмѣтить, напр., много общаго въ страстной полемикѣ Бѣлинскаго противъ славянофильства— и малорусской литературы. За то малорусскимъ писателямъ широко открыли свои двери органы славянофиловъ, представителей „оффиціальной народности“, даже реакціонеровъ и обскурантовъ (вродѣ Бурачка съ его „Маякомъ“)...

Вл. Каллашъ.

Народная медицина въ лубенскомъ уѣздѣ, полтавсой губ.

Глава IV.

Заразныя болѣзни.

Грызь и ея лѣченіе. Ревматическая боль поясницы, срываніе боли. Лихорадка, олицетвореніе ея, лѣченіе: питье, рвотное, амулеты, передача болѣзни, угощеніе духовъ, заговоры. Повальныя заразительныя болѣзни.

Грызь.

Въ народѣ встрѣчается только такое краткое описаніе грызи или ревматизма: „почне ломыть руку, або ногу, поки зробыться грызь“. Бываетъ она отъ трудовъ, переутомленія и урокъ. Отъ нея бабы совѣтуютъ слѣдующія мѣры: найдя какую-нибудь кость, взять ее полой или платкомъ, обвесть вокругъ больного мѣста и положить обратно въ то-же положеніе, въ которомъ кость прежде лежала; также совѣтуютъ перевязать больной членъ намиткой или путомъ, которыми раньше перевязывались ноги мертвеца, приговаривая: „цей мертвый замира, нехай раби Божій Маріи грызь одбира“, или ниткой, спряденной въ чистый четвергъ обнаженной женщиной на порогѣ и „навпакы“ („опачыною ныткою“), „весильною жычкою“, т. е. красною заполочью, которою бываетъ обернута свадебная шишка въ знакъ цѣломудрія молодой, служащею украшеніемъ родственницъ молодой [1]), и еще той связкой (шнуркомъ или лычкомъ),

[1]) «Красять рядъ, покраса».

на которую нанизывалась соленая рыба, при чемъ слѣдуетъ произнесть: „не разъ, не два, не три“ и завязать узелъ. Растираютъ больное мѣсто: наваромъ старой мѣди въ молокѣ, сѣрными веществами, стертыми съ саломъ, мозгомъ изъ костей, мочей, летучей мазью (linimentum volatile), семибратней кровью (tubipora chamissionis), солью (ропомъ), скипидаромъ („шпыгынаремъ“), водкой, настоянной на одномъ изъ слѣдующихъ веществъ: перцѣ, горчицѣ, калганѣ, имбирѣ, муравьяхъ, живокостѣ (simphytum officinale L.), коровьякѣ (datura stramonium L.). При ревматическихъ страданіяхъ ногъ, послѣднія ставятъ въ теплую ванну, съ примѣсью калиновыхъ, ольховыхъ, дубовыхъ однолѣтнихъ побѣговъ или засушенной въ мѣшкѣ на печи муравьиной кучѣ. Обкладываютъ больные члены: клочьями или глиной, намокшими въ соли, скотскимъ навозомъ, а по Енгалычеву [1]) овечьимъ и козьимъ каломъ. Къ икрамъ ставятъ 7 пьявокъ. Лучшимъ средствомъ отъ ревматизма народъ признаетъ грызеніе [2]), состоящее въ томъ, что баба беретъ больное мѣсто въ ротъ и жуетъ довольно больно зубами. Грызть съ успѣхомъ могутъ лишь первенцы, послѣдніе—мезинецъ, мезинка, какъ значится и у Гринченка [3]), и незаконнорожденные. Грызя, приговариваютъ и шепчутъ: „грызь, грызь! ты не грызы и не ломы; и кровы не бунтуй“, „не ты мене грызешъ, а я тебе грызу. Тьфу, тьфу и я тебе загрызаю“, „я тебе, дубе, зйимъ зъ кориннямъ, зъ насиннямъ“.

---

[1]) Домашн. лѣчебникъ II, 155.

[2]) Грызеніе распространено не между одними только крестьянами,— имъ часто пользуются лица другихъ состояній, можетъ быть по пословицѣ: «якъ лыхо, то спытаешъ пня и колоды». Напримѣръ, по предъявленіи евреемъ Б. искового требованія, отвѣтчица, бабка с. Матяшовки, возразила, что считаетъ свой рублевый долгъ погашеннымъ, такъ какъ нѣсколько разъ грызла плечо истца, сидѣвшаго въ ваннѣ. Оцѣнка отвѣтчицей своего труда оказалась умѣренной, какъ и вообще гонораръ шептухи: паляница съ солью, немного фруктовъ, 2—5 коп. За нѣсколько визитовъ—платокъ въ 20 коп. Если паціентъ умеръ—ничего. Знахари получаютъ больше—и до 2 руб. съ больного.

[3]) Этногр. мат. II, 320.

„У мене зубы щучыны. Я не тило грызу, а я грызь загрызаю. Тутъ тоби не стояты, суставивъ не грызты. А въ сёго грызю девять зубивъ, а зъ девяты—восьмы, зъ восьмы—симъ, зъ сёмы—шисть, зъ шесты—пять, зъ пяты—чотыри, зъ чотырёхъ—тры, а зъ трёхъ—два, а зъ двохъ до одного, а одъ одного—ни до одного“ [1]).

„Ты, грызь—грызыще! А въ грызи два зуба, а въ мене одынъ,—я й тымъ загрызу. Ты, грызь, выхова, ты, грызь, и трудовна и прыстритна. Тутъ тоби, грызь, не стояты, суставивъ не крутыты и жылъ не сушыты. Я тебе выгрызаю, одъ рабы Божои Маріи одганяю“. (Хут. Тарновщина, отъ Соф. Писаренковой).

„Грызь, грызь! подумана, погадана, испытана, изйидена, чоловича, жоноча, парубоча, дивоча! одна грызь, дви грызи, тры грызи, чотыри грызи, пять грызей, шисть грызей, симъ грызей, восимъ грызей, девять грызей нарожденного, молитвяного Васыля“.

„Грызь—грызыще! тутъ тоби не стояты, жовтои косты не грызты и серденька не сушыты и червонои кровы не пыты. Иды соби на очерета и на болота, и на велыке купья. Тамъ соби оселыся, тамъ соби остановыся, тамъ соби болы, тамъ соби й грызы, а Матиръ Божа прыступае, свои слова посылае: шобъ давъ Господь мылосердный на здоровья чоловикови“. (С. Литвяки, отъ Ф. Гузёминой).

Боль поясницы.

Боль поясницы, „поперечна болисть“ по брошюрѣ Ліки своен. (II, 31) зависящая отъ ревматизма, разрыва волоконъ спинной мышцы и иногда отъ причинъ, неясныхъ для самой медицины, по мнѣнію народа есть по преимуществу болѣзнь старости, наслѣдіе долгой трудовой жизни. Кромѣ переутомленія, поднятія тяжести, признаютъ, впрочемъ, что „поперекъ“ болитъ и отъ простуды, и отъ урокъ. Въ предупрежденіе этой

[1]) Вар. въ концѣ: «шобъ тутъ тоби грызю не було ни одного».

болѣзни, услышавъ первый весенній громъ, опираются поясницей о плетень, „пидпырають тынъ“, и первую горсть сжатаго хлѣба жница затыкаетъ себѣ за поясъ. Заболѣвшую поясницу парятъ въ теплой ваннѣ или на „черини“, для чего печь смазываютъ, настилаютъ гречневой соломой, поливаютъ квасомъ, а сверху кладутъ больного; также растираютъ больное мѣсто: пескомъ, сокомъ рѣдьки и хрѣна, керосиномъ, скипидаромъ съ нашатырнымъ спиртомъ. Поперекъ еще срываютъ. Операція эта производится различно. Женщина ведетъ большимъ пальцемъ руки по спинному хребту больного или, положивъ ногу на спинной хребетъ, продвигаетъ пяту такъ, чтобы ощупать, „переличыть“ всѣ позвонки, или крѣпко крутитъ, приподымаетъ и мнетъ кожу на поясницѣ, давитъ въ поясницу кулаками и колѣнями. Отъ этихъ мѣропріятій развивается значительная теплота.

Лихорадка.

Народъ склоненъ признавать лихорадку духомъ и въ настоящее время, не только прежде, какъ видно изъ устныхъ и письменныхъ свидѣтельствъ. Не рѣдко приходится слышать отъ крестьянокъ, что „лыхорадка буває одъ того, що лыхый духъ уберется въ середыну та й трясе“, „лыхорадкы нехрещеного царя Ырода дочкы; кожна жыве въ болоти“. Ихъ бранятъ: „трясешъ! бодай ты болотомъ трясла“! „Йе мижъ имы плясовыця, та що одсикла Ивану Предтечи голову. Хто ёго почыта, до того вона не прычепытся“. Другіе опредѣляютъ лихорадку кратко: „воно зло“. Съ такими устными народными опредѣленіями согласны и слѣдующія письменныя олицетворенія лихорадокъ: заклинательная формула на греческомъ языкѣ, хранящаяся въ Луврскомъ музеѣ, направлена, между прочимъ, на демоновъ лихорадки [1]). Грузинамъ лихорадка представляется худымъ, блѣднымъ существомъ [2]). По великорусскимъ народнымъ понятіямъ, лихорадки выгоняются изъ ада. Онѣ уродливы, голодны, нападаютъ на ви-

[1]) I. Tuchmann. La fascination. Mélusine 1898, № 5, 111.

[2]) Вѣст. Европы 1868 г. II, 565.

новатаго. Бабы смываютъ отъ нихъ притолоки водой съ разными снадобьями: солью, золой изъ семи печей, земляным углемъ и чернобыльникомъ. Костромскіе крестьяне называютъ февральскую лихорадку „кумаха“[1]). Лихорадки—простоволосыя женщины, крылатыя сестры [2]). Бѣлоруссы считаютъ ихъ: Иродовыми дочками, дочерями царя Яшнецкаго [3]). Малоруссы олицетворяютъ лихорадку старухой, живущей въ лѣсу, или дѣвицей [4]). Однажды крестьянинъ слышалъ, какъ три лихорадки сговаривались войти въ людей,—одна съ ложкой гороха [5]). Такъ-какъ въ программу лихорадки входятъ еще другія заболѣванія, кромѣ маларіи, а именно: тифъ, гриппъ, бронхитъ, воспаленіе легкихъ [6]), то симптомы этихъ болѣзней, а также и самой маларіи, народъ считаетъ отдѣльными видами лихорадокъ и насчитываетъ этихъ видовъ: 7, 12, 9, 25, 74, 77 и до 99 [7]), давая имъ по симптоматическимъ и этіологическимъ основаніямъ слѣдующія названія: поганка, титка, пропасныця, напрасныця, трясця, трясовыця гнитуха, которая ломаетъ кости и морозитъ, но не трясетъ, корчій (у черноморцевъ), жарка, (одъ неи млосно), витрова, водяна, переполошна, прозирна. По Далю еще: пидтынныця, гноева, степова, веретынныця, бывающая отъ пряденія. Причинами болѣзни, кромѣ указанныхъ, бываютъ еще: сонъ весной на землѣ, вообще слишкомъ продолжительный сонъ, невоздержанность въ пищѣ: кислое питье, овощи, незрѣлые фрук-

---

[1]) Сахаровъ. Сказ. рус. народа, 1885 г. 6, 31, 32.

[2]) Даль. О пов. 37, 80.

[3]) Романовъ. Бѣлор. Сб. V., 100—102.

[4]) Сумцовъ. Культ. Переж. въ Кіевск. Стар. 1889. XI, 306; Манжура. Сб. Харьк. Ист.-Фил. Общ. II, 140; Чубинскій. Тр. Эксп. I., в. 1, 221.

[5]) Сумцовъ. Этногр. Обозр., кн. XXII., 129.

[6]) Можаровскій въ Фельдш. 1898 г., № 18, 478.

[7]) На свити 77 рикъ, 77 виръ, 77 суставивъ и 77 прекрасныхъ дивыць». «Ихъ 77 душъ». «Лыхорадокъ 77 и имя йе усимъ». Кромѣ этихъ устныхъ свидѣтельствъ, см. также перечисленные сборники и соч., также Ивановъ. Кіев. Стар. 1885., XII, 739.

ты, свѣжая рыба, излишества пасхальнаго стола, главнымъ же образомъ уроки: „наслата зъ людей, зъ очей—найшвыдче".

Наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ отъ лихорадки считается полынь (artemisia absintium L), котораго корни, собранные до первого грома, пьютъ настоянными на водкѣ или пополамъ съ молокомъ, или просто скусываютъ верхушки растенія. Народомъ замѣчено дѣйствіе полыня на нервы: „полынь дурный, писля ёго спивають у лыхорадци". Его употребляютъ во всей полтавской губ. и у великороссіянъ [1]). Также полезными отъ лихорадокъ признаются: настой корней аира (acorus calamus L.), выкопанныхъ до перваго грома,—средство указанное у Арендар. [2]) Богдановича [3]), руты полевой (fumaria officinalis), указанной въ Зап. Ю. З. Отдѣла Геогр. Общ. I., 123, оришкивъ, петрова батога (cichorium inthybus L.), ромашки (matricaria chamonulla L.), деревія (achillea millefolium L.), чернобыля (artemisia vulgaris L.), марьянки, цмина (carum carvi L.), очыстка (sedum acre L.), черця, соняшныка, подсолнечника (helianthus annus L.), настояннаго на водкѣ въ количествѣ 2-хъ верхушекъ (макушекъ) на бутылку. Даютъ пить: взрослому $^1/_4$ рюмки, дѣтямъ по 20 капель, или настояннаго на чаѣ изъ цвѣтовъ и сѣмянъ, по три ложки въ день. О лѣченіи подсолнухомъ упомянуто у Сумцова [4]) и въ журналѣ „Фельдшеръ" 1898 г. № 18, 490. Пьютъ также: отваръ листьевъ бозя, бузка (syringa vulgaris L.), указаннаго у Богдановича [5]) и вербовой коры. Послѣдняя, вмѣстѣ съ ивовой, дубовой, вишневой, осиновой, сливной корой, полынемъ, ирнымъ корнемъ и горечавкой (gentiana), показана у Енгалычева. Домашн. Лѣчебн. II, 62. Кромѣ перечисленныхъ растеній, больные лихорадкой принимаютъ еще внутрь, воду съ горстью сажи и табака, воду черезъ чубукъ, а въ Кіев-

---

[1]) Арендаренко. Зап. о Полт. губ., I., 37. Сумцовъ. Культ. пережж. Кіев. Стар. 1889. XI, 308.

[2]) Зап. I, 37.

[3]) Свѣдѣн. о Полт. губ. 54.

[4]) Культ. пережж. Кіев. Стар. 1889 г. XI, 308.

[5]) Свѣд. 54.

ской и Бѣлорусскихъ губ.—водку [1]); воду съ „трыдевятью жарынкамы“ (угольками съ огнемъ), воду съ солью и глиной, счищенной съ четырехъ оконъ навкрестъ, воду послѣ собаки, напоенной черезъ порогъ, воду съ собачьимъ пометомъ, приготовленную такимъ образомъ, что въ миску льютъ воду чрезъ сито, въ которое положенъ этотъ пометъ; воду, въ которой вымыли кота, намочили толченую таранью голову, стерли „жовна“, т. е. известковыя жерновки, отложившіяся въ желудкѣ рака въ періодъ линянія, или вкинули паутину въ видѣ пилюль. Съѣдаютъ также сухари хлѣба, взятаго съ горячаго обѣда, т. е. перваго похороннаго, и лина, сжареннаго на воскѣ. Вѣроятно нѣкоторыми изъ этихъ средствъ стремятся вызвать рвоту у больного и тѣмъ прекратить лихорадку, такъ какъ „иногда при употребленіи рвотныхъ средствъ прекращается приступъ, особенно если лихорадка начинается при разстройствахъ желудка“ [2]). Съ тою же цѣлью, между прочимъ, больные цѣлуютъ собачій калъ черезъ платокъ, затѣмъ знахарка умываетъ ихъ „навхрестъ навпакы рукою навыдли“, т. е., оборотомъ руки, приговаривая: „поганый гисть, хай оце йисть“. Другой способъ лѣченія—подкуриванье больного различными веществами: остатками святочнаго стола: пасхи, хрѣна, личной скорлупы („шкаляруци“), пшеницей, освящаемой съ пасхой, ладаномъ и смирной. Подкуриваютъ также волосами, какъ въ Индіи [3]), конской мычкой и копытомъ, сушенымъ слѣпнемъ (зинськымъ щенямъ, Spalax tiphlus Pall.), а въ Харьковской губ. еще летучей мышью [4]), кровью пѣтуха, зарѣзаннаго на Меланки, собранною на глину; скорлупой „лелечыхъ“ (аистовыхъ) яицъ, ремезовымъ (aegithalus pendulinus. L.) гнѣздомъ,—средствомъ, упоминаемымъ у Арендаренка [5]) и Гринченка [6]); сушеной жабой, найденной въ колеѣ,

---

[1]) Сумцовъ. Культ. пережив. XI-я кн. Кіев. Стар. 1889 г. 306, 308.

[2]) Кунце. Сотр., 557.

[3]) Ковнеръ. Ист. мед. въ Кіев. Ун. Изв. 1878., III, 117.

[4]) Сумцовъ Культ. перех. въ Кіев. Стар. 1889 г., IX, 306.

[5]) Зап. I. 89.

[6]) Этн. мат. II, 315.

раздавленною лягушкой, сушеной щукой, выпрыгнувшей изъ воды въ челнъ рыбака, также рыбкой, найденной внутри другой рыбы, слинявшей чешуей змѣи, „гадючымъ лыновыщомъ", какъ и въ Харьковской губ. [1]), рогами жуковъ, мертвыми пчелами въ Екатеринославской губ. [2]); первой сжатой горстью ржи, заткнутой жницей за поясъ, помеломъ, стружками кочерги, хватокъ, лопаты, тряпками, которыми затыкаютъ трубу, уксусомъ съ глиной и спиртомъ, настоянным на калганѣ. Слѣдующее народное средство противъ лихорадки—ношеніе амулетовъ, столь распространенное у дикарей и въ древности, когда кусочки матеріи, камни, стекла съ надписями, символическими знаками, также узлы (наузы)—считались сильнѣйшими средствами противъ духовъ [3]); также предохраняли отъ болѣзней: статуи, изображенія, въ томъ числѣ искаженныя фигурки съ ногами и колѣнями наоборотъ, символы, аттрибуты боговъ, камни съ надписями и рисунками, а у христіанъ—священныя изображенія [4]). Мѣстной народной медицинѣ извѣстны какъ предохраняющіе отъ лихорадки предметы, касающіеся религіи, такъ и амулеты вообще. Больные лихорадкой надѣваютъ на шею крестики или „божечки", висящіе около иконы Исачковской Божьей Матери, также бусы, называемыя „око Божои Матери", пріобрѣтаемыя въ Кіевѣ, и восковые крестики изъ свѣчи, поставленной больнымъ и снятой послѣ херувимской. Въ качествѣ амулетовъ носятъ привязаннымъ подъ рукой или въ пазухѣ куриное яйцо отъ 3—9 дней. „Воно (зло, нечыстый духъ) чысто зйисть билокъ, останется тилько жовтокъ", „вона (лихорадка) зйисть його—останется тилько шкарупа", которую и выбрасываютъ на перекрестокъ. Пленку аистовыхъ яицъ, изъ которыхъ уже вышли птенцы, наматываютъ себѣ на пальцы. Носятъ живую мышь, живую или засушенную жабу на шеѣ въ платкѣ или мѣшочкѣ. „Жыва крычыть, покы не

---

[1]) Сумцовъ. Культ. переж. въ Кіев. Стар. 1889 г., III., 665—667.

[2]) Манжура. Сбор. Харьк. И.-Фил. Общ. 1892 г., II, 158.

[3]) В. Миллеръ. Рус. Мысль. VII, 66—89.

[4]) Mélusine 1899 №№ 8, 9, p. 179, 194.

здохне". Тѣ-же средства показаны у Арендаренка [1]), Гринченка [2]) и Иванова [3]). Въ Чехіи носятъ шкуру змѣи, убитой на св. Георгія, что имѣетъ связь съ культомъ змѣй у Грековъ и Римлянъ [4]); носятъ на шеѣ живого кузнечика. „Пропасныця спротывыться и кыне". Носятъ еще шнурокъ, на которомъ была повѣшена черепаха, 9 дней и смолу, вынутую изъ четырехъ колёсъ, навкрестъ, 9 дней, затѣмъ кидаютъ черезъ голову на распутьи. Лихорадку хотятъ ужаснуть, и съ этой цѣлью больного внезапно окачиваютъ во время припадка холодной водой. „Вона злякается и выскочыть зъ чоловика"; заснувшему больному пускаютъ за спину зеленую водяную лягушку, какой пріемъ извѣстенъ и въ Кіевской губ. [5]) Если испугъ не помогаетъ, то лихорадку думаютъ умертвить такимъ образомъ: больной идетъ на разсвѣтѣ на кладбище, беретъ на старой, или лучше новой, могилѣ три горсти земли, приговаривая: „добрывечиръ вамъ, мощи! дайте постелю, бо найихалы гости"—и, завязывая землю въ узелъ, кладутъ себѣ на ночь въ изголовье или за пазуху, а на другой день, или черезъ три дня, относятъ землю на могилу; возвращаются не оглядываясь. По Иванову [6]), этой землей подкуриваются. Смыслъ этого пріема тотъ, что вещи, прикасавшіяся къ мертвецу, получаютъ умерщвляющее значеніе [7]). Лихорадку топятъ, для чего больная идетъ къ рѣкѣ на разсвѣтѣ въ одной рубашкѣ, купается, бросаетъ рубашку въ воду и возвращается нагой. Особенно полезно купанье въ Чистый четвергъ. Тотъ-же смыслъ умерщвленія болѣзни заключаютъ въ себѣ, вѣроятно, и слѣдующіе пріемы съ бѣльемъ и одеждой: больная ставитъ съ вечера подъ верхъ мазницу, въ полночь

---

[1]) Зап. I, 98.

[2]) Мат. II, 315.

[3]) Кіев. Стар. 1885 г., XII, 741.

[4]) Сумцовъ. Культ. пережив. въ Кіевск. Стар. 1889 г., стр. 665—667.

[5]) Сумцовъ. Культ. перож. въ Кіев. Стар. 1889. XI, 307.

[6]) Кіев. Стар. 1885. XII, 74.

[7]) Сумцовъ. Культ. перож. въ Кіев. Стар. 1889, XII, 593.

подходитъ и, объявивъ: „оце я тоби, мазныце, кыдаю лыхорадку й сорочку", скидаетъ черезъ порогъ рубашку и уходитъ голая, а потомъ забрасываетъ рубашку на крышу или дривотню до 3-хъ дней; или больная кладетъ свою рубашку подъ верхъ и наваливаетъ камнемъ до сутокъ, а затѣмъ или затыкаетъ ею верхъ, или вѣшаетъ „на захидъ сонця, бо туды лыхорадкы сходять". Чрезъ сутки рубашку моютъ, накуриваютъ херувимскимъ ладаномъ и надѣваютъ. Голаго больнаго загоняютъ вѣникомъ въ сажъ, приговаривая: „якый гисть, така тоби й честь." Бросивъ вѣникъ, возвращаются, не оборачиваясь. Рубашку относятъ въ „прыгрубныкъ" подъ верхъ и наворачиваютъ камнемъ, оставляя тамъ до 9 дней, а больному несутъ въ сажъ чистую одежду. Примѣняютъ передачу болѣзни и такими способами: больной накручиваетъ на хлѣбѣ въ полѣ „тры накруткы у глупу ничъ"; больного ведутъ къ вербѣ съ веревкой на шеѣ, подгоняя деркачемъ,—деркачъ вѣшаютъ на вербу, а веревкой подвязываютъ дерево; больной, навязавъ на шнуркѣ тридевять узловъ и опоясавъ себя имъ, приближается спиной („задкы") къ дереву и, проговоривъ: „васъ 77, нате вамъ гостынець усимъ!", привязываетъ къ дереву шнурокъ, не осматриваясь.—„Тоди вона отстряне; больная, срѣзавъ ногти и волосы навхрестъ и, поймавъ живого рака, кладетъ ихъ въ клешню, заворотивъ въ бумажку, потомъ пускаетъ рака на рѣчку, приговаривая: „плывы раче, за водою, беры трясцю за собою". Больная плюетъ и возвращается, не оглядываясь. То-же средство въ рукописи Чепы въ Кіев. Стар. 1892 г., 1., 128. На палочкѣ нарѣзываютъ 77 черточекъ и, отнеся на перекрестокъ или въ рѣку, говорятъ": васъ 77, оце вамъ плата всимъ. Для угощенія лихорадки отрѣзывается край перваго вынутаго изъ печи хлѣба, или отсчитывается 77 зеренъ пшена, которыя завертуютъ въ паутину или въ яйцо, или такъ завязываютъ въ пазуху, и больная идетъ къ рѣкѣ на зарѣ, становится спиной къ рѣкѣ и, бросая черезъ себя хлѣбъ или пшено, приговариваетъ: „Добры-день вамъ, таточкы-голубочкы! васъ 77 и нате вамъ пшона усимъ. Одъ мене рожденои, молы-

твянои, хрещенои Маріи одречиться; [1]) возвращается не озираясь. Больная въ припадкѣ озноба покупаетъ въ корчмѣ водку, и оставивъ на столѣ, уходитъ, говоря: „постойте, поклычу титку;“ или одѣвается дома парадно, садится за столъ, ставитъ водку и, проговоривъ: „выпыймо, титусю!“, отпиваетъ; погодя пьетъ опять, покуда не покончитъ. Не должна скидать одежды до окончанія припадка. Заговариваютъ лихорадки такъ:

„Титкы, титкы! васъ 77, нате снидаты всимъ. Всяке зилля бездилля, клыче бугай на весилля.“ (С. Волчекъ).

„Поганокъ симдесятъ симъ и йе вамъ мисто усимъ. И идить вы на очерета, на болота и въ свои миста.“ (М. Снѣтинъ).

Иды соби на очерета, на болота та на свои миста, де витеръ не віе, де сонце не гріе, де праведне сонечко не сходыть, де людськый гласъ не заходыть; де люде не хрыстятся. Трясы соби очеретамы, болотамы, та своимы лыстамы“. (С. Литвяки, отъ Анны Кириченковой).

„Лыхорадка! ты прозирна, ты й водяна, ты й витряна, подумана й погадана. Пиды соби на воды, на витры, на огни и на дыма! Тутъ тоби у голови не стоять, жовтои кости не ламать. Пиды ты соби на огни, на дыма, на велыки степа. Тамъ тоби буде хороше гулять и людей морськыхъ знобыть“. (с. Литвяки, отъ Н. Кедевой).

„На гори на Голгохви стоявъ дубъ венерськый. Пидъ тымъ дубомъ сыдило симъ мученыкивъ: Архистратый Михаилъ, Гаврыилъ, Урыилъ, Меѳодымъ, Сызонтій, Клементій, Иванъ Предтеча—и выдилы дыво престрашне, чудное: и выйшло зъ моря 17 женъ, просто нагіе, роспоясавше, роспущени волоса. Пидійшовъ къ имъ Иванъ Предтеча, начавъ ихъ пытать: хто вы таки? куды вы йдете? —Мы йдемо у градъ Хрыстовый людей мучыты, кровъ пыты, тило томыты, смерты предаваты. Та де [2]) имъ Иванъ Предтеча своею тростю по ихнимъ головамъ, по сто ранъ заклынающыхъ.— „Ой, Иванъ Предтеча! хто ваши буде имена нарычаты, або хто буде надъ головою воду чытаты,

[1]) Или: оце вамъ закуска (на кашу) усимъ.

[2]) Вмѣсто: давъ.

то мы до того не прыкоснемося во вики виковъ аминь“ [1]). (С Мгарь, отъ Емченковой).

„Ишло 77 напрасныць и силы на марганахъ, и вкрылыся вафоромъ. Прыходе святый Васыль и пытае: „шо есть вы за люде?“—„Мы йе не люде, а врагови диты. Насъ послано по свитамъ и по людямъ червону кровъ пыть, биле тило знобыть, а жовту кость ломыть. Хто насъ буде почытать, такъ мы въ ёго по викъ не будемъ бувать. Раба Божа Александра насъ почытае, мы въ ii не будемъ бувать, червонои ii крови не будемъ пыть и билого тила знобыть и жовтои косты ломыть. Святого Васыля буде почытать,—винъ враговськыхъ дитей не буде до неи допускать,—нарожденои, хрещенои и молытвяноi рабы. Божои Александры буде спасать“. (Хут. Тернавщина, отъ Софіи Латенковой).

„Ишовъ святый Кырыло и Мефодій, и Сафоній, и зострича Господь Самъ“.—„Куды вы идете?“—„На золотый мистъ. А на золотому мосту тры евзы.“—„Куды жъ вы йдете?“—„На мыръ хрещеный“.—„Чого жъ ты йдешъ?“—“Сыпать и кыдать, и трясты, и пекты, и знобыть, и глобыть, и кровъ пыть, и кисть ломыть и лыхорадкою трусыть. Святый Кырылъ и Мефодій, и Сафоній, берить золотую плить, дротяну нагайку, посичить ii тило, порубить, огнемъ спалить, витромъ роспустить. Господы мылостывый! нащо-жъ мое тило сикты и огнемъ палыть? Якъ будете вы воскресный Богъ чытать, Илью прохать,—не буду я васъ нападать—ни сыпатыму, ни кыдатыму, крови вашои не пытыму и кости не ломытыму. Ихъ 77 и гостынци усимъ. Якъ подаркы давалы, тоди титкою звалы, а посли прачамы й мечамы вбывалы, щобъ вона на мыръ не ходыла. Господь зъ помичь, а я зъ духомъ“. (С. Калайденцы).

„Ишовъ святый Порфирій у свій манастырь и зострича 77 прекрасныхъ дивыць; ну и спрашуе: „шо вы за прекрасни дивыци?“—„Мы царя Ирода дочкы“.—„Куды вы йдете“?—“Мы идемо

---

[1]) Вар. въ рукописи XVIII в. (Кіев. Стар. 1898 г., I, Документъ 10).

въ мыръ кости ламать и въ огонь бросать, и йижу одбирать." Винъ ихъ ударывъ трёма вдарамы. Воны одъ ёго убижалы и воны ёму исказалы: „хто буде твое имя спомынать,—и того будемъ убигать, а хто буде твое имя забувать,—и того будемъ нападать. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь! (С. Литвяки, отъ Ганны Кириченковой).

„Ишовъ святый Оврамъ велыкымы дорогамы и його сынъ святый Мусій, и воны зострічають трыдевять дивокъ и пытають ихъ: „шо вы за люде?" —„Мы идоловы дочкы".—„Кудывы йдете?" —„У село людей мутыты, биле тило ялыты, а червону кровъ пыты." Оврамъ каже: „беры жъ ты, святый Мусій, зализни цины та жены ихъ за зализни ворота та побый погоны и потомокъ потломы". Воны просятся: „святый Оврамъ, не бый, не гоны и потомку нашого не тломы!" Хто буде сю молытву знаты, не буде сею болизню погыбаты" [1]).

Холера.

Народъ признаетъ холеру Божьимъ наказаніемъ и изображаетъ такими чертами: „Ногы и рукы судомыть, искорчыть усёго на кузубъ часа на два. Бува й така, шо не корчыть, а тилько кисткы лама. Якъ не личыть—помре, а якъ ликъ—то й викъ". Отъ нея пьютъ: сокъ рѣдьки, водку, настоянную на деревіѣ, полынѣ, петровыхъ батогахъ, сокиркахъ (delphinium consolida L.), полевыхъ васильках, чеснокѣ, перцѣ; также тертый земляной уголь; жалять больного жгучей крапивой, подъ колѣнями, грудь и подошвы смазываютъ дегтемъ, особенно же растираютъ всего: перцовкой, настойкой крапивы, нашатырнымъ спиртомъ.

Дифтеритъ.

Дифтеритъ большею частью называютъ обкладомъ, потому что онъ соединенъ съ опуханіемъ желѣзъ; искажаютъ также и

[1]) Варіанты, весьма отдаленные съ упоминаніемъ имени св. Аврааму, у Иванова въ Кіев. Стар. 1885 г., XII, 740; у Чепы (Ib. 1892 г., I, 127) и въ Сбор. Харьк. И.-Ф. Общ. 1892 г., IV, 278.

самое названіе болѣзни: дёхтерыкъ. Къ горлу прикладываютъ: ржаную муку, разжаренную на сковородѣ, льняныя припарки, бузину съ камфорой, оливу съ камфорой, овечью шерсть съ сѣрой, масло или смалецъ съ скипидаромъ или съ каломъ чернаго кабана. Дифтеритъ распространился въ Малороссіи недавно; въ сороковыхъ годахъ онъ еще не былъ извѣстенъ, что видно изъ умолчанія Арендаренка объ этой болѣзни. О другихъ эпидеміяхъ почти ничего не говорятъ въ народѣ. Скарлатинъ не отличаютъ отъ кори, какъ прежде не различали ихъ и въ наукѣ [1]), и совѣтуютъ пить липовый цвѣтъ, ѣсть медъ и смотрѣть на красное отъ обѣихъ болѣзней: „Вислу треба сколювать, прыбывать, шобъ не було".

В. Милорадовичъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

[1]) Флоринскій. Домашн. медиц. 164.

Характеристика польскихъ и южно-русскихъ литературныхъ теченій послѣдней четверти XVII вѣка, въ связи съ общимъ направленіемъ тогдашней французской литературы.

(Окончаніе *).

II.

Представленная картина польскаго общественнаго самосознанія будетъ значительно неясною, если мы не представимъ общихъ условій общественной жизни Западной Европы, къ которой принадлежала, по своимъ образовательнымъ традиціямъ, Польша [1]). Это тѣмъ болѣе необходимо, что, какъ замѣчено въ одной рукописи 1696 г., хранящейся въ И. П. Библіотекѣ,— „Jak psczola ogrody... obleciawszy, co naywybornieiszą, sobie wybiera, no swoię słodką robotę kwiecia, tak Polska nasza obszedszy postronne Państwa, Krolestwa, Xięstwa i Rzeczypospolite miasta i obozy, przypatrzywszy się monarchom albo jednowladcom, albo absoluto Dominio arystokracyom, albo panowaniu wielu Rządowi demokracyom, albo rządom pospolitstwa co nalepsze sobie wytrala prawa i zwyczaie"...[2]) Можетъ быть здѣсь и преувеличено

*) См. Кіев. Стар. 1900 г. № 4.

[1]) Jagic. Archiv für Slavische Philologie. Unter Mitwirkung von A. Brückner, J. Gebauer u. s. w. Berlin 1892. Supplement-Band, seit 220.

[2]) Р. И. Ц. Б. О. II № 1. Другой такой же экземпляръ—О II № 10.

широкое знакомство Польши съ зап.-европейскою жизнью, однако извѣстно, что въ первой половинѣ XVII вѣка избранная часть польскаго юношества получила образованіе въ Болонскомъ университетѣ, какъ показываютъ имена студентовъ-поляковъ въ открытой Bersohk'омъ Mathias'омъ рукописи [1]). Во второй половинѣ XVII вѣка, которая была благопріятна для литературы французской и наоборотъ—временемъ упадка ея въ Италіи, польская молодежь, говоритъ Mecherziński, отправлялась за наукой во Францію, откуда все болѣе и болѣе выплывала иноземная зараза,—и на ряду со старыми латинизмами, входили въ рѣчь еще болѣе вредные галлицизмы. [2]) Кромѣ того, судя по образовательному заграничному tournée Яна Собѣскаго и инструкціи, данной опекунамъ его Орховскому и Гаварецкому, [3]) можно полагать, что еще въ первой половинѣ XVII вѣка Франція и Парижъ привлекали къ себѣ преимущественное вниманіе польскаго высшаго слоя; [4]) во второй же половинѣ XVII вѣка такое вниманіе было тѣмъ интенсивнѣе, что дворъ Людовика XIV, стянувшій всѣ лучшія литературныя силы въ Версальскій дворецъ, [5]) становился не только предметомъ грезъ и мечтаній польскаго высшаго

---

[1]) Kwartalnik Historyczny. 1896 r. X str. 143—146.

[2]) Historya wymowe w Polsce. t. III, str. 7.

[3]) T. Korzon Dola i niedola Jana Sobieskiego. Kraków 1898 r. t. I str. 11.

[4]) Изъ двухлѣтняго заграничнаго путешествія Яна Собѣскаго на Францію пришлось больше года, отъ 9 апрѣля 1646 г. до 1 мая 1647. При этомъ Францію проколесилъ онъ «отъ сѣвера къ югу» чрезъ Calais до Perpignon, Marseill, Montpellier, папскаго Авиньона и прилежащей Sobaud. Если принять во вниманіе, что Янъ Собѣскій проѣхалъ также Австрію, Германію, Голландію, гдѣ онъ изучалъ architecturam militarem, и Англію, на что онъ употребилъ только одинъ годъ, то вниманіе къ Франціи выдѣлится довольно выпукло. Ср. Korzon. Dola i niedola Jana Sobieskiego. t. I. str. 12 и 14.

[5]) Іоганъ Шерръ. Всеобщая исторія литературы, пер. Вейнберга. М. 1883. т. II стр. 235; ср. Zeleński. str. 277; Dupuy. Histoire de la litterature Française au XVII siecle. Paris. 1892.

тона, [1]) но и въ дѣйствительности, какъ мы уже замѣтили выше, связывался съ Польшею тѣсными узами. Къ тому же, произведенія выдающихся писателей Франціи находили себѣ достаточный пріютъ въ Польшѣ. Въ библіотекѣ, напр., Яна Собѣскаго мы находимъ произведенія Дескартеса, Гассенди, Паскаля и „великаго" янсениста Арнода, также драматическія сочиненія Корнелля и Мольера. [2]) Словомъ—тѣхъ писателей, которые главнымъ образомъ характеризуютъ литературное движеніе Франціи второй половины XVII вѣка. Въ эпоху же Людовика XIV, при ближайшемъ взаимоотношеніи дворовъ французскаго и польскаго, знакомство съ французскими литературными теченіями создавалось ipso facto, такъ какъ французскіе „поэты писали не для своего народа, но для версальскаго кружка, и Людовикъ XIV былъ не только ихъ меценатомъ, но и ихъ Аполлономъ, который раздавалъ лавровые вѣнки и пенсіи и за то льстиво прославлялся на всѣ лады холопства" [3]).

На Франціи и сосредоточимъ свое вниманіе. Основаніемъ для этого, кромѣ вышеуказанной связи, въ политическомъ и образовательномъ отношеніи Франціи и Польши, служитъ еще и то обстоятельство, что къ этому времени Франція заняла первенствующее образовательное значеніе во всей Западной Европѣ. «Италія, говоритъ Lotheissen, превосходила своимъ искусствомъ,

---

[1]) «Wpływ kobiet zawsze przeważny na domowe stosunki, wychowanie i wyobrażenia. To wszystko opierając się o dwór lunewilski i wersalski sciągalo tam roje Polaków i polek». Rzut oka na stan religobycz. Polski XVIII w. Dodatek do Czacu. t. VIII, str. 303—304; ср. Zeleski. str. 289.

[2]) Korzon. t. I str. 15.

[3]) Шерръ. Всеобщая исторія литературы. Т. II. стр. 235 .«Похвалы самовозвеличенія, говоритъ Dupuy, не надоѣдали: фиміамъ Далона наполнялъ ноздри. Онъ (Людовикъ) охотно повторялъ стихи, гдѣ онъ прославляется. «Sans avoir ni voix, ni musique, il se plait à chanter, dans ses particuliers, les endroits des prologues d'opera le plus à sa louange». Histoire de la litterature Française au XVII s. p. 291.

своей высшей культурой, своей богатой поэзіей, Испанія имѣла преимущество въ прозѣ, какъ и въ политикѣ и войнѣ, Германія выдѣлялась въ религіозныхъ спорахъ и въ порядкѣ управленія, во Франціи образовалась тогда такая богатая жизнь во всѣхъ областяхъ, какъ ни въ какой другой странѣ того времени." [1]) Это богатство жизни сказалось прежде всего въ тѣхъ двухъ крупныхъ и при томъ діаметрально противоположныхъ теченіяхъ, которыя проходили въ двухъ важнѣйшихъ литературныхъ центрахъ Франціи—Портъ-Роялѣ, съ его янсенитскими убѣжденіями и реформаціонными стремленіями, и въ Версальскомъ дворцѣ—центрѣ католическо-іезуитскихъ и монархическихъ тенденцій Людовика XIV. Оба эти направленія литературныхъ движеній, стоя въ связи съ политическими и соціальными ожиданіями времени, въ свое время сыграли крупную роль во всей Западной Европѣ и даже служили legislateur du gout высшаго общественнаго слоя.

Тенденціи французской литературы времени Людовика XIV всецѣло могутъ быть сведены къ Боссюэтовскому восклицанію: „o rois, vous êtes des Dieux." „Въ царствованіе Людовика XIV., говоритъ Dupuy, эта гипербола принята литературой и по принципу, и по сюжету." [2]) Король видѣлъ въ такомъ направленіи литературы, продолжаетъ Dupuy въ другомъ мѣстѣ, главную гарантію своихъ начинаній и своей славы. Онъ самъ говорилъ, что литература болѣе его прославитъ, чѣмъ все царствованіе. „Le plus sûr chemin de la gloire est celui que montre la raison". [3]) „Прежде всего, говоритъ Шерръ, требовалась „корректность" и гладкость, вся литература сдѣлалась формальной и условной, дворъ былъ Парнасомъ, а французская академія (Academie française)... выдавала патенты на безсмертіе или осуждала на гибель." [4]) Можетъ быть Шерръ въ общей характеристикѣ и сгустилъ краски, однако мелкіе факты проявленія именно такого

[1]) Geschichte der französischen Literatur im XVII Jahrhundert. Wien. 1877. B. 1. s. 4.

[2]) Histoire pe la litterature Française. p. 290.

[3]) Jbid. p. 291.

[4]) Всеобщая исторія литературы. Т. II. стр. 236.

дворцоваго режима сказываются довольно рельефно. Расинъ, напр., получаетъ званіе исторіографа и титулъ „gentilhomme du roi", вмѣстѣ съ „личнымъ секретарствомъ" Людовика XIV, послѣ сближенія съ m-me Maintenon и расположеніемъ въ свою пользу г-жи Монтэспанъ. [1]) „По мѣрѣ того, говоритъ г. Веселовскій, какъ высшее парижское общество пріобрѣтало внѣшній лоскъ и утрачивало прежніе суровые, воинственные вкусы, по мѣрѣ того, какъ знаменитые салоны и въ особенности „Hôtel de Rambouillet", старались привить аристократическимъ кругамъ утонченныя манеры, изящество рѣчи, галантность въ обращеніи съ дамами, увлеченіе граціозными по формѣ, хотя иногда бѣдными внутреннимъ содержаніемъ мадригалами или сонетами, а также чувствительно героическими романами дѣвицы Скюдери, Кальпренеда и др.,—мѣнялся и обликъ тѣхъ героевъ, которыхъ значительная часть публики того времени хотѣла видѣть на сценѣ." [2]) Можно съ увѣренностью сказать, что подъ вліяніемъ такого направленія литературной оцѣнки, Расинъ, говорившій въ предисловіи къ Andromaque—„Пирръ не читалъ нашихъ романовъ, онъ былъ неистовъ по натурѣ, не всѣ герои рождены быть селадонами," впослѣдствіи героевъ Atalie, Bojazet, Britannicus,—Юнію, Аталиду или Арсію, „не смотря на ихъ римскія, мнимотурецкія или греческія имена", изобразилъ „дочерьми придворныхъ Людовика XIV или принцессами королевской крови, которыя хорошо знаютъ утонченный языкъ модныхъ салоновъ, зачитываются литературными произведеніями новой школы, изучили въ совершенствѣ требованія приличія и правила этикета." [3]) Такія же метаморфозы происходили и въ публикѣ, что испыталъ на себѣ тотъ же Расинъ. Его пьеса „Plaideurs", въ началѣ не имѣвшая успѣха, такъ что публика во время представленія „смѣявшаяся отъ души", стала тяготиться мыслью, что „смѣялась не по правиламъ,"—пьеса эта стала пользоваться значительною по-

[1]) Веселовскій. Жанъ Расинъ. Вѣстникъ Европы 1899 г. октябрь, 614 стр.

[2]) Вѣст. Европы. 1899. Сентябрь, стр. 76—77.

[3]) Вѣст. Евр. 1899 г., октябрь, 623—624 стр.

пулярностью, послѣ того какъ ее посѣтилъ Людовикъ XIV со свитой и нашелъ ее веселою. По той же простой причинѣ, что пьесы Мольера ставились не на сценѣ Hôtel de Bourgogne, а въ Пале-Роялѣ, самъ Мольеръ, не смотря на блестящій талантъ, не пользовался такою популярностью, какъ Расинъ. Если же взять во вниманіе разрывъ Расина съ Мольеромъ, какой произошелъ послѣ перваго успѣха Расина на сценѣ Hôtel de Bourgogne, [1]) то можно вѣрить, что французская литература временъ Людовича XIV часто совпадала съ влеченіями инстинкта самосохраненія и съ значительною интенсивностью играла на струнахъ лично-эгоистическихъ, честолюбивыхъ стремленій. Это вполнѣ сказалось на проповѣди, проникнутой всецѣло панигиризмомъ къ высокопоставленнымъ лицамъ. Не говоря уже о Боссюэтѣ, о характерѣ проповѣди котораго мы вскользь уже замѣчали, рельефно выразились указанныя черты и на Бурдалу, который считался „le plus célèbre et le plus grand predicateur de son temps“ [2]). Уже одно то обстоятельство, что онъ достигъ блестящаго положенія только послѣ того, какъ въ 1670 г. произнесъ панигирическую рѣчь предъ королемъ [3])—должно было впослѣдствіи выработать изъ него натуру, вполнѣ подчиняющуюся придворному этикету. Дѣйствительно, онъ былъ скорѣе создателемъ изящнаго языка, чѣмъ проповѣдникомъ строгой морали. Bossuet писалъ о немъ m-me de Luenes: „мы сдѣлали рѣчь, которая обворожила нашъ народъ“, а Фенелонъ, отказываясь отъ строгости діалоговъ для краснорѣчія въ мемуарахъ о занятіяхъ Академіи, заключилъ свои разсужденія такой замѣткой: „стиль

---

[1]) Веселовскій. Жанъ Расинъ. Вѣстн. Европы 1899 г., октябрь, 582 стр.

[2]) Memoires cecrets et inédits de la cour de Erançe sur la fin du regne de Louis XIV par le marque de Sourches. Paris, 1836. t. II. 1686 a. p. 192.; ср. Lotheissen. Geschichte der französischen Literatur im XVII Jahrhundert. B. III., seit. 350.

[3]) Dupuy. Histoire de la litterature Française au XVII siecle, p. 432. «Это (рѣчь) окончательно расположило въ его пользу, говоритъ Dupuy, и онъ остался внѣ спора».

отца Bourdaloue превосходитъ всѣ другія и, можетъ быть, достигнетъ такого совершенства, что нашъ языкъ способенъ быть образцомъ. [1]) Насколько „отецъ Bourdaloue" отвѣчалъ придворному настроенію и его потребностямъ, можно судить по восторженному отзыву m-me Sevigne: „очень часто, говорила она, дыханіе спиралось тѣмъ величайшимъ вниманіемъ, какое привязывалось къ силѣ и правдивости его бесѣдъ, и я не переводила дыханія, пока ему не угодно было окончить." [2])—Не отрицая литературнаго значенія произведеній Bourdaloue, мы хотимъ отмѣтить только направленіе или тонъ, какого вообще держались литературные дѣятели. Если мы обратимъ вниманіе на общій характеръ французской литературы Людовика XIV, то причины, обусловливающія такое направленіе, будутъ совершенно понятны. Тотъ т. н. псевдоклассицизмъ, который съ прямолинейностью проникалъ почти всѣ формы литературныхъ произведеній—драму, поэзію, романъ, [3])—и служилъ почти всецѣло источникомъ литературныхъ сюжетовъ, сколько создавался старыми традиціями итальянской и испанской школъ, [4]) столько, и еще болѣе, поддерживался соціальнымъ складомъ французской жизни. „Французская литература, говоритъ Lotheissen, не печалилась еще о народѣ и не могла, слѣдовательно, говорить о немъ. Она знала только воззрѣнія и идеалы аристократическаго общества и, ограничиваясь ихъ кругомъ, старалась придать имъ значеніе. Но эти идеалы не имѣли никакого высшаго полета; они были условными словами и имѣли искусственное значеніе". [5]) Народный духъ и струя живой жизни были устранены совершенно [6]) и поэтому

---

[1]) Dupuy. Histore de la litterature française au XVII s., p. 432.

[2]) Jbid. p. 432. А молодой принцъ Конде писалъ—„молчаніе—вотъ врагъ, когда проповѣдникъ подымаетъ плечи"...

[3]) Lotheissen. Gesth. der. französ. Liter. im. XVII Jalrh. B. I, s. 353. «Въ поэзіи, въ лирикѣ, въ эпосѣ, въ романѣ... національзировались классическія произведенія; ср. Ibid. Band III seit., 5.

[4]) Lotheissen. B. II., s. 25—59.

[5]) Lotheissen. B. 1., s. 352.

[6]) Ibid., s. 353.

не могла разрушить ту мертвечину, которую романисты одѣвали въ античную одежу. [1]) Всѣ, такимъ образомъ, понятія и манеры, продиктованныя французскимъ псевдо-классицизмомъ и профильтрованныя королевскимъ дворомъ, вытекали изъ требованій аристократизма и аристократіи; они полагали грань между высшимъ слоемъ и народомъ,—грань, которая увеличилась, благодаря абсолютизму Людовика XIV, [2]) и строго поддерживалась дворянствомъ, опасающимся потерять свой престижъ благородства и смѣшаться съ народомъ. [3])

Въ этихъ послѣднихъ выводахъ относительно французскаго литературнаго направленія мы видимъ очень близкія точки соприкосновенія съ соціальными устоями и литературными теченіями польской общественной жизни. Они говорятъ о томъ, что Польша не была одинокою въ специфическомъ характерѣ проявленія своей общественно-литературной жизни. Она до извѣстной степени жила духомъ своего времени,—и насколько глубоко проникъ въ жизнь этотъ духъ, можно судить по южно-русскимъ литературнымъ теченіямъ, которыя питались соками польскихъ школьныхъ принциповъ.

III

Южно-русская литература занимала второстепенное мѣсто въ обще-польской государственной культурѣ и шла позади литературнаго движенія Польши. Ей приходилось только перерабатывать то, что уже было нажито Польшей [4]). Еще въ началѣ XVII в.

---

[1]) Lotheissen. B. III., s. 4—6 и B. 1, s. 353.

[2]) Lotheissen. B. III., s. 5—6; ср. B. II., 25—59.

[3]) Lotheissen. B. I., s. 351—353; B. II., s. 15—19; B. III., s. 2—6.

[4]) См. *Терновскій.* «Южно-русское проповѣдничество XVI и XVII в. (по латино-польскимъ образцамъ)»—рядъ статей въ «Руководствѣ для сельск. паст.» 1869 г.; *Его-же* —«Характеристика южно-русской проповѣди въ связи съ проповѣдью западно-европейской и польской». Руковод. для сельск. пастыр. 1875 г.; —*Пекарскій.* «Предста-

Мелетій Смотрицкій въ Экзотезисѣ (1629 г.) говорилъ, обращаясь къ православному проповѣднику: „цѣлуй Бессія, который научаетъ тебя произносить съ каѳедры. Хорошо мнѣ извѣстно, что безъ него скрипѣли-бы твои колеса, какъ у возницы безъ мазницы. Одинъ на каѳедру съ Оссоріемъ, другой съ Фабриціемъ, третій съ Скаргою, а иные и съ другими проповѣдниками римской церкви, безъ которыхъ вы ни шагу, а все-таки, по вашему, эти наставники еретики, вы-же, которые не можете безъ нихъ имѣть собственныхъ проповѣдей, — вы православные!“ [1]) Подчиненіе польскимъ литературнымъ типамъ непосредственно сказывается во второй половинѣ XVII вѣка въ проповѣдническихъ образцахъ или лучше—кодексахъ: „Ключѣ разумѣнія “Іоанникія Голятовскаго и „Огродкѣ Маріи Богородицы“—Антонія Радивиловскаго. „Въ Ключѣ цитуются Бароній, Беллярминъ, Корнелій Аланиде, Ѳома Аквинатъ, Іаковъ Тиринъ, Каллистъ-папа, Граціанъ, Анзельмъ Кентерберійскій, Мартинъ Бѣльскій, Григорій Туронскій, Винкентій (авторъ „Зерцала историч.“), Іоаннъ de Combeuse, Іаковъ de Vorahenée, Nicolas Delira, Lois Granette, Ѳома Бизій и др. [2]) Раздѣленія на ѳемы, экзордіумы, наррації, конклюзіи — все это стоитъ въ прямой риторической связи съ принципами польскаго kaznodziejstwa. „Отличительными чертами польской проповѣди XVII ст., говоритъ Сумцовъ, были: многословіе, пустословіе, заимствованіе изъ древнихъ классическихъ писателей: Овидія, Виргилія, Плинія и другихъ, приведеніе именъ языческихъ боговъ и героевъ, крайне натянутыя сравне-

---

вители кіевской учености XVII ст.» Отеч. Зап. 1862 г., кн. 2, 3, 4; *Максимовичъ*. Соч. т. II, стр. 666—723; *Ѳ. Сумцовъ*. Іоанникій Голятовскій. Кіевская Старина 1884 г. и отдѣльно К. 1885; *Его-же*. Иннокентій Гизель. Кіев. Старина 1884 г.; *Порфирьевъ*. Исторія русской словесности. Т. I, ч. 2, стр. 602—646; *Житецкій*. «Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII в.» Кіев. Стар. 1888 г. (рядъ статей); *Шляпкинъ*. Св. Димитрій Ростовскій и его время (1651—1709). Спб. 1891 и др.

[1]) *Сумцовъ*. Іоанникій Голятовскій. Кіевск. Стар. 1884 г., стр. 184.

[2]) *Терновскій*. Руковод. для сельск. пастыр. 1869, стр. 590.

нія и сближенія,—напримѣръ (сравненіе Бога съ крылатымъ пѣтухомъ), вставка свѣдѣній по астрологіи, геральдикѣ, ботаникѣ, архитектурѣ, неумѣстные каламбуры и шутки" [1]). У Іоачникія Голятовскаго, въ его „Наукѣ о сложеніи казаній" находимъ такое замѣчаніе: „конецъ чинячи тоеи моеи працы, даю тебѣ такую раду: читай книги, и що хорошее вычитаешь, нотуй себѣ и до своего казанья апликуй; до того уважай,—кто? що чинилъ? на якимъ мѣсцѣ? зъ кимъ? для чого? якимъ способомъ? котороего часу? Если книги будешь читати и часто казанья повѣдати, до того, если тыи циркумстанціи, околичности будешь уважати и концепты до нихъ чинити, латво въ недѣлю, и въ свято, и на погребъ и на иншихъ оказіяхъ казане учинишь." Ясно отсюда, что характеръ польской проповѣди въ южной Руси получилъ законодательную регламентацію. Въ настоящее время устанавливаютъ польское вліяніе и на Московскую Россію [2]). Мы и не будемъ входить въ разборъ южно-русской литературы, потому что это не входитъ въ нашу задачу и уже сдѣлано въ вышеперечисленныхъ трудахъ. Мы остановимъ вниманіе на характерѣ теченій малорусской литературы.

Въ этомъ отношеніи сами собой выдѣляются т. н. миринизмы южно-русской проповѣди и отдаленность отъ дѣйствительной, текущей жизни проповѣдническихъ сюжетовъ. Миристическія требованія даже узаконяются Іоанникіемъ Голятовскимъ. „Нужно читать, говоритъ онъ, исторіи и хроники о различныхъ царствахъ и странахъ, что въ нихъ дѣлалось и что теперь дѣлается. Нужно читать книги о звѣряхъ, птицахъ, гадахъ, рыбахъ, деревьяхъ, зельяхъ, камняхъ и различныхъ водахъ, которыя находятся въ моряхъ, рѣкахъ, колодцахъ и иныхъ

---

[1]) Кіевск. Стар. 1884 г. № 2, стр. 184 ср. Maciejowski. Piśmiennitstwo Polskie II, str. 554—556.

[2]) *Шляпкинъ*. Св. Дим. Ростовскій и его время., стр. 52—165; *В. Перетцъ*. „Малорусскія вирши и пѣсни въ записяхъ XVI—XVII в." Изв. отдѣленія русскаго языка и словесности И. А. Наукъ 1899, т. IV, кн. 3.

мѣстахъ, и узнавать ихъ природу, свойство и особенности, и отмѣчать для себя, и прилагать къ своей проповѣди, которую хочешь говорить" [1]). Слѣдуя этому правилу, вносили въ проповѣдь всякаго рода фантастическій и миѳологическій элементъ, начиная отъ легендъ и сказочныхъ чудесъ и кончая непонятными аллегоріями, сравненіями, уподобленіями [2]). Такой характеръ проповѣди сколько стоялъ въ связи съ миринизмомъ западно-европейскимъ—итальянскимъ и французскимъ [3]), проникшимъ въ то время въ значительной мѣрѣ въ Польшу [4]), такъ—въ связи съ мѣстными условіями жизни. Предписанія—треба читати книги о звѣряхъ, о птахахъ, гадахъ, рыбахъ, деревьяхъ, зельяхъ, камняхъ и разныхъ водахъ,—вмѣстѣ съ самымъ прямолинейнымъ выполненіемъ этого на практикѣ [5]), вскрываетъ недостатокъ живого жизненнаго интереса, съ одной стороны, и желаніе поддержать престижъ образованія проповѣдника—съ другой. Въ этомъ отношеніи обращаютъ на себя вниманіе совѣты Іоанникія Голятовскаго. „Можешь пріохотить людей къ слушанію, когда будешь обѣщать имъ показать въ проповѣди какую-либо новость, которой они не видали и не слыхали, или какое нибудь необычайное диво" [6]). Дальше онъ поясняетъ это

---

[1]) Ключъ, л. 519; ср. Руков. для сельск. паст. 1869, стр. 465.

[2]) Терновскій. Южно-русское проповѣдничество XVI и XVII в. Руков. для сел. п. 1869 г., стр. 465—478. Въ словѣ изъ текста: се лежитъ Сей на паденіе и на возстаніе многихъ во Израили (Лук. 2, 34), назвавъ І. Христа камнемъ многоцѣннымъ и краеугольнымъ, положеннымъ въ основаніе церкви, Голятовскій примѣняетъ къ нему названіе разныхъ драгоцѣнныхъ камней: карбункула, асписа, шифера, хризолита, берилла, агата, аметиста, смарагда, топаза и магнита. Порфирьевъ. Исторія русской литературы. т. І. ч. 2, стр. 625.

[3]) Lotheissen. Geschichte der französischen Literatur. B. I., seit. 308—326.

[4]) Mecherziński. Histor. wymowe... t. III., str. 7.

[5]) См. Терновскій. Руковод. для сельск. паст. 1869 г., стр. 578—590.

[6]) Ключъ, л. 516.

примѣрами. „Если-бы ты говорилъ проповѣдь въ недѣлю 14-ю, имѣя въ виду проповѣдывать и въ недѣлю 15-ю, то, окончивши первую проповѣдь, скажи: православные христіане! приглашаю вашу милость на слѣдующую недѣлю въ церковь; буду раздавать вамъ одежды, чтобы вы были охотны къ благочестію и къ слушанію Слова Божія. Сказавъ это, сойди съ каѳедры. А когда придетъ недѣля 15, положи на проповѣди тему: друже, како вшелъ еси сѣмо, не имый одѣянія брачна (Мѳ. XXII), и говори такъ: Православные христіане! Обѣщалъ я вамъ сегодня раздавать одежды; исполняю свое обѣщаніе; даю каждому изъ васъ одежду брачную, безъ которой никто не можетъ войти на бракъ небесный, упоминаемый у евангелиста Матѳея" и проч. Такихъ маневровъ въ южно-русской проповѣди конца XVII в. достаточно [1]). Они свидѣтельствуютъ о разобщеніи проповѣдника съ народомъ. Объ этомъ говорятъ и выборъ проповѣдническихъ сюжетовъ [2]), и предписанія слѣдовать извѣстнымъ шаблонамъ [3]), и, наконецъ, самый характеръ проповѣди. „Въ надгробныхъ проповѣдяхъ, говоритъ І. Голятовскій, обращай вниманіе на гербъ умершаго... на фамилію... на имя... на возрастъ. Читай въ книгахъ и замѣчай себѣ: какъ долженъ жить священникъ? какъ воинъ? какъ женщина? какъ дѣвица? что они должны соблюдать и исполнять? и доказывай, что покойники именно то соблюдали и исполняли, что требовалось ихъ званіемъ и состояніемъ [4]). Побужденія такого „доказыванія" совершенно понятны.

---

[1]) Руковод. для сельск. паст. 1869 г., стр. 628—634.; ср. Руковод. для сельск. паст. 1875 г., стр. 322—324; Порфир. Исторія русской литературы т. I ч. 2, стр. 621—635; Сумцовъ. Кіевск. Стар. 1884 г. № 2 и 3 и др.

[2]) Ibidem.

[3]) «Изъ слова на св. великомуч. Георгія, говоритъ Голятовскій, ты можешь составить другое слово на св. Димитрія, Прокопія, Евстафія и др. мучениковъ; та же будетъ тема; тотъ же экзордіумъ, та же наррація и конклюзія; только тамъ, гдѣ я говорю о св. Георгіѣ, ты называй Димитрія, Прокопія и др.».

[4]) Ключъ, л. 521—523.

Это общее, какъ во Франціи, такъ и въ Польшѣ—отыскиваніе популярности. Въ Польшѣ проповѣдники, ради популярности, усматривали во всемъ свѣтѣ, старомъ и новомъ, въ Палестинѣ или Турціи, Римѣ, Греціи—польскіе обычаи, порядки и особенности [1]). Во Франціи—героевъ классической древности изображали королевскими придворными съ ихъ утонченными манерами. Въ южной Руси, находящейся подъ сильнымъ впечатлѣніемъ судовъ, польская судебная практика переносилась въ область абстракцій. „Христе Спасителю"! такъ заключаетъ Антоній Радивиловскій слово на день Іоанна Богослова, „когда изъ сей плачевной юдоли мы будемъ присылать къ Тебѣ молебныя *жалобы*, пріими ихъ въ твою небесную *канцелярію*, *запиши* въ *книги* живота вѣчнаго, утверди *печатью* Твоею, св. Іоанномъ, чтобы, ставши предъ *судомъ* Твоимъ, и имѣя *при своихъ жалобахъ* Твою *печать*, мы могли-бы получить себѣ *надлежащую справу*, и по Твоему Божественному *декрету*, достигли бы царствія Твоего небеснаго [2]).

Имѣя въ виду, что нравственно-назидательный элементъ въ проповѣдяхъ былъ незначителенъ [3]), съ другой стороны,—что бытовыхъ условій жизни проповѣдь касалась мало [4]), мы имѣемъ основаніе думать, что въ области южно-русскаго общественнаго самосознанія аристократическія тенденціи, понимаемыя въ смыслѣ образованія и благородства, играли крупную роль. Если обратить вниманіе на духовенство, то увидимъ, что въ то время какъ общественные интересы оно затрагиваетъ только вскользь [5]), къ богословско-полемическимъ вопросамъ оно обнаруживаетъ чрезвычайно напряженную чувствительность. Когда въ 1668 г. въ Вильнѣ вышло сочиненіе іезуита Павла Боймы—„Stara wiara, albo jasne pokazanie, iż ci, co w dysuniej

[1]) Bartoszewicz. Historya literatury polskiej., str. 369—370.

[2]) Огродокъ Маріи Богородицы, стр. 568 и 58.

[3]) Сумцовъ. Іоанникій Голятовскій. Кіевск. Стар. 1884 г. № 2 стр. 191.

[4]) Сумцовъ. Кіев. Стар. 1884 г. № 3, стр. 565—588.

[5]) Ibid.

trwaią, starey wiary nie maią",—Барановичъ писалъ Гизелю: „спорный вопросъ, поднятый Боймой, не такой пустой, чтобы православные могли безъ вреда для себя не отвѣчать на него, потому что онъ явно упрекаетъ насъ, будто у насъ *не много такихъ, которые умѣли-бы разсуждать правильно*". Посылая въ 1670 г. Софоновичу первую часть своей „Новой мѣры", Барановичъ просилъ въ письмѣ Софоновича, Гизеля и всѣхъ игуменовъ „пересмотрѣть этотъ ночей стоившій трудъ" и „приложить своего огня, если у кого есть что-либо древнее, достопримѣчательное, то вынуть изъ ноженъ мечъ и сразиться съ Боймой"... [1]) Въ этомъ воззваніи мы видимъ, насколько духовенство оберегало свои интересы. Если къ этому прибавить, что проповѣдь составляла главное выраженіе литературной дѣятельности южной Руси, при церковномъ характерѣ образованія,—и что остальная литература, заключающаяся въ поздравленіяхъ и виршахъ, за исключеніемъ безстрастныхъ поэтовъ, прославляющихъ церковныя событія, направлялась къ царямъ и „высокопоставленнымъ" лицамъ, то характеръ южно-русской литературы обрисуется довольно ярко. Обнаруживая, съ одной стороны, складъ южно-русской аристократіи, съ другой—отстаивая классовые права подъ ферулой общеправославныхъ стремленій, она проявляла ту же обособленность партійныхъ или сословныхъ интересовъ, какъ во Франціи и въ Польшѣ. „Исторія южно русской науки и литературы второй половины XVII вѣка, говоритъ Сумцовъ, свидѣтельствуетъ, что научный прогрессъ не можетъ быть разсматриваемъ, какъ самое плодотворное проявленіе умственной дѣятельности, если онъ не основывается на національной почвѣ и не вытекаетъ изъ всеобщаго, общественнаго и народнаго, прогресса національнаго". Такой приговоръ совпадаетъ съ нашимъ выводомъ, но только одной половиной. Какъ справедливо указалъ Житецкій въ своемъ сочиненіи—„Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія

[1]) Кіевск. Старина 1884. № 3, стр. 566.

въ XVIII в." [1]),—южно-русская рѣчь не была въ рабскомъ подчиненіи книгѣ; она обнаруживаетъ мѣстами очень близкую связь съ національными особенностями современнаго языка. Слѣдовательно, разрывъ съ національностью—сомнителенъ. Но съ другой стороны, этимъ далеко не доказывается живость и чуткость южно-русской литературы къ современнымъ общественнымъ интересамъ,—и филологическая экспертиза Житецкаго, стремящаяся доказать и этотъ тезисъ [2]), какъ бы глубоко ни проникала въ морфологію и физіологію языка, остается конечно не убѣдительною тамъ, гдѣ дѣло касается соціально-политическаго направленія стремленій литературныхъ дѣятелей той или другой эпохи. Жизнь среди народа, гдѣ демократическія интересы иногда одерживали полную побѣду надъ аристократіей, заставляла прислушиваться и приглядываться къ этому дикому, но сильному демосу, волны котораго порой бурно вздымались противъ аристократическихъ тенденцій, смывая и сглаживая съ лица земли вельможныхъ пановъ. Считаться съ народнымъ впечатлѣніемъ было необходимо, по той простой причинѣ, что отъ него часто зависѣла сила и значеніе. Но снисходя къ народу въ оборотахъ рѣчи, литературные дѣятели этого времени далеко устранялись отъ него въ выборѣ литературнаго матеріала, полагая книжностью содержанія грань между интеллигенціей и народомъ.

Отсутствіе живого общественнаго интереса и здѣсь выражалось въ такихъ же рѣзкихъ формахъ, какъ и въ Польшѣ, о чемъ свидѣтельствуетъ слѣдующее стихотвореніе записи XVII в. [3]).

---

[1]) Кіевская Старина 1888 г. №№ 1—9 и 12.

[2]) Кіевская Старина 1888 г. № 12., стр. 410—412. «Можно ли утверждать, говоритъ Житецкій, что представители южно-русскаго просвѣщенія были равнодушны къ тому, что внесъ и вноситъ народъ въ христіанское вѣроученіе изъ своей національной жизни? Можно-ли сказать, что они стояли въ сторонѣ отъ этой жизни, какъ посторонніе зрители грозныхъ и многознаменательныхъ событій ея»?—

[3]) В. Перетцъ. Малорусскія вирши и пѣсни въ записяхъ XVI—XVIII в. Извѣстія отд. рус. языка и слов. И. А. Н. 1899, т.,

Середъ поля шырокого церковка стала,
Тамъ попадья до церкви людій звабляла.
Пшышлы люде до церкви Богу ся молыты,
А попъ пошедъ до корчмы горилочку пыты.
Пошлы люде до корчмы попа выбавляты:
„Пора тоби, батюхно, обидню спиваты.
„Чы забылъ си, батюхно, що недиля нынi?
„Быты чортомъ, не попомъ, пасты тоби свыни.
Тамъ попадья передъ людьмы попа оскаржала:
„Ещемци я таковего бачка не выдала,—
„Препилъ рызы и патрохель, къ тому вси уберы,
А до того все домовство, коныкы и волы".
Тамъ попадья просыла, щобы попа былы;
Былы попа кіямы, обухамы былы.
Былы попа кіямы, былы обухамы,
Казалы му утикаты до церквы зъ кныгамы.
Попъ, утикаючы, зронилъ черевыки—
Обадва му зъ ногъ спадалы, бо были велыки.
„Змылуеся, мужове, пустите зъ душою,
„Не розлучайте вы мене зъ мою попадёю!
Да не буду, не буду до корчмы ходыты—
Буду за васъ и за себе Бога се молыты" [1]).

Въ представленномъ очеркѣ мы хотѣли показать, что характеристическія черты польскихъ и южно-русскихъ литературныхъ теченій обусловливались переживаніемъ особаго момента соціальнаго развитія,—момента практическаго разрѣшенія вопроса объ отношеніи интеллигенціи къ народу, который стоялъ на очереди и въ современной европейской цивилизаціи. Понятно,

---

IV, кн. 3 стр., 895. Печатаемъ ихъ не въ польской, а въ русской транскрипціи.

[1]) Насколько глубоко проникла эта слабость въ малорусское духовенство и народъ, можно видѣть у Голубева и Перетца; см. Малор. вирши и пѣсни въ зап. XVI—XVIII в. Изв. О. Р. Я. и С. т. IV, кн. 3 895—896.

что при слабой государственной регламентаціи общественныхъ отношеній въ Польшѣ и въ южной Руси, этотъ моментъ соціальнаго броженія выражался въ болѣе рѣзкихъ формахъ и привелъ къ болѣе чувствительнымъ результатамъ, чѣмъ во Франціи или другой европейской „державѣ“.

П. Гавриловъ.

НА ЗЕЛЕНЫЙ КЛЫНЪ!

Комедія у 5 діяхъ.

ДІЕВИ ЛЮДЕ:

Я к и в ъ—селянынъ, рокивъ 80, балакае зъ прыдавцемъ, разъ-у-разъ люлька въ зубахъ.

Г н а т ъ—зять ёго—прыймакъ.

К у л ы н а—дочка Якова, жинка Гната.

Н о с ы к ъ—селянынъ, рокивъ 75.

М ы х а й л о—школяръ, унукъ Носыка.

Т р о х ы м ъ—парубокъ, молодый Марьи.

С о х в і я—удова.

Г а н н а } — дочкы ii.
М а р ь я }

Я в д о х а—жинка, литъ 40.

І в а н ъ І в а н о в ы ч ъ—пысарь.

В о р о т ы л е н к о—прыстаркуватый парубокъ, — недавно повернувся въ село зъ мандривкы.

К и н д р а т ъ—парубокъ, молодый Ганны.

С т а р ш ы н а.

Д е с я ц ь к ы й.

Л ю д е.

Ж и н к ы.

Д и в ч а т а.

О н у х р і й—наймытъ, пастухъ Гнативъ.

Дiется за нашыхъ часивъ.

ДІЯ І.

Биля Яковои хаты, у садку. На першимъ плани: справа—прычилокъ Гнатовои хаты, посередыни ворота,—за нымы черезъ кинъ—лиса, у якій колодязь. За лисою садокъ и частына двора. По предкону справа до лива—прохидъ, вулыця. —День.

Ява І.

Воротыленко та люде.

Вор. Вирьте Богови, кажу вамъ по правди, по чыстій совисти: гиршого жыття, якъ тутъ, ниде немае... Разъ—тысненіе.

1 чолов. Про тысненіе ничого вже й казаты...

Вор. Вдруге—убожество...

2 чолов. Сами злыдни—куды не подывысся.

Вор. А дали братця, вирьте по совисты, буде ще тыснише, ще скрутнише...

1 чолов. Вже-жъ не якъ: мыру намножыться, а земли не прыбавыться.

Вор. Того-жъ я васъ и прысоглашаю теперъ выходыть на Зеленый Клынъ. Перебувавъ я на своему вику по рижныхъ краяхъ,—надывывся, якъ, де нашъ братъ-мужыкъ жыве—та кращого мисця за Зеленый Клынъ не бачывъ. Про той Клынъ и въ кныжкахъ пышуть, и въ газетахъ поблыкують; адже, якъ звистно, братця, наши мужыкы—темный народъ: ти кныжкы до ныхъ не доходять.

1 чолов. Що зъ тыхъ книжокъ? Отъ, якъ ты своимы очыма бачывъ, розсказавъ намъ, напутывъ насъ, такъ мы теперъ и розибралы, якый то Клынъ, та якъ до ёго дійты.

2 чолов. Зразу 20 посемействъ згодылысь иты.

Ворот. 20 посемействъ выйде, а бильша частына селянъ зостанется тутъ, у цёму тысненіи, у цій бидности. И, вирьте Богови, болыть моя душа за ныхъ.

1 чолов. Сами выннi...

2 чолов. Боятся, бачъ, рушать, остерегаются...

Вор. Неймовирный народъ! Все боятся, що ихъ одурять та що до лыха призведуть... Ну... яка, сказаты, корысть мени обманюваты людей? Хай-бы сказалы: «бачъ, людей пидмовляе, а самъ зостается!» А то-жъ я першый спродався, першый взявъ билетъ. Була поганенька хатына, бувъ клаптыкъ грунта, и те продавъ. Може мени и гирко було продаваты, може не одну слёзу зморгнувъ, якъ побачывъ, що новый хазяинъ увійшовъ въ мою оселю.

1 чолов. Кому не шкода свого кутка покыдаты? Хай вже Господь того покарае, хто призводыть людей до такого горя.

Вор. (*звертаючысь до Ивана*). Ну, чого напрыкладъ тоби, Иване, не выйты зъ трёма сынамы на Зеленый Клынъ? Невже не обрыдло доси купованымъ хлибомъ дитей годуваты та якому-небудь Гнату за упругъ земли передкы цилуваты?

1 чолов. Боже сохраны! Одъ самого Гната треба безвисти тыкаты!..

2 чолов. Розорывъ людей въ край!

3 чолов. Треба-жъ було зъ когось потягты ти гроши, що винъ за 6 рокивъ въ банкъ наскладавъ.

1 чолов. Хиба-то винъ гроши у банкъ клавъ? То винъ нашъ кривавый питъ на проценты оддавъ...

Люде. Правда! правда!

Вор. Сами выннi, братця! Якъ таки можна допустыты, щобъ одынъ чоловикъ, одна душа—570 десятынъ въ свои рукы захопыла!

Л ю д е. Вроди за уповномошного, щобъ винъ роспытався про цину, строкы та рижни умовы...

1 ч о л о в. А винъ найнявъ всю землю на свое имья... Отъ теперъ винъ и замышляе всимъ селомъ, якъ схоче...

В о р о т. (*до Ивана*) Бачъ, Иване! Циле обчество не вдіе ничого зъ Гнатомъ, а ты зостаешся у такому пекли. Выходь, брате! Хочъ за-рады дитей выходь. Я тоби и купця знайду на твою земельку...

И в а н ъ. Купець тутъ одынъ—Гнатъ. Хочъ за-дешево, а купыть. Не объ тимъ я клопочуся, не того я боюся.

В о р. Не бійся ничого! По правди, по чыстій совисти кажу тоби: гирше, чымъ тутъ, жыття, ниде немае.

И в а н ъ. Воно-то такъ... не медъ тутъ пьемо, а, бува, ще у гирше вскочу?

О л е к с і й (*що ввесь часъ слухавъ пыльно розмову Вор. зъ Иваномъ*). А чы не помандруваты, хлопци, и менѣ зъ вамы?

1 ч о л о в. Иды, иды, Олексію! Краще буде, чы ни, а гирше не буде.

2 ч о л о в. И въ пекли гирше не буде: незабаромъ Гнатъ чысто задавыть.

3 ч о л о в. Теперъ вже насъ не задавыть—не досягне на Зеленый Клынъ.

О л е к. Я охочый теперъ иты, такъ баба не хоче...

В о р. „Пытай бабу про борщъ, а не про дощъ!“

1 ч о л о в. Баба щось тямыть!..

2 ч о л о в. Не слухай бабы!

В о р о т. Якъ ты пидешъ, то и меньчый твій братуха, и буде родына на новому мисци. Не бійся ничого,—кажу тоби по правди, по чыстій совисти: я той Зеленый Клынъ и вдовжъ, и впоперекъ сходывъ—знаю, де-якый струмочокъ протикае, де-яка рослына проростае. А степу того, степу—якъ море!

Л ю д е. Иды, Олексію! Не слухай Ивана! то така людына, що и батькови ридному виры не пойме...

И в а н ъ. А вже-жъ и батюшка умовлялы вчора людей не выходыты.

Л ю д е. Ще-бъ панъ-отець прысоглашавъ людей выходыты? Зъ чого винъ и жытыме, якъ никого буде ни хрыстыты, ни ховаты?

В о р. Батюшци велыкый уронъ выйде видъ того, що парафія зменьшыться—ничого ёго и слухать, а мени яка корысть обманюваты васъ?

О л е к. (*до Вор.*). Такъ Гнатъ згодыться, кажешъ, купыть мою землю?

В о р. Ку́пыть, ку́пыть!

О л е к. Скилько тоби завдатку давать?

В о р. По 3 карбованця видъ чоловика, та по 1 карбованцю видъ дытыны та бабы.

И в а н ъ. Куды-жъ воно ци гроши пидуть? Воротыленку за клопоты, чы що?

В о р. Мени? Хиба на мени хреста немае? Я свои кревни гроши выстрачую на маркы, а то-бъ я схотивъ зъ людей брать за клопоты...

1 ч о л о в. Винь тыхъ грошей переславъ на Зеленый Клынъ мабудь чы не зъ-тысячу?

В о р о т. Вирьте совисти: пивъ-скрыни самыхъ квыткивъ зъ почты...

О л е к. Ось на 3 карб. за мене, 2—за дитей, а 1 карб. за бабу (*дае*).

В о р о т. Я тоби сёгодни и роспыску дамъ...

Л ю д е. Отъ и слава Богу,—ще одынъ йе... Иды бо й ты Иване!

И в а н ъ. Ни, мабуть.

В о р. Неймовирный чоловикъ. Тоби хочъ прысягайся, хочъ божыся—виры не поймешъ! Хто-жъ я тоби такый? обманщыкъ? твоею троячкою хочу пожывытысь?..

Л ю д е. Вольному воля... Може ёму Гнатъ золоту труну справыть... (*Иванъ ображеный иде геть*).

В о р о т. Вы вже, братця, дайте Гната на мою ручъ: я зъ нымъ побалакаю! Я ёму прыгадаю вси мошенства,—якъ винъ

прыбывся сюды рубець на рубци и якъ шахрайствамы насмоктався нашои крови.

Л ю д е. На тебе вся надія.

Ява 2.

Ти-жъ и Якивъ.

Я к и в ъ (*выходитъ зъ хаты*). А що, бисъ вашому батькови, дошкулылы, оводы? напала дроковыця? Мабудь и я старистью задеру хвистъ та подрочуся за вамы ажъ на Клынъ!

В о р. Вамъ, диду, и тутъ добре: маете свій кутокъ, свій шматокъ, ще й людямъ пособляете!

Я к и в ъ. Сто купъ чортивъ твоему батькови зъ твоимъ шматкомъ та куткомъ! За тымъ зятькомъ собачымъ вже и мени неможна на свити жыты.

В о р о т. А на вищо ёму волю далы? Чому спочатку не прыкрутылы?

Я к и в ъ. Хай ёго нечыста сыла скрутыть. Хиба я знавъ, яка сатанюка въ ёму сыдыть? Колы вже мыръ, обчество не вдіе ёму ничого, такъ куды вже мени одынокому злыгаться зъ нымъ! Навыдурювавъ въ мене векселивъ, сто купъ чортивъ ёго батькови, заграбывъ мою батькивщыну у свои рукы—незабаромъ и мене зъ хаты выжене.

1 ч о л о в. Вамъ того не буде, а намъ и теперъ жыття немае.

2 ч о л о в. За 6 рокивъ ёго аренды—чысто хазяйства збулыся...

Я к и в ъ. Попсувавъ людське жыття, якъ той шашель поточывъ, щобъ ёму червы утрунокъ поточылы... треба тикать звидсиль, та й край!

Л ю д е. Отсе и тикаймо, диду! На край свиту тикаймо—спасыби Воротыленку, що напутывъ насъ...

Ява 3.

Ти-жъ и Гнатъ та пысарь.

Г н а т ъ. Здорови булы, господа переселенци! По диламъ якымъ до мене?

Вор. Дило наше коротеньке, Гнату Трохымовычу...

Якивъ. Не велычай ёго, сто купъ чортивъ ёго батькови, по батюшци...

1 чолов. Цытьте-бо, диду, хай Воротыленко каже.

Вор. Якъ тоби самому звистно, люде ци выходять на переселеніе и имъ та земля, що воны нанялы у тебе, безъ надобности.

Гнатъ. Воны вже ту землю передалы другымъ арендаторамъ.

Вор. Передалы, и нови арендаторы тоби вже и задатокъ внеслы.

Гнатъ. Ну?

Вор. Такъ ось люде прохаютъ твоеи ласкы, щобъ ты имъ повернувъ по 4 карбованця видъ десятыны, що тоби воны внеслы впередъ за аренду.

Гнатъ. Грошей я не верну.

Ворот. А мы такъ думаемъ, що ты, якъ совистный чоловикъ, не схочешъ двичи зо одну и ту-жъ десятыну брать.

Гнатъ. Дурень думкою багатіе!

Ворот. Гнате Трохымовычу! Громада тоби не дурень!

Якивъ. Ачъ! чортъ-бы вбывъ ёго батька! Оголывъ, обибравъ людей, та ще й лается!

1 чолов. Цытьте, диду!

Вор. Ты, Гнате Трохымовычу, послухай, що я тоби скажу по правди, по чыстій совисти. 6 рокивъ тому назадъ люде выбралы тебе за уповномошного, бо ты доводывся зятемъ Якову.

Якивъ. А, щобъ винъ не диждавъ, сто купъ чортивъ ёго батькови!

Пысарь. Вамъ, диду, може тутъ и дила немае?

Якивъ. Матери твоій ковинька! Тоби чы й е, чы немае дила, а я—тутъ хазяинъ! Я, якъ схочу, то утру носа твого кырпатаго! Мій зять обмошеннычавъ все село, нанявъ на свое имья ту землю, що селяне доручылы ёму наняты для всёго обчества, та ще мени и дила немае?

Л ю д е. Погодить трохы, диду!

Я к и в ъ (*махнувъ рукою, иде въ хату*).

В о р о т. Невже ты, Гнате Трохымовычу, завладивши 570 десятынамы и совисть загубывъ?

Г н а т ъ. Я загубывъ? А ты мабудь знайшовъ ій? Ха! ха! ха! Гляды лышень, щобъ ты зъ гымы троячкамы, що зъ людей збираешъ, часомъ и головы не загубывъ!..

П ы с а р ь. Це вы напрасно конфузыте чоловика: винъ на гроши роспыскы дае...

В о р. Я на ти троячкы роспыскы даю, а ты взявъ за 570 десятынъ 2000 карбованцивъ, та жодного документа не давъ...

Л ю д е. Правда, правда! Воротыленко хочъ и бере гроши, такъ роспыскы дае...

Г н а т ъ (*передражнюючы*). Роспыскы, роспыскы!..

П ы с а р ь. Роспыскы по хворми...

Г н а т ъ. А я не хочу ни роспысокъ давать, ни грошей вертать. Я не сылувавъ никого землю брать, не сылувавъ и теперъ кыдаты: схотилы — взялы; не схотилы — покынулы, побиглы за Воротыленкомъ на Зеленый Клынъ—мени ще краще.

1 ч о л о в. Бодай тоби такъ хотилось помирать, якъ намъ хочется кыдать свои нывы! Горе, лыхая годына та недостатки женуть насъ на той Клынъ!

Г н а т ъ. Чого видъ моеи души вамъ треба? Грошей я вамъ не верну, бо по закону задатку я не повыненъ вертаты. Не гайте мене, бо мени ще скрутнишъ, нижъ вашому Воротыленку зъ ёго троячкамы. (*До пысаря*) Выймайте, Иванъ Ивановычъ папиръ та пышить завдаточну Матвію.

О л е к с і й. Я здатенъ продать тоби мою нывy.

Г н а т ъ. Огъ и добре. Иды-жъ сюды! Пышить-же Иванъ Ивановычъ, попередъ запродажню Олексіеви... Кулыно, несы 2 дзыглыкы! (*Кулына выносыть*).

Г н а т ъ. Пышить, та й проказуйте, щобъ и мы зъ Олексіемъ чулы... (*Сидае, за нымъ сидае пысарь. Олексій выступае до столу. Люде стоять зажурени*).

П ы с а р ь (*почынае пысать*). 1899 года, апрѣля 8 дня, я нижеподпысавшыйся...

Якивъ (*выходе зъ хаты*). Чого вы стоите на ногахъ, щобъ воны вамъ посохлы! Антыхрысты сыдять, а воны стоять.

1 чолов. (*до людей*). Якъ, хлопци? Будемъ сидать, чы будемъ тикать?.. (*Люде мовчатъ зажурени*).

Пысарь. Олексій Гаврыловычъ Горленко...

2 чолов. Ты, Гнате, намъ хочъ по 3 карбованця верны.

Пысарь. Продаю свій участокъ земли...

1 чолов. Визьмы, Гнате, по 1 карб. одъ десятыны, а ти намъ верны...

Пысарь. Находящейся въ урочищѣ...

Ворот. Люде прохаютъ тебе вернуть имъ по 3 карбованця.

Пысарь. Мѣрою, примѣрно одна десятына.....

1 чолов. Хочъ-бы по 2 карбованця вернувъ.

Ворот. Явы божеську мылость—верны, Гнате Трохымовычу, хочъ по 2 карбаванця: имъ путь далекый—кожна копійка у прыгоди стане.

Пысарь. Помежныкы сёго участка—земля крестьянина...

Якивъ. Чы ты оглухъ, щобъ тоби позакладало, чы онимивъ, щобъ тоби зацыпыло... Чого ты сыдышъ, щобъ ты камнемъ сивъ нерухомымъ,—чого людямъ не видмовляешъ ничого?

Пысарь. Кузьмы Тарасовыча Грушкы—зъ одной стороны...

Якивъ. Заплюйге оттій собаци дворовій, отому голодранцю, тому прыймаку собачому очи та ходимте до Земського правды шукаты...

Люды. Ходимте, братця!

Ворот. Може ты такы, Гнате Трохымовычу, надумався?

Гнатъ. Мидного шага не верну!!!

Якивъ. Хай-же ти мидни шагы тоби болячкамы повыступаютъ! Ходимте до Земського! Иды и ты, Олексію, зъ намы!

Олексій. Хай, мабудь, моя купча пидожде. (*Идуть*).

Ява 4.

Гнатъ та пысарь.

Гнатъ. Невже воны пидуть до Земського?

Пысарь. Безъ вниманія...

Гнатъ. А може йе такый законъ, що я повыненъ вернуты?

Пысарь. Никотораго закону. Задаточна сумма вполни прыпадлежитъ вамъ, хоча наемъ и не состоявся. Окромя того, воны не пійдутъ, бо Воротыленко ихъ не допустыть.

Гнатъ. Не допустыть? Гм... и що воно за людына, отой Воротыленко? Морока ёго розбере! Иноди я слухаю ёго та тилько дывуюсь самъ соби: яка ёму охота оттакый клопотъ на себе брать, яка ёму корысть зъ тыхъ переселенцивъ? А иншый разъ, якъ зазырну ёму у вичи, якъ подывлюся, якъ ти очи бигають и сюды, и туды, ажъ до неба пидводятся, такъ и не те подумаю.

Пысарь. Да... чоловикъ—що орихъ: роскусы спервоначалу, а потомъ и скушай....

Гнатъ. Отъ-же люде ёго слухають. Вчора я такъ, на смихъ сказавъ Воротыленку: „набираешъ новобранцивъ, а Олексія и не пидмовышъ“, колы вже сёгодня Олексій земельку продае—мабуть походывъ Воротыленко вчора биля ёго.

Пысарь. Да, да... вамъ зъ переселенцивъ достаточна польза. И особенно, ежели вы познакомитеся краще зъ Воротыленкомъ. Не совитую вамъ зъ нымъ сварытыся.

Гнатъ. 20 десятынъ земли, та 2 грунта прыкупывъ—онъ якъ! Ще колы-бъ Иванову нывку... я вже Воротыленку натякнувъ на Ивана.

Пысарь. Да, да... для денежнаго чоловика переселенци выгодна штука. Уменьшится, правда, народонаселенія!

Гнатъ. То що? абы корыто, а свыни будутъ. А знаете, Иванъ Ивановычъ, яка теперъ мени въ голову думка засила? Не одгадаете? Сохвіину леваду купыть!

Пысарь. Не продасть!

Гнатъ. То-жъ то и горе мое, що не продае. Вже я прохавъ, вже я умовлявъ—не вдію нычого, уперлась: „не продамъ своеи матерызны“, та хочъ ты іи печы—одно товче... А я безъ тіи левадкы, якъ звязаный: кругомъ куплени грунты, а посередыни—ота левада!

П ы с а р ь. Да... выходыть, земля не по хворми.

Г н а т ъ. То-жъ то йе! Думавъ вже я, думавъ,—цилу ничъ продумавъ, та ничого и не прыдумавъ. Може вы що-нѣбудь прырозумiете? Вы на те мытець! Ось подумайте: якымъ-бы чыномъ оту кaпостну бабу звидсиль подали? Я вже хотивъ Воротыленку слово закынуты, 25 карбованцивъ не пошкодую, iй Богу.

П ы с а р ь. Трудненько! Отъ, колы-бъ iи на Зеленый Клынъ.

Г н а т ъ. Тю... у! Зъ 6 дочкамы? Що се вы?

П ы с а р ь. Трудненько! треба подуматы... Одначе, я думаю, возможно...

Г н а т ъ. Ну?

П ы с а р ь. Праве слово, возможно.

Г н а т ъ. Голубчыку! Повирьте: проклята левада у печинкахъ сыдыть—черезъ неи вся земля не по хворми...

П ы с а р ь. Да, правыльной, стaло буть, хвормальности не iмiется...

Г н а т ъ. То-жъ то йе! Якъ на мою натуру, то я здатенъ и 30 карбованцивъ вамъ за труды дать.

П ы с а р ь (*протягуе руку*). Иде! 30 карбованцивъ та могорычъ.

Г н а т ъ. О? Вже щось надумалы. По очахъ бачу, що надумалы! Ну й голова! Ну й голова! Iокы до могорычу, пропустымо по чарчыни заразъ... За-для хвантазiи? Идёть? (*Пишлы въ хаму*).

Я в а 5.

Марья (сама).

М а р ь я (*выходыть зъ видрамы до колодязя*). Никогисинько.. (*озырается*)... Отъ-бы! А ёго нема! (*Выляда*). Казавъ, що буде йты поузъ Гната... И, Господы, якъ я ёго кохаю!.. А винъ?... (*замыслюется*) Дурна я проты ёго... Винъ—то про книжкы, то про людей... то про таке, що й не второпаю... А запальный, ажъ кыпыть... Ой, Господы, Господы! (*По паузи тыхо спива, а дали смилывище*).

Зеленая лищынонько, чомъ не горышъ та все курышся?
Ой, молодая, та дивчынонько! чого плачешъ, чого журышся?
Якъ бы-жъ я була сухою, я-бъ горила,—не курылася:
Ой, якъ бы знала, що за нымъ я буду,—не плакала-бъ и, не журылася!

Ява 6.

Марья и Трохымъ.

Трохымъ (*пидкрадается*). Чы ба! Онъ хто? А я соби думаю, якый-то соловейко не въ пору!

Марья. Трохыме! Голубчыку!... А я все ждала...

Трохымъ. Задéржалы...

Марья. Уси до тебе, и ты до всихъ!.. а до мене й часу нема...

Трохымъ. Ремствуешъ? Якъ-бы я на баловство яке часъ тратывъ, чы тамъ на яку втиху... ну, то ще-бъ нарикаты можна, а ты сама знаешъ, що всяке обчеськé лыхо мене за печинкы бере...

Марья. Такъ те-жъ лыхо не свое, а чуже...

Трох. Не говоры такого: не чуже, а свое! Хиба-жъ селяне не ридни намъ? Одно обчествò, одна симья... Тилько разомъ, дружно и можна видъ напастныкивъ боронытысь... Та й то визьми: колы сусидня хата горыть, то треба ій гасыты, а то за нею пиде й все село...

Марья. Господы, якый ты розумный!.. А тилько-жъ и мени хочется зъ тобою постояты, побалакаты... бо такъ нудно...

Трох. Ни! Ще може й обрыдну... адже-жъ цилый викъ будешъ зо мною балататы, якъ Богъ поможе...

Марья (*прыпада*). Не обрыднешъ! Зотлію видъ щастя!

Трох. Зозулько моя! (*Обнима*).

Марья (*лукаво*). А Ганна вже подала рушныкы... Такъ маты казалы, щобъ ждалы другои пары... Щобъ разомъ весилля.

Трох. То чы не засылать свативъ и мени,—якъ думаешъ?

Марья (*соромлыво*). Це-жъ тоби думаты?.. Я тилько кажу, що маты-бъ теперъ охитниши...

Трох. Ну, такъ я зразъ и пиду...

Марья. Постій-бо ще... Хочъ хвылынку...

Трох. Краще урваты хвылынку на дило: до матери, до старостивъ... щобъ зразъ... та ще онъ про того вертыхвоста роспытать: збунтувавъ циле село и зъ пысаремъ щось шахруютъ... Ну, я—не я, колы не досвидчу цёго мошенства!

Ява 7.

Ти-жъ и Явдоха.

Явдоха. Ахъ, голубята... злетилысь до крыныци побуркотаты...

Трох. Це я пытавъ, чы маты ii дома?

Явдоха. А може й мени зайты слово закынуты?

Трох. Що-жъ, будьте ласкави! (*пишовъ*).

Марья. Матери тилько до вечора дома не буде... (*Пишла зъ видрамы*). Не дзвонить, тилько, титочко!

Явдоха. Пары зъ вустъ не пущу... Я тилько до Кулыны на леваду... (*пишла черезъ ворота въ садокъ*).

Ява 8.

Якивъ, Носыкъ, Мыхайло.

Носыкъ. Эге, аге... и въ Святому Пысаніи сказано: „не мечить бисерю“...

Якивъ. Чортъ-бы вбывъ ёго батька, ничого не вдiешъ—пропалы людськы гроши. Воротыленко каже, що не вартъ и до Земського ходыты, бо и Земськiй не вдiе ничого. Тривай-же, сто купъ чортивъ твоёму батькови,—я тоби виддячу (*до Мыхайла*). Сидай тутъ на прызьби та пышы. (*Самъ сидае на колоди, курыть люльку.*

Носыкъ (*заходыть, показуе Мыхайлу другый дзыгыкъ*). Эге, эге... Ось дзыгыкъ, папиръ, ось перце, ось чорныло. Не хапайся, не поспишайся!

Я к и в ъ. Почынай!

Н о с ы к ъ. Слухай, Мыхайлыку, пыльно слухай, та спысуй. (*до Якова*). Винъ у мене, хвалыть Бога, не-абы якый... эге, эге... грамота, чыстопысаніе, всяческы наукы ёму у дило пишлы.

Я к и в ъ (*нетерпляче*). Пышы. Одказую все свое имущество, всю свою худобу, писля смерты моеи, хрещеныци своій Ганни Тымохвіевни. Хай вона та диты іи пожывуть те, що я прыбавъ за свій викъ. Хай вона бере и коривъ, и воливъ, и коня, и овець, и все те, що въ хати и биля хаты, а та дворова собака, мій зятёкъ, чортъ-бы вбывъ ёго батька...

Н о с ы к ъ. Ось слухай-бо, Якове,—не въ гнивъ тоби буде, що скажу: не годыться, не подоба у тастаменти своему духовному таки богомерзськи слова вжываты. Слово—тежъ гострый мечъ,—нымъ пронзаются серця.

Я к и в ъ. Чіе серце? Оттого харцызныка; оттото катюгы? (*до Мыхайла*). Пышы дали: И одказую свое поле—15 десятынъ, свій синокисъ и гай свій хрещеныци моій Ганни Тымохвіевни, а тыхъ векселивъ, що выдурывъ у мене мій зять, Гнатъ, щобъ не зыскать, бо винъ самъ мошенykъ, и ти вексели мошенськи, бо я грошей у ёго, голодранця поганого, ни колы не бравъ и не повыненъ виддаваты.

Н о с ы к ъ. Эге, эге... не повыненъ.

Я в а 9

Кулына, а за нею Явдоха (*надходять зъ-заду*).

Я к и в ъ. И я ёго проклынаю; и колы-бъ у мене не болилы ногы та поперекъ, то я-бъ ёго ще у вязныцю заперъ, бо прысягну, що то винъ колысь покравъ въ экономіи зализни зубкы зъ боринъ.

К у л ы н а. Тату! Бога бійтеся; отаке запысуваты!

Я к и в ъ. А дочци своій, Кулыни Яковлевни, запысую те, у чимъ стоить: щобъ не брала ни одежи, ни полотна, ни пряжи, бо вона тежъ нестоюща ничого.

К у л ы н а. За вищо вы гниваетесь на мене? Чы мени змагатыся зъ чоловикомъ?

Якивъ (*до Мыхайла*). Пышы вже. Чы довго ты тамъ перевертатымешъ?

Носыкъ. Неможна такъ, погоды. Эге, эге... земелькою прытрусыть. (*Трусыть, обережно перевертае папиръ*).

Якивъ. Одпысую все хрещеныци своій, Ганни Тимохфіевни. Та щобъ ёго, отту дворову собаку, оттого прыймака бисового, щобъ до моеи труны не допускалы, бо винъ и до прычастія идезъ цыгаркою въ зубахъ, и пятныци не держыть, якъ той бусурманъ поганый.

Носыкъ. Эге, эге... А ты, Мыхайлыку, не помыляйся, де „еръ“, де „еры“ та змягчай, змягчай.

Мыхайло. Адже я, диду, написавъ: „пятьници не дерьжить“.

Носыкъ. Эге... эге—по науци.

Якивъ. Чорты батька-зна що верзешъ. Пышы такъ, якъ я проказую: „пятныци не держыть“.

Носыкъ. Безъ гнива, безъ серця...

Якивъ. Весь хлибъ, все борошно, що по кухняхъ та засичкахъ одпысую тежъ людямъ.

Кулына. То-бъ то вже намъ зъ голоду пропадаты (*плаче*).

Якивъ. А колы та прыблуда, та дворова собака пидъ тыномъ пропадатыме, то щобъ нихто шматка хлиба не подавъ. Такъ и пропысуй: Якивъ забороняе пособляты Гнатови, або годуваты ёго,—хай ёго червы такъ пойидять, якъ винъ людей йисть; хай винъ такъ по правди пропаде, якъ по правди жывъ; хай ёму отти проценты, що винъ зъ людей дере, болячкамы повыступають (*встае*). Оце и край! Давай духовну.

Носыкъ. Погоды, погоды, ще треба пидпысаніе зробыты и волостну печатку...

Якивъ. Ну, такъ ходимъ до волосты!

Кулына (*плачучы, йде въ хату*).

Явдоха (*наближаетеся до дверей, щобъ пидслухаты, а колы почула, що йдутъ, видскочыла и потягла до ворить*).

Явa 10.

Явдоха, Гнатъ та пысарь.

Гнатъ (*у двери*). Ну, вже завела! Геть соби зъ своимъ батькомъ... тутъ дило, а тутъ тоби баба—не люблю!

Пысарь. Н-да... бабское дило особъ стаття... (*глянувшы*). А генъ и Явдоха!

Гнатъ. Це ты, Явдохо? Отъ и добре. А йды, иды сюды! Давно хотивъ я съ тобою побалакаты.

Явдоха (*наблыжаючысь*). Иду, иду, серденько. На вищо я тоби, голубе мій, здалася?

Гнатъ. А скажы мени: якъ ты на суди показувала?

Явдоха. Колы?

Пысарь. По дилу Кисленка та Гната Трохымовыча.

Явдоха. Мои голубьята! Я не була й на суди.

Пысарь. Якъ, не була? Оце штука! А кого я трычи за рукавъ сипавъ?

Явдоха. Такъ, такъ, була... вбигла на часыночку, та й побигла зразу до-дому, бо у мене саме хлибъ у печи допикався, а вже той святый хлибець, якъ передержышъ у печи...

Гнатъ. Такъ, такъ... балакай, замовляй зубы! Ты була на суди до самого кинця и показала, нибы-то не чула, щобъ Кисленко лаявъ мене.

Явдоха. Бо таки не чула, серденько! Не чула, хай я прахомъ розсыплюся передъ тобою, не чула! хай свята земля розступытся передо мною.

Гнатъ. Ты-жъ мени сама казала, якъ землю наймала, що Кисленко мене мыройидомъ называвъ.

Явдоха. Называвъ, называвъ, серденько. Що казавъ—то казавъ, того и таиты не хочу. Чы винъ мени братъ, чы винъ мени сватъ, щобъ я ёго покрывала?

Гнатъ. А дворовою собакою не называвъ?

Явдоха. И дворовою собакою, та ще скаженюкою, матинко, называвъ. „Нема, каже, жыття тому нещасному диду Якову че-

резъ ту дворову собаку"; „передушыть", каже „ота скаженюка всю громаду, все обчество".

Гнатъ. Ось бачъ!

Явдоха. А щобъ винъ тебе якъ лаявъ, або понòсывъ.... такъ, хай я оце й до-дому не дійду, колы що чула. Не те що..., а хочъ запрысягну, хочъ Вангѐліе зразу цилуватыму.

Гнатъ. Ты-жъ ось и теперъ кажешъ, шо винъ мене „скаженюкою" называвъ?

Явдоха. Называвъ,—не хочу й гриха на душу брать,— не хочу й брехаты. А щобъ винъ тебе якъ лаявъ...

Гнатъ. Пфу! Лыстопадна, оглашенна баба! Чуете, Иванъ Ивановычъ!

Пысарь (*ходыть весь часъ по кону, миркуючы про себе*). Не перебаранчайте, Гнате Трохымовычу, моихъ разсужденівъ. Комбынація одна прыйшла въ голову.

Гнатъ (*до Явдохы, строго*). Якъ-же ты смила показаты на суди, що не чула, що винъ мене лаявъ?

Явдоха. Бо такы не чула, серденько! Хай мене завійна визьме, колы я що чула. Хай я святои недиленькы не дижду, хай мене свята пятинка покарае!

Гнатъ (*роспалывшысь*). Ты мени казала, що винъ мене и злодіемъ называвъ!

Явдоха. Обзывавъ злодіемъ, серце, обзывавъ. „Цей", каже „злодій середъ билого дня у обчества аренду выкравъ".

Гнатъ. Чого-жъ ты всихъ ёго сливъ та на суди не переказала?

Явдоха. Не пыталы мене, серце, то и не казала. Колыбъ мене запыталы такъ, якъ оце ты, поздоровъ тебе Боже, мене пытаешъ, то я-бъ и сказала. А то поклыкавъ тилько мене суддя, та й пыта: „Чы ты чула, що Кисленко Гната лаявъ?.." А я кажу: „ни", бо—хай мене посудомыть, хай мени хата згорыть, колы я опричъ цихъ сливъ, що тоби переказала, яку лайку чула...

Гнатъ. Лукава баба! Тоби Кисленко мишкомъ пшеныци вуха позакладавъ, такъ ты и не чула...

Явдоха. Охъ, мени горенько! Хто тоби це набрехавъ? Хай я передъ тобою прахомъ розсыплюся, колы брешу: одну-однымъ мирочку пшеныци насыпавъ, та й ту лопаткою счерк-нувъ...

Гнатъ. Чуете, Иванъ Ивановычъ! Чуете, яке правосудіе? Миркою пшеныцю купують соби свидкивъ!! А я-жъ тоби полтынныка зъ аренды за вищо збавывъ? Зарады того, щобъ ты за мене на суди руку потягла, а ты опъ якъ! Давай-же теперъ того полтынныка назадъ,—черезъ тебе я трохы не зостався на суди вынуватымъ.

Явдоха. Ты вынуватый? Крый маты Божа, Царыця Небесна! Того николы не було, и до вику не буде, щобъ ты зостався вынуватымъ. Мало у тебе заступныкивъ та порадныкивъ? Поздоровъ Боже Ивана Ивановыча—воны самы тебе зъ пекла вызволять!

Гнатъ. Иванъ Ивановычъ! Годи-бо вамъ бигать: послухайте, що Явдоха каже. Кумедія зъ нею, ось идить сюды! (*тягне Ивана*).

Пысарь (*остороняючысь*). Дозвольте-бо, не перебаранчайте моихъ розсужденіивъ...

Гнатъ. Бачъ, яке правосудіе! Ну, йды! И-къ вечору,—щобъ булы гроши!

Явдоха (*идучы*). Розсердывся, розгнивався, а за вищо?

Гнатъ (*у слидъ*). И-къ вечору—гроши!

Пысарь. Тее... Дозвольте, Гнате Трохвымовычу! Одна комбынація! Авдотія Мыхайловна, вернится—сидайте! Вы, Гнате Трохвымовычу, зостаетеся пры своёму законному основанію сердытыся на свою сусидку, я-же—сторонній чоловикъ и даже одчасти благожелатель весьма поважаемои Авдотіи Мыхайловны.

Явдоха. Голубе мій! Я-жъ у твоеи сестры бабувала.—Такого гарненького хлопчыка послявъ Господь.

Пысарь. Достаточно знаю: це мій крещеныкъ. И вотъ въ благодарность за ваши труда хочу одкрыть вамъ одынъ секретъ. Тилько секретъ цей...

Явдоха. Не скажу никому, пидъ огнемъ, пидъ зализомъ мовчатыму. Ось Гнатъ сердыться на мене за те, що я на суди

мовчала, а я зроду така небалакуча. Въ мене и маты булы и весь ридъ такый... Я и небози своій наказую разъ-у-разъ: „гляды, дочко!!..

Пысарь. Про вашу небогу и ричъ моя...

Явдоха. Я согласна, согласна! Хай Богъ помагае. Якъ що парубокъ пидхожый, не ледачый, не пьяныця...

Пысарь. Конечно, конечно... тилько це описля. Теперъ скажить мени: вы свою небогу дуже любыте?

Явдоха. Боже мій! Де-бъ то не любыты? Що у людей по 6 ридныхъ дитокъ, та й то воны въ ныхъ кохаются, а у менежъ вона одна одыначка, сестрына сыриточка,—души въ ній не чую. У неи заболыть пальчыкъ, а у мене—серце. У неи—голивонька, а у мене душа охолоне...

Гнатъ. Що це за розмова? И къ чому вона?

Пысарь. Сказавъ вамъ: комбынація (*до Явдохы*). А багацько втрачаетесь на неи?

Явдоха. Охъ! и не пытайте! Чы повирыте, мои голубята, самыхъ спидныць цей рикъ на 3 карб. зносыла,—ось, щобъ я луснула, колы брешу. Колы-бъ моя воля, то я-бъ оти спидныци и носыть заборонила.

Пысарь. Ну, я вамъ зразу пособлю, Авдотія Мыхайловна (*вытягае бумагу*). Бачылы цю бумагу?

Явдоха. Що-жъ воно за бамага!

Пысарь. Видгадайте!

Явдоха. Про спидныци.

Пысарь. Ни, краща... Далеко краща...

Явдоха. Про землю пидъ зализныцю.

Пысарь. Краща!

Явдоха. Охъ, моя матинко! Про кытаянцивъ!

Пысарь (*здывовано*). Про якыхъ кытаянцивъ?

Явдоха. Невже не знаете? Незабаромъ звидкилясь прывезуть багацько кытаянцивъ: на кожну хату по кытаянцю.

Пысарь. На-вищо?

Явдоха. Щобъ робылы. Тамъ-же, кажуть, таки робочи, таки хлиборобы, що кращыхъ не зискать, а йидци таки, що и за кошеня не зйидять... Та невже такы вы не чулы...

Пысарь. Ахъ! такъ, такъ... я и забувся... Адже ця бамага ще краше за кытаянцивъ...

Явдоха. Охъ, моя матинко!

Пысарь. Це не бамага, а щастя...

Явдоха. И, Господы!..

Пысарь. Тилько прохаю васъ, Авдотія Мыхайловна, ни слова никому не переказуваты. Це я вамъ тилько за-рады хрещеныка...

Явдоха. Та побый мене сыла Божа! хай передо мною земля розступыться... Моя и маты була, мій и ридъ увесь...

Пысарь. Достаточно знаю и покладаюся на васъ. Сидайте-жъ та слухайте бамагу. Слухайте и вы, Гнате Трохымовычу, бо и вы не чулы сёго цыркуляра...

Явдоха (*сидае*). Моя й матинко, цвинкуляръ.

Пысарь (*чытае*). Конфинціальный, секретный правительственный циркуляръ и предписаніе волостному правленію Новинской волости за № 20 (*одкашлюется, чытае дали выразно. Гнатъ здывованный. Пысарь ёму моргае*). У выду того, що на Амурскій край, а равно и Зеленый Клинъ переселяется только мужескій полъ и при томъ въ вполни достаточномъ количестви и даже зъ излышкомъ, объявляется, що за недостаткомъ женьскаго полу изъ дивыць, присоглашаются туды на Зеленый Клынъ, дивыци зъ такымъ рощотомъ, що *за кожну дивыцю казна выдае родителямъ по сто рублей серебромъ*.

Явдоха (*склескуе рукамы*).

Пысарь (*чытае*). А дивыци присоглашаются сочетаться *немедля* законнымъ бракомъ зъ вполни дастаточными женыхамы, при чемъ дается имъ по 2 китаянця для всяческыхъ роботъ...

Явдоха. И, голубьята мои! Оттаке щастя!

Пысарь (*чытае*). У случаи-же зъ дивыцямы прибуде маты ихъ ридна, котра состоить у вдовстви, то женыхъ, окромя вышепрописанныхъ 100 рублей, обязуется пидпыскою при волостномъ правленіи давать вдовствующей свекруси ежемисячне пропитаніе и подобающе содержаніе въ одежи...

Явдоха. А кытаянцивъ свекруси вже и нема: хай сама робыть.

Пысарь (*дочытуе*). И по одному кытаянцю.

Явдоха (*зъ одчаемъ*). И, голубьяточкы-жъ мои! Про самыхъ дочокъ пропысано, а про небогъ—ничого.

Пысарь (*ударяе себе по лоби*). Отъ тоби и разъ! Я и забувся, що у васъ дочкы немае. Ахъ, досада, досада!

Явдоха. Може воно можна зъ небогы на дочку перепысаты. Не дурно кажуть: „не то маты, що на свитъ породыла, а то, що выгодувала; а я-жъ за нею побывалася, я-жъ на неи утрачалася...

Пысарь. Ни, ни, це невозможно. Колы-бъ можна було, то-бъ я зъ своею сестрою та матирью всихъ своихъ небогъ вырядывъ.

Явдоха. А сестрыця ваши пійдуть?

Пысарь. Немедля.

Явдоха. Оттаке людямъ щастя: по 100 карбованцивъ, ще й по 2 кытаянци. Це, якъ-бы Сохвія дизналася...

Пысарь. О! я такъ и знавъ! Зразу побижыте до Сохвіи зъ секретнымъ циркуляромъ, и тоди я пропавъ: вона якъ рушыть зъ своима 6 дочкамы, то ни моій сестри, ни маминьци не буде мисця.

Явдоха. Боже бороны, щобъ я ій сказала.

Пысарь. Одже голову пидъ закладъ виддамъ, що скажете Сохвіи... У неи дивочои одягы до-ката, то вамъ зручно, щобъ вона спродувалася.

Явдоха. Нужна мени ій одяга! У мене самои, абы носыла! Прощайте!

Пысарь. Глядить-же, прохаю васъ, про циркуляръ ни слова.

Явдоха. Ни, ни, ни! Никому! (*швыдко йде зъ кону повзъ хату*).

Ява 11.

Гнатъ та пысарь.

Гнатъ. Ха—ха—ха! Ажъ теперъ я розибравъ. Та й штуку жъ вы пидвелы.

Пысарь. Комбынація—ха—ха—ха! Я такъ и знавъ, що клюне! Побигла на село, и въ хату не зайшла... Теперъ можна и запыть циркуляръ...

Гнатъ. Зъ дорогою душею. У волость?

Пысарь. Резонъ!

Гнатъ (*рушаютъ, обнявшысь*). Та й голова-жъ у васъ, Иванъ Иваповычъ, голова! Буде кумедія!

Зависа.

ДІЯ II.

Въ Сохвіиній хати.

Ява 1.

Де-килька дивчатъ, Ганна, Марья, Киндратъ.

Ганна (*вышывае молодому сорочку*) Киндратъ (*сыдыть повзъ Марью, зтыха перемовляется зъ нею.*) Марья (*прыбирае въ скрыни*). *Дивчата* (*спиваютъ весильнои*).

Ой, матинко, та не гай мене!
Ой, матинко, выряжай мене!
Щобъ зи стежкы та не збыться,—
Одъ козака не згубыться.
Гляпь, маты, на мій посадъ:
Вси друженькы у косахъ сыдять,
А що я-жъ не росчисапа
Билепькымы ручепькамы,
А що я-жъ не змывана
Дрибненькымы слизонькамы...
Бильше мене та не мытымешъ,
Билыхъ ручокъ не томытымешъ,—
Змые мене та свекрушенька,
Козакова та матусенька,
А заплете та зовыченька,
Козакова та сестрыченька!

Марья. Спивайте, спивайте, сестрычкы!

Дивка 1. Не спивается! Я, якъ згадаю, що вы обыдви замижъ идете, то такый жаль визьме, що наче й гласу не потягну.

Дивка 2. Оттакъ и мени досадно: и гулять, ій-же Богу, не хочется.

Дивка 3. Ни зъ кымъ-бо буде и гулять: найкращыхъ парубкивъ Воротыленко на Зеленый Клынъ позабирае, а дивчата замижъ повыходять.

Дивка 1. Горенько, якъ стане на сели сумно!

Киндратъ. Не довго сумоватымешъ—вже й до тебе заглядають старосты.

Дивка 2. Пидешъ у-осены замижъ.

Дивка 3. Або на Зеленый Клынъ.

Дивка 1. Боже бороны! Батько булы разъ натякнулы про Клынъ, такъ мы зъ матирью якъ почалы голосыты на всю хату, такъ воны ухопылысь за голову, выбиглы зъ хаты, та одъ тіеи поры вже и не згадують про переселеніе.

Дивка 3. Попоплакала сёгодня и Мотря: вже Воротыленко умовывъ іи Олексій переселятыся.

Дивка 1. Хиба тилько сама Мотря плаче? Все село тужыть! Де-жъ? Жылы, жылы, стягалыся на хозяйствечко, не рикъ, не два за нымъ побывалыся, а теперъ у 2 тыждни спродатыся та иты у таку далечыну...

Дивка 2. Та куды не зайды—скризь руйно, клопитъ та журъ!

Марья. Тилько я и не плачу. Ну, що весело та хорошe на серци, такъ и сказать не можу!! Ни такы, дивчата, вже я вамъ давно кажу: „я щастлыва“, а вы все виры не имете.

Ганна. Сказано: велыкого щастя зазнала на своему вику!

Марья. А хиба це не щастя, що я замижъ иду? Хиба-бъ мене маты виддала за Трохыма, колы-бъ твоему Киндратови не спалося на думку тебе посватать? До вику ни! Маты и плювалы, и крычалы, зъ хаты выганялы Трохыма, а якъ заславъ

Киндратъ старостивъ та засватавъ тебе, отъ воны зразу и розмиркувалы сами соби: якъ мается утрачатысь на саме Ганныне весилля, то краще за однымъ заходомъ здыхатысь и Марьи... Зразу сёгодня й згодылысь за Трохыма: «и хорошый, и прыгожый, и такый-сякый сыночку! Ну, и свативъ прынялы...

Дивка 1. Ну, и чудна ты, ій-же Богу.

Марья. А хиба неправда? Та колы-бъ трапылося на сей часъ ще 4 дурни, щобъ засваталы останнихъ сестеръ, то воны бъ зъ радистью вси шисть паръ за одынъ стилъ завелы. Не знаете матери! То-жъ такы шисть развивъ людей склыкаты, шисть развивъ частуваты, а то одынъ разъ утратытысь, та й край.

Ганна. Ну, й дурна, ну, й дурна! Ажъ крутытся! Невже отъ-тоби не прыкро, що тебе за моимъ короваемъ замижъ виддаватымуть?

Марья. Хиба мени не однаково, якъ те весилля одбуватымуть? Горилкы я не пью: чы два цебра, чы одынъ на мою пайку упаде—мени байдуже. Мена—абы швыдче замижъ.

Ганна. Ну, що такій дурци казаты? (*Дивчата сміются*).

Марья. Найпаче хочется мени молодиты. Якъ то хороше по селу у квиткахъ та кисныкахъ ходыты! А кругъ тебе дружечкы спивають. Та вси на тебе дывлятся, та вси тебе витають... А у мене теперъ таке убрання, що не соромъ и дукарци надить. А все черезъ те, що я щастлыва.

Ганна. Та задавысь ты зъ своимъ щастямъ! Ще не бачыла, яке воно и на масть, а вже выхваляется.

Киндратъ. Пожды, пожды,—ось Трохымъ засадыть тебе за букваръ, то ажъ тоди розскажешъ намъ про свое щастя.

Марья. Цуръ ёму, буквареви! Я тилько слухатыму, якъ винъ самъ чытатыме. А винъ-же такый ловкисенькый, якъ що цикаве чытае.

Ганна. А ще кращый, якъ лютуе!

Киндратъ. О, винъ сердытый! сёгодни зустривъ ёго—ишовъ въ городъ—такый роспаленый, якъ сатана.

Марья. Бо таки сердять ёго вси: и тамъ не такъ, и тутъ неправда. „Самый, каже, Гнатъ призведе мене колысь до гриха“.

Ганна. Сказано—Трохымъ твій святый та Божый! Скризь неправда, вси дурни, тилько, бачъ, винь одынъ по правди жыве, винъ одынъ—розумный!

Марья (*скыпившы*) Та вже-жъ розумнійшый за твого!.... (*опамьятавшись, що трохы не вылаяла Киндрата, нападается на Ганну*). Ты мени не кажы ничого! Я знаю, що тоби досадно: тебе маты заздалегидь та потроху замижъ знаряжалы: все дешевеньке та поганеньке куповалы, а мене—мени хочъ въ одынъ тыждень скрыню наскладалы, за те все до-ладу, все гарне.

Ганна. Я думаю, якъ трохы не за-дурно скупылы все у переселенцивъ.

Марья. Ото-жъ и переселенци пидскочылы, тымъ, що я щастлыва... Йе у тебе така плахта, якъ оце? Або юпка, або ось сорочкы?

Дивчата. Ай справди—ловки!

Марья. Спасыби переселенцамъ: я-бъ и до вику такыхъ не пошыла.

Дивка 2. Купыла и я соби дви сорочкы.

Дивка 1. Колы-жъ задурно виддають!

Киндр. Кому щастя, а кому горе! Мій хрещеный батько все чысто продавъ та, каже, не выручывъ и третёи частыны тыхъ грошей, що затратывъ на хазяйство.

Марья. Хтось ёго тягне на той Зеленый Клынъ!

Киндр. А колы тутъ неможна жыты.

Марья. Неможна жыты! Адже Трохымъ каже: „Наши селяне—що та отара: цуцыня гавкне—воны хочъ у прырву“; воно такъ и йе! Жылы, жылы люде на своій батькивщыни, де взявся якыйсь Гнатъ, сипнувъ одного, другого—вси навтикача!

Кондр. Твій Трохымъ тямыть стилько, скилько и ты! Рыба шукае, де глыбче, а людына—де краще. А Воротыленко каже, що краще краивъ Зеленого Клына ниде немае.

Дивка 1. Ажъ 20 посимействъ выходять на Клынъ.

Дивка 2. 25: 5 сёгодня запысалося.

Марья. Охъ! гараздъ, мои сестрычкы, що у матери сынивъ бигъ-дастъ, а то воны поволоклы-бъ и насъ на Клынъ.

Киндратъ. А поволоклы-бъ!

Марья (*замыкае скрыню и дывыться на неи*). Ось подывиться, сестрычкы, на мою скрыню та прыривняйте ии до Ганнынои. Хиба-бъ мени маты на ярмарку таку купылы? И до вику, ни. Це, поздоровъ Боже, переселенцивъ! Хрыстя за 3 карбованця продала. Фу-фу! Яка я щастлыва! Ажъ до самои стели! (*стрибае, цилуе дивчатъ*). Спивайте-бо! (*Почынае, за нею дивчата, весильнои*).

Явл. 2.

Ти-жъ та Сохвія.

(*Сохвія вносыть якыйсь пакунокъ въ платку. Марья кыдается зразу до пакунка*).

Марья. Матусенько! Це мени? Покажить-бо!

Сохвія (*видпыхае*). Геть! Погыбели на васъ немае! Що вы мени допеклы, що вы мени досадылы!... За яки грихы терплю я кару Божу? Печуся, клопочуся та й кинця не бачу! (*кыда пакунокъ*).

(*Марья хоче розвьязаты*).

Сохвія. Геть! не займай!

Марья. Я тилько краёчокъ розвьяжу...

Сохвія. Геть! бо дамъ по потылыци!

Ганна. Чого вы таки сердыти? на кого вы розсердылыся?

Сохвія. На кого разсердылася? 6 дочокъ—6 болячокъ, та ще-бъ не сердытыся! Чы я збудуся, чы я перебуду оцей клопитъ собачый? Людямъ Господь посылае по 12 сынивъ, та люде выходять у чужи краи, та люде беруть земли, скилько окомъ докынуть, та люде хлибця прысивають, та люде скотынку заводять,—ни за топлывомъ, ни за пашнею не клопочутся, а у мене

—ни помишныка, ни робитныка, ни сыночка, ни пораднычка! Працюй, клопочысь, весь викъ збирай шагъ до шага, нытка до нытки... Купуй, та шый, та складай, а воно, те зилля погане, ти дивкы паскудни, пидуть замижъ, потягнуть за собою все збижжя, все добро чужымъ людямъ на корысть, на прыбутокъ.

(*Марья тымъ часомъ розвьязала пакунокъ, роздывляется на покупку, прымиряе передъ дзеркаломъ*).

Ганна. Мы, мамо, служымо—на себе заробляемо.

Сохвія. Ня себе заробляемо! А на хазяйство хто робытыме, хто ёго содержуватыме? (*До Марьи*) Покынь, бо ій-же Богу, бытыму. (*До Ганны*) Яка мени корысть зъ того, що вы скрыни понакладаете та й пойидете зъ двору? Чымъ вы мени виддячыте за те, що я васъ доглядала, годувала, хазяйство за-рады васъ збувала? Була коривка... Де вона? Всёго збулася, знищыла, до злыднивъ дожылася, а теперъ пишла до тіеи цяцькованои свахы, до тіеи... (*Углядывшы, що Марья надила очипокъ*). Колы ты, собача дочко, не скынешь очипка... (*стягае очипокъ*).

Марья. Ой, ой, ой! не тягнить за волосся, ій-же Богу—скыну! (*скыдае*).

Ганна. Чого-жъ вы до Кондратовои матеры ходылы?

Сохвія. Хиба до неи? До тіеи Трохымовои!

Марья. Ой, леле! Чого вы до ихъ ходылы?

Сохвія. Вылаяты добре.

Марья. За вищо?

Сохвія. За те, щобъ не пидіймала на глумъ, щобъ не сміялася зъ мене, якъ зъ дурны! Вже колы спиткала мене лыхая годына посвататысь зъ нею, заручыть тебе за того божевильного, за того прышелеповатого, за сына ій поганого, то хай вона те чувствуе та хочъ весильнымъ подарункомъ мени догодыть.

Марья. А то що?

Сохвія. Замисть того, щобъ уготовыть мени чоботы додила, на заказъ, вона купыла якись шкарбанци (*сердыто*). Та колы тилько вона не прынесе мени кращыхъ чобитъ, такъ я, ось хрестъ кладу, не виддамъ тебе й замижъ! Я не подывлюся

на те, що сынъ книжкы чытае, не подывлюся на те, що винъ такый велыкорозумный—заплюю очи, та й край! Вже Столярыха клышоногу дочку виддавала, то й то-жъ таки ій зять купывъ чоботы за 3 карбованци зъ четвертакомъ... Цуръ ёму—такому весиллю! Яка мени корысть, якый прыбутокъ? Самыхъ сорочокъ поклала въ скрыню бильше десятка, 6 рядень, 4 юпкы—лышенько! А винъ, той недойидокъ котячый, весильного подарунка не справыть до-дила. На ярмарку, сама бачыла, 2 семыгрывенныка выкынувъ на якусь книжку у зеленій палитурци, а свекруси, бачъ, не спроможется чобитъ купыты.

Марья. Матусенько! (*хоче цилуваты*).

Сохвія. Геть!! Инши дивчата хорошыхъ хазяинивъ знаходять, про стару матиръ пеклуются, щобъ вона старистью хороше походыла, щобъ було де хороше погостюваты, а якъ моимъ дочкамъ, такъ абы чорни бровы,—дарма, що борода трохы не до колинъ.

Киндратъ. У мене нема ніякои.

Марья. Трохымови тежъ тилько 24 рикъ пишовъ.

Сохвія. Малый козарлюга!

Ганна. Адже и батькови було 24 роки, якъ женылыся.

Сохвія. Що ты мени батька тулышъ! Батько свекруси червони чоботы купывъ, ще й квитчастый платокъ давъ на додачу.

Марья. Матусенько! И вамъ Трохымъ сапьянци купыть. Выбыватымете горлыци, ажъ луна пійде...

Сохвія. Жартуй, жартуй, собаче зилля! Дожартуешся на свою голову. Я тоби покажу, якъ замижъ иты!!

Марья. Не виддавайте—я пидожду.

Сохвія. Докы я васъ годуватыму, докы держатыму? Покы и голову обйисте? Люде будуть на Зеленому Клыну чысте золото та срибло копаты, а я буду по засичкахъ вамъ борошно вымитаты? Зима прыйде—треба чымсь отопыть, 6 коровъ прогодувать. Золійныкивъ не надасы, хлиба не напечешъ! Гнатъ вже дае 300 карбованцивъ за леваду. — Якъ набавыть ще 100, то продамъ, та й край! Буде зъ мене!

Марья. Якъ разъ! продасте! Абы лякать! Винъ 100 карб. не набавыть, а вы за 300 не виддасте.

Ява 3.

Ти-жъ, Явдоха на дверяхъ.

Явдоха. Кумо Сохвіе, кумо Сохвіе!

Сохвія. Чого? (*иде до Явдохы, и воны обыдви идуть зъ кону*).

Ява 4.

Ти-жъ, безъ Сохвіи.

Марья (*кыдается до пакунка, вытягае звидтиль рижну одижъ*).

Ганна. А що? Дострыбалася? Похвастала щастямъ?

Марья (*показуе платокъ*). А це хиба не щастя? Ось гляньте, який ловкисинькый?

Ганна. Цей платокъ мени буде.

Марья. Сподивайся! У тебе ажъ 7, а у мене тилько 5!

Ганна. Мени зразу замижъ иты, а тоби—„за Мыколы, та й николы!“.

Марья. Такъ, такъ, галочко! Хай за Мыколы, хай николы, а платка цёго я тоби не дамъ! (*Ховае въ скрыню*)

Дивка 1. А бува маты насправжкы розсердылыся на Трохыма?

Киндратъ. Гляды, Марье, щобъ не було такъ, якъ у казци кажется: „по вустахъ текло, та въ ротъ не попало“.

Ганна. И що вона соби дума? Наче матерынои вдачи не знае? Воны, якъ що надумають, то зроблять.

Марья (*часъ-одъ часу больше зажурюется*). Не дай, Господы, воны справди видкынутся черезъ чоботы. Пійду я краще до Трохыма та поражуся. (*Бижыть зъ кону и зразу вертается зъ чобитьмы*).

Марья (*показуе чоботы*). Охъ, сестрыно! Хиба я не щаслыва? Дывиться, яки чоботы! (*Плыга зъ радосты*).

Ганна. Де ты ихъ и здобула такъ на швыдку?

Киндратъ. Украла десь...

Марья. Охъ! яка-жъ я щастлыва!

Ява 5.

Ти-жъ та Трохымъ.

Киндр. Бачъ, хто ій чоботы давъ!

Трох. Я прыйшовъ до-дому, колы маты хвалятся, що прыходыла титка Сохвія та наробыла шелесту на всю хату черезъ чоботы, такъ я зразу мерщій до Степаныды—спасыби, продала за 4 карбованци.

Марья. Де ты бувъ? Я вже тебе выглядала, выглядала...

Трох. Все николы, серце, було: то свои клопоты, а то ходывъ въ городъ.

Марья. Чого?

Трох. Хотивъ добыться правды про того Воротыленка та дизнатыся, куды воно справди ти троячкы идуть?

Киндр. Ну?

Трох. Не добывся ничого. Попрохавъ ще батюшку, щобъ пойихавъ до Земського, або-що...

Киндр. Ты за чужымъ клопотомъ и свого не бачышъ: трохы, трохы и молодои не прогавывъ...

Марья. Годи, годи—бильше ніякого клопоту не буде—чоботы йе. (*Спивае и танцюе*).

Оце-жъ тіи чоботы,
Що взять давъ и т. д.

Ява 6.

Ти-жъ, Сохвія, Явдоха, жинкы.

Сохвія. Купуйте! Купуйте! Що кому забажается, що кому подобается, те и купуйте. Самы и цину складайте—не хочу и гриха на душу браты, не хочу зайвыхъ грошей зъ людей правыты.

Явдоха. Я вже вамъ казала, кумасю, не продавайте никому квитчастого настильныка—я дамъ добри гроши за ёго...

Жинка 1 (*мнется*). Ніяково якось и купуваты...

Жинка 2. Колы-бъ вы хочъ прызналыся, що це вамъ на думку спалося спродуватысь?

Сохвія. Хай вже про те, голубочко, я сама знатыму—купуйте безпешно, ни объ чимъ не клопочиться, не турбуйтеся!

Жинка 3. Сонъ такый прыснывся, чы трапылася якась несподиванка?

Сохвія. Сонъ, матинко, сонъ прыснывся.

Жинка 1. Я-бъ охоча подушкы купыты, якъ що продажни?

Сохвія. Продажни, продажни: по манисинькій подущци зоставлю, а бильши продамъ.

Жинка 2. И стилъ продажній?

Сохвія. За карбованця виддамъ. (*Ганна та Марья стоять, наче окамьянили. Дивчата, Кындратъ, Трохымъ тежъ здывовани*).

Ганна (*торкае матиръ*) Мамо! Що це таке?

Сохвія (*видпыхае Ганну*). У мене дви зайвыхъ кожушанкы йе:—купуйте! (*Показуе кожушанку*). (*Ганна та Марья тягнуть Явдоху на передъ кону*).

Ганна. Титочко, риднесенька! скажить хочъ вы намъ, що це таке? Пьяни воны, чы збожеволилы?

Явдоха. Ни, ни, не клопочиться, дивчатка, воны щось гарне надумалы.

Сохвія. Ця крыта—добрисинька.

Явдоха. За крыту я зразу 5 карбованцивъ дамъ.

Сохвія. Берить, берить!..

Ганна. Мамо! Опамьятайтеся! И къ чому це воно?

Жинка 1. А дижечкы, кочергы, хваткы та всяке хазяйствечко?

Сохвія. И те продаю! Хату та леваду вже продала, слава Богу—ось и гроши. (*Показуе платочокъ*). 100 карбованцивъ, якъ одна копіечка завдатку, а 200 завтра дасть!..

Ганна (*зъ одчаемъ*). Людочкы! Чы я сплю, чы я марю? Мамо! Скажить-же намъ хочъ словечко? Що це за знакъ, що вы надумалы?

Явдоха (*одпыхае Ганну одъ матери*). Не клопочы материнои головы. Левадку та хату продалы, а вона за ка-зна чымъ жаліе.

Киндратъ. Титко Сохвіе! А де-жъ буде той грунтъ, що вы обищалыся мени одризаты.

Сохвія. Иды ты къ бисовому батькови зъ твоимъ грунтомъ! Нетреба мени такыхъ зятивъ—голодранцивъ!

Ганна. Матинко! Риднесенька! Що-бо вы кажете? (*Кыдается до матери*).

Сохвія. Не чипляйся, не вьязны, не заважай! (*Ганна плаче*). (*До людей*). Прыдывляйтесь, розглядайте, що кому треба, що кому до-вподобы. Ось скрыня, накажы мене Господь, 3 карбованци позавчора Хрысти дала, теперъ за 2 зъ четвертакомъ виддаю.

Марья (*якъ несамовыта*). Людочкы! Рятуйте! (*прыпада до скрыни*). Матинко! Нене моя! Риднесенька. Не дамъ скрыни!

Явдоха. Тебе хтось пытатыме? Пусты скрыню—я гроши даю.

Марья Не дамъ, не дамъ! Людочкы, рятуйте! (*Ганна плаче въ голосъ*).

Сохвія (*стягае Марью*). Геть! пусты, навиженна! Не дасть людямъ и роздывытысь.

Марья. Ой, не дамъ, не дамъ! Боже мій, не дамъ! (*Знову на скрыню*). (*Вси дивчата плачуть*).

Трох. Перестань-бо, Марье, заспокойся! Одгуляемо весилля и безъ тіеи скрыни.

Явдоха (*видпыхаючы Марью, котра держыть скрыню обома рукамы*). Одгуляють, одгуляють весилля, хто жывый дижде, ажъ на Зеленому Клыни!

(*Ганна и вси въ одынъ голосъ*). На Зеленому Клыни???

Марья (*пада зомлила*).

Явдоха (*котыть скрыню*).

Зависа.

ДІЯ Ш.

Въ волости.

Ява 1.

Пысарь самъ. Перебирае бумаги, спиваючы тріндолку.

Ява 2.

Пысарь та Гнатъ.

Гнатъ. А що, Иванъ Ивановычъ, якъ наши дила?

Пысарь. Якъ сажа била! Прысудылы арендаторамъ немедля вамъ сплатыты.

Гнатъ. Отъ, спасыби! Таке спасыби, що онъ яке! А я, по правди сказать, трохы боявся, що намъ на цей разъ увирвется нытка, бо Трохымъ вчора щось довго балакавъ зъ арендаторамы; а вже де винъ замишается, тамъ не сподивайся добра!

Пысарь. Не було ёго зовсимъ на суди, слава Богу, а то може и була-бъ яка каламутня.

Гнатъ. Що-жъ воно за знакъ, що ёго не було?

Пысарь. Времени не було: диловъ набравъ на шыю: то въ городъ бигае, то до батюшкы... Къ тому-жъ сердешни дила.

Гнатъ. Такъ, такъ—це винъ того и нисъ похнюпывъ, що боится Сохвіиного переселенія! Ха!—ха!—ха!

Пысарь. Знаете,—страждаетъ невозможно. И я попросывъ Воротыленка прыдержаты ёго розными розговорами про цей предметъ, покы судъ одійде. Зъ тымъ тилько забалакай про переселеніе...

Гнатъ. О! Воротыленко на те майстеръ.

Пысарь. А все-жъ таки на суди и безъ Трохыма порядочна катавасія була.

Гнатъ. Не хотилы платыты?

Пысарь. Куды вамъ? Гвалтъ, крыкъ пиднялы: „мы не станемо платыты до Спаса—у насъ умовы таки булы". „Мы

и Земському жалитымемся, и сее, и тее!“ Одначе, старшына... добре того на хрестынахъ... (*показуе на глотку*) якъ закрычыть, якъ стукне по столу... Я, не бувшы дуракомъ, и соби: „протоколъ составлю за буйство у присутственномъ мисти“, а суддя тымъ часомъ резолюцію: „поелыку не имiется арендныхъ документовъ, то арендатори повынни платыть гроши, колы звелыть Гнатъ Трохымовычъ“. Взялысь, одно слово, дружно!

Гнатъ. Спасыби! Та й звеселылы-жъ вы мене цiею звисткою! Грошей треба до заризу, а тутъ-же й взять ихъ ниде. Нарочыто бигавъ у збанокъ—не дають. Чы повирыте? А тутъ-же Попельныкы виддаются въ аренду: не добуду грошей—обчество визьме. Попельныкы зъ-пидъ носу!

Писарь. Теперъ гроши будуть: хочъ може трохы и на протывозаконномъ основанiи, а все-жъ таки прысудылы...

Гнатъ. Ого! Це все за течiею плывсты, то до-дому не вернешся. Плывешъ, плывешъ за водою—таки колысь повернешъ човенъ проты воды.

Писарь Ишъ, до якои хвилософiи сягаете?

Гнатъ. А вы думаете, якъ малограмотный, то вже и не розбираю ничого? Одже сёгодни, напрыкладъ, надiйшовъ я до зборни, чую—радятся селяне, якъ-бы Попельныкы взять у аренду: крычать, спорятся—завелы таке, якъ на ярмарку; а я тымъ часомъ до пана: „не виддавайте, пане, никому Попельныкивъ—въ вечери завдатокъ прывезу“. Панъ пообищався.

Писарь. Яке-жъ у васъ намереніе Попельныкы взять? Зъ усадьбою, чы ни?

Гнатъ. Зъ усадьбою, зъ небелью, зъ усякымъ обхожденiемъ. Тамъ, знаете, габынетъ пана бильшый за волость.

Писарь. Ого, зажывете паномъ! Земля тамъ, правда, плохенька, вытощена, одначе розберуть по необходымости всю до сажня, ще й добри гроши дадуть. Ловко идуть ваши дила, Гнате Трохымовычу, ловко.

Гнатъ. А малограмотный! Онъ штука! Ниякихъ тамъ наукъ не проходывъ: тилько, тилько що печатне розбираю та свою хвамылiю змiю пидпысаты, все зъ своеи головы!

Пысарь. Удывительно! удывительно! Во всякомъ рази и вамъ грамота не помишала-бъ нидъ якый случай!

Гнатъ. На биса вона!

Ява 3.

Ти-жъ та Трохымъ.

Трохымъ (*увиходе въ шапци*). Де старшына?

Пысарь. Шапку здіймы у присутственномъ мисти.

Трохымъ. Старшына де, пытаю?

Пысарь. Нема старшыны. Шапку здіймы, кажуть тоби!

Трохымъ. Опохмеляется? Хай прочуня—я ёму очи протру, знатыме, якъ ихъ на суди горилкою залываты. Зъ якои се речи сёгодни такъ зарани судъ одійшовъ? Боялыся, щобъ де-хто не наспивъ на судъ? Однаково—не мынется побалакаты зо мною.

Пысарь. Безъ расужденія. Здіймай шапку,—або маршъ!

Трохымъ. Ты ще сміешь мене выганяты. Чы я въ твоій господи? Для обчества, для мене будувалася ця волость, чы за для такыхъ перевертнивъ, якъ ты, або ота прыблуда. (*Показуе на Гната*).

Гнатъ. Ты, слухай, не смій!

Трохымъ. Що, не смій? Ты не смій грошей правыты зъ людей не въ строкъ!

Гнатъ. Я зъ тебе и не правлю.

Трох. Я знаю, що зъ мене не правышъ, бо ты певенъ, що я тоби однаково не заплачу. А зъ якои речи судъ прысудывъ остальнимъ арендаторямъ тоби теперъ платыты? Хиба мы на рижныхъ умовахъ землю у тебе бралы?

Пысарь. Судъ прысудывъ,—значыть, була на це рація.

Трох. Яка рація? Що Гнатъ хрестывъ дитей у засидателя, що суддя вынуватый Гнатови 200 карбованцивъ, що Гнатъ тебе та старшыну частуе що-дня монополькою?

Гнатъ. Та почастуйте ёго, Иванъ Ивановычъ, по потылыци: вы-жъ тутъ н..чальство?..

Пысарь (*грыма*). Ты, слухай—не дуже!..

Трохымъ. А спробуй, спробуй пальцемъ торкнуть! (*До Гната*). Пидпышы оце условіе.

Гнатъ. Яке условіе?

Трох. Условіе на те, на якыхъ умовахъ нанялы мы землю у тебе. Тутъ проставлена цина, строкы—уси умовы, тоби тилько пидпысать. Зъ переселенцивъ ухватывъ ты по 4 карбов. зъ десятыны, зъ цыхъ арендаторивъ хочешъ гроши правыты, колы тоби на думку спаде— одно слово, зъ тобою безъ условія не можно обійтыся. Пидпысуй!..

Гнатъ. Якый ты мени начальныкъ? Зъ якои речи я-бъ тоби пидпысувавъ условіе? Мени Памфылъ Сыдоровычъ все свое иминя довиряе, мене мала дытына въ городи знае, а я стану тоби пидпыску робыть. Ніякыхъ твоихъ условіёвъ я знать не хочу: заплаты мени гроши, колы я звелю—отъ тоби и условіе...

Пысарь. Пысаты и пидпысуваты условіе спустя цилый мисяць опосля словесного договору—це явне попущеніе и на протывозаконномъ основаніи...

Гнатъ. Я не пидпышу: мени нема дила до строкивъ, мени теперъ небходыми гроши.

Пысарь. И резонъ. Составлена хвормальна резолюція пры волостномъ правленіи.

Трох. Пры волостномъ правленіи? А скажы мени, куды дылыся опекуньски гроши за Сергіевыхъ сыротъ зъ того правленія? Скилько заплатылы, а скилько проставылы за покривлю того волостного правленія? Хто пидпысався за давно помершыхъ селянъ на прыговори у цёму самому правленіи? А прызнайся, що ты людямъ казавъ, та скилько Гнатъ могорычу поставывъ, якъ оббиралы цёго старшыну-пьянюгу? А що? Може думаешъ, у мене свидкивъ на це все немае? Та вы мени якъ допечете, якъ увирвется терплячка, то вашого волостного правленія и памьяты не зостанется... Роскасырують, розженуть васъ у одынъ день. Вси будете у тюрми гныты. И ты, мошенныкъ (*на Гната*), що волостну печатку у кармани носышъ, та куды схочешъ, туды и прыкладаешъ, и ты (*на пысаря*), що за

мерцивъ пидпысуешъ, и старшына—пьяныця, и засидатель твій кумъ.

Пысарь. Ось дозвольте, Трохыме Гаврыловычу! Ніякого резону нема намъ спорытысь. Всячески сплетни, непорозуминня.

Трох. Бачъ! Зразу и помягчавъ! Хай-же Гнатъ пидпыше условіе, та и чортъ зъ вамы: у мене и своихъ турботъ досыть..

Гнатъ. Я не пидпышу. Яке це правосудіе? Тутъ никоторого правосудія немае? Мени прысужено получыть немедля 300 карбованцивъ, а я мушу видказатысь. На лыха тоди и судъ здався? Судъ на те, щобъ зыскать гроши тоди, якъ моя необходымость.

Трохымъ. На Попельныкы збираешъ гроши? Эге, годи вже про Попельныкы думать: мы простереглы, що ты до пана подався, та за тобою у слидъ зъ завдаткомъ прыйшлы!!

Гнатъ. Попельныкы нанялы?

Трох. Нанялы, нанялы.—А що? не до-вподобы?

Гнатъ. Винъ-же мени обищався нанять.

Трох. Мало чого ты не обищався? Беры-жъ швыдчъ условіе та пидпысуй.

Гнатъ. Я сказавъ: не пидпышу. Мало того, що аренду зъ рукъ вырвалы, ще хотять мене знищыты. Не пидпышу.

Трох. Ну, зъ тобою, бачу, добромъ ничого не вдіешъ. Доведется попередъ волость роскасыруваты. (*Складае условіе, ховае въ карманъ*).

Пысарь. Знаете що, Гнате Трохымовычу? Пидпышить вы це условіе... Воно не въ тимъ дило, що намъ небезпечно: хай ревизія хочь сёгодни пожалуе до насъ въ полнимъ состави, а такъ за-рады людей, своихъ общественныкивъ... (*шепоче Гнатови на ухо*) пидпышить условіе.

Гнатъ. Давай условіе.

Трохымъ. Хай-же попередъ пысарь прочытае. (*Гукае въ сины*). Люде!

Ява 4.

Ти-жъ та люде.

Трох. Гнатъ пидпыше те условіе, що я вамъ написавъ; теперъ не турбуйтеся про гроши ажъ до Спаса.

Люде. О! до Спаса мы уготовымо. Мы такъ и умовлялыся, щобъ на Спаса.

Чолов. 1 Мы бъ заплатылы и теперъ зъ радистью, такъ горе наше,—немае грошей.

Чолов 2. Ни за вищо теперъ и рукъ зачепыть. Весна—заробитку ниде немае, а туть ще переселенци пидскочылы.

(*Гнатъ та пысарь весь часъ ціеи розмовы балакають. Выдно що пысарь умовляе Гната*).

Чолов. 1. Одно слово—велыке спасыби, що згодылыся одстрочыты цей платижъ.

Трох. Годи вже дякуваты: не дароване.

Пысарь. Во всякомъ случаѣ Гнатъ Трохымовычъ робыть велике снисхожденіе. (*Протягае руку за условіемъ*).

Люде. Спасыби имъ...

Трох. (*Зъ розвернутымъ условіемъ въ рукахъ. Сердыто*). За ви що: „спасыби“? Яке снисхожденіе?

Пысарь. Судъ прысудывъ. (*Держыть протягнуту руку*).

Трох. Якый судъ? Кому ты бакы забываешь? Чы передъ тобою диты мали, чы зъ-за угла прыбыти? Мовчы краще та не згадуй про той судъ. Чытай швыдчъ условіе та хай той (*на Гната*) пидпысуе.

Гнатъ. Ты, слухай, не грымай. Якъ я твое проханне уволывъ...

Трох. Колы я тебе прохавъ?

Гнатъ. Не хочу-жъ, колы такъ, и пидпысуватысь. Якъ яка-небудь свыня...

Трох. Що-о-о-о?

Пысарь. Дозвольте-бо, Гнате Трохымовычъ.

Люде (*до Трохыма*). Ось годи-бо, пожалуйста. (*До Гната*). Пидпышить условіе.

Трох. Хай тилько не пидпыше—я ёго не до Земського,—у „зъѣздъ“ потягну.

Люде. Та Господь зъ нымъ, зъ тымъ Земськымъ та „зъѣздомъ“!

Люде. На вищо намъ той „зъѣздъ“? Гнатъ Трохымовычъ и такъ згожуется пидпысаты.

Трох. Нихто не пытае ёго згоды. Винъ повыненъ це зробыты, бо винъ обищався дать условіе, якъ ще землю наймалы.

Гнатъ. Ничого довго товкуваты: якъ хто недоволенъ мною, хай кыда аренду та выбувае зъ гурту.

Люде. Хто-бъ тамъ выбувавъ, якъ кожному земли треба.

Трох. Якого клопоту боитеся вы? Васъ цила громада, циле село, у васъ сыла! Проты васъ одынъ чоловикъ, и вы не здатни захыстытысь видъ ёго. На тому тыжни вы выгнали своимъ громадскимъ судомъ нещасного конокрада, що хотивъ пожывытысь чужою шкапыною, а такому злодіеви, що середъ билого дня обкрадае васъ, що знищуе дитей вашыхъ, що грабуе останни злыдни ваши ,вы виддаете родыми нывы та тикаете сами на Сибиръ?

Гнатъ. Иванъ Ивановычъ! Що це таке? Поклычте старшыну. Це бунтъ! Винъ людей бунтуе, проты начальства направля.

Пысарь. Лыхословыты у прысутственному мисци не дозволяется по закону.

Трох. А суды таки, якъ вы сёгодни вчынылы, дозволяются?

Люде. Та годи-бо, Трохыме! Иды соби зъ Богомъ. Мы и самы тутъ управымося безъ тебе, бо ты людына, не въ гнивъ тоби буде, молода та необачна.

Трох. Крепакы паскудни! Чы такъ свое право здобуваютъ? Будьте-жъ вы прокляти, колы такъ. Лазьте на вколюшкахъ пидъ ворогамы! Годуйте кривью дитей вашыхъ отыхъ пьявокъ ненажерлывыхъ! (*Кыда условіе у вичи людямъ, иде гетъ*).

Ява 5.

Безъ Трохыма.

Пысарь. Треба написаты протоколъ.

Гнатъ. Це бунтъ! Невже немае такого закона, щобъ ёго покараты? Треба старшыни сказаты, щобъ ёго хочъ у холодну засадывъ!

Люде. Носпокійный такы парубокъ!

1 чол. Сёгодни начепився на Воротыленка, ниби то винъ умовывъ Сохвію продать леваду та выходыть на Зеленый Клынъ.

2 чолов. И прытаскало-жъ ёго на нашу голову.

3 чолов. Ось условіе. Хай Иванъ Ивановычъ прочытають, а вы пидпышить.

Гнатъ. Ни, шкода, выбачайте! Колы така зневага, колы якый-небудь сирякъ, яке-небудь чортъ-зна що—сміе мене такъ поносыты, прылюдно зневажаты, то я знайду засобъ виддячыты вамъ всимъ. Мене зъ громады выгоныты! Ачъ, що надумавъ, до чого кныжкы довелы! Ни одніеи десятыны, колы такъ, не дамъ вамъ въ аренду—чужымъ людямъ до останнёго упруга найму.

Люде. Хиба-жъ мы у чимъ выннi? Мы-жъ никому-нічого. Охота була тому Трохымови суперечку заводыты. Пидпышить, будь ласка, условіе.

Пысарь (*тыхо до Гната*). Воно, положымъ, чувствительная образа и многое другое вообще непріятное, однакоже во всякомъ рази—Трохымъ небезпечна людына, и я, якъ сердешный вашъ прыятель, совитую пидпысаты це условіе.

Гнатъ. Чытайте, що винъ тамъ напысавъ (*ходыть сердыто по кону*). Ну, я ёго колысь попаду. Не мыне винъ моихъ рукъ. Мене выгоныты зъ громады? А!! Чытайте! Хай я вже зроблю людямъ таку ласку, тилько... хай памьятають.

(*Пысарь одкашлюется, хоче чытать условіе*).

Ява 6.

Ти-жъ, Сохвія, Явдоха.

Сохвія. И, Господы, якого багацько людей! Здорови булы! Ось пропустить мене блыжче до столу (*до людей*). (*До пысаря*). Заждить трошечкы, будь ваша ласка. Ослобониться на хвылынку одъ всякыхъ диловъ та дайте мени билетъ.

Пысарь. Якый?

Сохвія. На переселеніе, на Зеленый Клынъ.

Пысарь. На Зеленый Клынъ?? Хиба замижъ вдруге пишла та сынивъ-соколивъ прыдбала?

Сохвія. Годи-бо жартуваты. Николы мени, ій-же Богу, николы. Все чысто покынула та побигла. Люде вже обрядылысл, а у мене и билета доси немае.

Пысарь. Та чого-жъ ты хочешъ видъ мене?

Сохфія. Билета-жъ, кажу вамъ. Ось кума Явдоха звистни, вчора трычи прыбигала въ волость та все никого не застану.

Явдоха. Трычи, матинко, трычи. Втрете вже смеркомъ прыходыла.

Пысарь. Та скажы мени, Бога рады, на якои морокы тоби билетъ здався?

Сохвія. Кажу вамъ: на переселеніе иду. Невже не чулы? Я вже чысто спродалася. Та вы-жъ сами пысалы и документъ на леваду. Хиба забулы?

Гнатъ. Отъ, пропала жинка! Шашиль голову чысто поточывъ. Куды тоби зъ шистю дочкамы та на Зеленый Клынъ иты?

Сохвія. На те вже моя воля, моя охота. Дайте билетъ— не барить мене, бо мени и такъ николы: сёгодни ще иты въ экономію за рощотомъ. Ганна та Марья дома, а тыхъ чотырёхъ, собачыхъ дочокъ, ніякъ не доклычусь... Охъ! вже и сонечко на обидъ звернуло!.. Дайте-бо билетъ... Господы, якъ душно! бигла—и духу не переводыла. (*ростибается*).

Гнатъ. Прызнавайся краще по правди, на вищо тоби билетъ, то може швыдче дадуть.

Сохфія. Ій-же Богу, на переселеніе, на Зеленый Клынъ иду.

Явдоха. Правда, правда...

Пысарь. Отъ такъ штука! Зъ шистю дочкамы на переселеніе. Ха—ха—ха! Чы ты часомъ, голубко, на старисть—не того?

Сохвія. И, вредни яки! Наче справди не знають, чого я иду на Зеленый Клынъ. Хай-бы вже други дывувалыся, а то ще и воны ману пускають. Годи-бо дратуваты мене—давайте швыдче билетъ, бо черезъ мене и людямъ угайка.

Пысарь. Одже не дамъ, покы не прызнаешся, чого на Клынъ идешъ.

Сохфія (*лукаво*). А цвинкуляръ! Ота бамага!

Пысарь. Якый цвинкуляръ? Яка бамага? Не знаю, не чувъ. А вы, Гнате Трохымовычу, не чулы часомъ такого циркуляру, щобъ Сохвіи на Зеленый Клынъ выходыты?

Гнатъ. Не чувъ.

Сохвія. Годи-бо, годи,—заходылыся биля мене... И дурять мене, наче я справди дурка яка. (*До пысаря*). А маменька ваши та сестрыця чого на Зеленый Клынъ подалыся?

Пысарь. Що це тоби на думку спалося? Маминька мои, а равно и сестрыця дома благоденствують и ніякого намирéнія не имiють выйиздыть. Гляды, чы не посміявся зъ тебе хто-небудь. Не дамъ я тоби билета и скажу, щобъ тоби посемейного списка не выдавалы.

Сохвія. Ну, на вищо мене дурыты? Абы угайка! Тутъ и такъ николы. Ось настановить вухо, я вамъ щось таке скажу, що перестанете сміяться зъ мене, якъ зъ дурки.

Пысарь (*настановляе ухо*). Сто карбованцивъ за дочку??

Сохвія. И по два кытаянци...

Пысарь. Ха—ха—ха! Чы вы чулы таку штуку? На Зеленому Клыни казна выдае по 100 карбованцивъ на дочку ще й по два кытаянци.

Гнатъ. Ха—ха—ха! По два кытаянци.

Люде. Оце прямо штука! И де вона таку новыну пидхватыла?

Люде. То-бъ то казна новынна ій шисть сотъ карбованцивъ даты та ще дванадцять кытаянцивъ.

Люде. Ого-го! Не мало!!

Сохвія (*до людей*). Чого вы сміетеся, навиженни? (*До пысаря*). Чому вы такъ радіете? Хай-бы вже ти (*на людей*) зубы продавалы, а то ще и воны за бокы берутся. Вы-жъ сами и цвинкуляръ про це чыталы.

Пысарь. Я?? Циркуляръ?

Сохфія. Авже-жъ, вы. Тилько вы хотилы, бачте, щобъ ця бамага була пидъ секретомъ, щобъ я вашій маминьци та сестри шляху не перебигла.

Пысарь. Ты чула, якъ я такый циркуляръ чытавъ?

Сохвія. То що, що я не чула? Я не чула—люде чулы. Ничого зъ мене дурквы робыты. Ось кума Явдоха до остання словечка мени все переказалы.

Пысарь. Ось якъ вы, Авдотія Мыхайловна!

Гнатъ. Явдохо! Такъ ты онъ якъ?

Явдоха. Я казала? Колы я казала? Та щобъ я святоя пятныци диждала! та щобъ мени рукы, ногы *не* повсыхалы! щобъ я до-дому дійшла, колы я, голубьята мои, що ій казала!

Сохвія. Ты не казала мени про цвинкуляръ, про бамагу? Ты не казала? Рятуйте мою душеньку! Ты-жъ божылася, ты-жъ прысягалася!

Явдоха. Та щобъ передо мною свята земля *не* розступылася, щобъ я передъ вамы прахомъ *не* розсыпалася!

Сохвія. Ой Господы! Царыце Небесна! Свята Пятынко! Та побый мене сыла Божа, колы ты не казала мени на моему дворыщи про цей цвинкуляръ...

Явдоха. Не казала, щобъ мене *не* заципыло! не згадувала, щобъ мене правцемъ *не* поставыло, щобъ надо мною вороны *не* кракалы!

Сохвія. Охъ, слухайте, людочкы, якъ вона божытся: до кожного слова *не* прыклада... Забожыся мени зразу, якъ слидъ!

Явдоха. Не казала, не казала и божыться не хочу. Це вона зъ своеи головы выгадала.

Сохвія. Я выгадала? Я выгадала? Лыходійко! Ворогъ мій клятый! Це ты-жъ мене одурыла, ты-жъ мене прызвела!

Пысарь. Гей! не лютуй у прысутственномъ мисци.

Гнатъ. Идить до-дому—тамъ помырытесь.

Сохвія. А що-бъ же надъ тобою сонце не свитыло! (*Вытягае хустку*). (*До Гната*). Вертай-же, колы такъ, мою левадку. Ось твои гроши...

Гнатъ. Тю...у! Зъ просонку, чы що? Зъ якои речи я-бъ вертавъ тоби левадку? Выненъ я, що казна не дасть тоби кытаянцивъ... Ты продала—я купывъ, и край!

Сохвія. Боже-жъ мій! Я думала на Зеленый Клынъ выходыть, того и продала.

Гнатъ. Нема мени никоторого дила до твоихъ думокъ.

Сохвія. И голубчыку, и братику, и сыночку мій ридненькый, беры грошы...

Гнатъ. Удвое вертай гроши—не визьму.

Сохвія. Змылосердься, Гнатыку! Визьмы краще душу мою, покрай мое сердце—тилько верны левадку. Це-жъ моя матерызна, це-жъ мій прысивочокъ, мій затышочокъ, мое багатство, дитокъ надія... Прызвелы мене ворогы люти мои, розорылы, розорылы всю мою худобоньку. Побійся хоть ты Бога, верны левадку та хату (*плаче*)...

Гнатъ. Одвяжыся видъ мене. Сказавъ: не верну!

Пысарь. Сама соби наробыла лыха.

Люде. Кумедія!

Сохвія (*плаче, потимъ кыдается на Явдоху*). Це ты мене погубыла! Ты мене прызвела! Де цвинкуляръ, де бамага??

Пысарь. Тыше! тыше!

Явдоха. Та щобъ мене..

Сохвія. Не божыся! (*Кыдается быты*).

Ява 6.

Ти-жъ та Старшына.

Старшына (*заспаный, зъ кухлемъ сыровцю на порози*). Добра штука сырозець на похмилля! (*Угледившы Сохвію*). Це що? Пьяна баба бунтуе? У холодну ій на тры дни.

Зависа.

ДІЯ IV.

Въ Яковій хати.

Ява 1.

Якивъ та Носыкъ.

Якивъ (*стругае дошку биля готовои вже труны*). Дожывся до краю—неможна дали жыты. Выкравъ, чортъ-бы вбывъ ёго батька, духовне; восьме духовне выкравъ. Не вдіешъ ничого,—лягай у домовыну, та й край!

Носыкъ. Сутужни часы наступылы; проте, братику, воны, дастъ Бигъ, перейдутъ. Эге, эге, все лыхе перебуде, завирюхою перейде, та й розгодынытся.

Якивъ. Де тамъ у бисового батька розгодынытся? Пропало все! Наплодылося антыхрыстивъ-бусурманивъ, забралы воны всю сылу до своихъ рукъ—не вдіешъ ничого. Оце й труну вже уготовывъ соби. Бачъ! яки сухи дошкы!

Носыкъ. Эге, эге... суха дубына, лежатыме десяткы литъ нетлинно...

Якивъ (*пошепкы*). Сёгодни у-досвита я знову добывся до коморы: набравъ сала, конопель, пшона та й рознисъ людямъ по селу; а у ночи наберу мишокъ пшеныци для Спырыдоновои удовы. Оттакъ-то! дожывся! довивъ зятекъ на старисть! До крадижкы прызвивъ: зъ-пидъ замка мушу свое у себе красты, якъ

схочу кому пособыты. Восьме духовне выкравъ! А? Зъ-за пазухы у ночи вытягъ.

Ява 2.

Ги-жъ та Трохымъ.

Трох. Здорови бубы, диду! Кому це труна така простора?

Якивъ. Вже не кому, якъ мени.

Трох. Чы не надумалы вы часомъ у труну видъ Гната сховатысь?

Якивъ. А де-жъ одъ ёго, гаспыда собачого, заховатысь?

Трох. (*докирлыво*). Диду, диду! якый-же зъ васъ и козакъ? Замисть того, щобъ ворогивъ своихъ у домовыну класты, або хочъ безъ висти ихъ заганяты, якъ було козакы татаривъ заганялы, вы мерщій у труну лизете.

Якивъ. Матери ёго ковинька! Симъ-сотъ болячокъ на пупъ, колы не козакъ! Я, якъ бувъ такымъ цуценямъ, якъ ты, то було якъ выйду на могылу та запалю свою люльку-грушивку, та якъ моргну на дивку,... а парубка якого було якъ угиллю—ажъ пирья сыплется... А теперъ черезъ того прыймака собачого, черезъ ту дворову собаку, черезъ саму досаду немочный ставъ. Скилько вже разивъ намирявся быты ёго, такъ ни—не подужаю!

Носыкъ. Эге, эге... Досада сокрушае здоровья, скорочуе вику... А чы неможна було-бъ, братця, ёго ублаготворыты!

Якивъ. Кого? Отого шыбеныка, отого пройдысвита, отого антыхрыста? Та ёго килкомъ не влучышъ, не вдіешъ ему ничого. Все село розжене и къ бисовому батькови знищыть, обдере всихъ до краю.

Трох. Одже, диду, не всихъ: хай пивъ села выйиде за прыводомъ Воротыленка на Зеленый Клынъ, хай вы ляжете у домовыну,—зостанутся таки люде, що може и прыборкають цю шулику.

Якивъ. Кажу тоби: не вдіешь ничого. Я пятнадцять рокивъ змагався зъ нымъ, та й не вдію ничого. Треба або тикаты ввидциль, або прямо помыраты. Онъ якъ!

Носыкъ. Ось побачыте, братця, що я ёго ублаготворю.

Трох. Не вамъ, диду, ёго ублаготворяты. (*До Якова*). Не знаете, колы Гнатъ буде дома?

Якивъ. Чорты ёго батька знають, колы ёго нечыста сыла прытаскае. Казала Кулына, лыбонь винъ вже зъ Воротыленкомъ злыгався, проби вчора у волости и могорычъ пыли; обшахра и того на дорогу.

Трох. Ну, то ще выламы пысане: хто кого обшахрае? Здается мени, що ихъ двохъ одна маты породыла, одна и выгодувала, и колы одынъ 18, то другый безъ 2-хъ 20!.. Прощайте! навидаюсь пизнише до Гната.

Носыкъ. Ты тилько, сыну, не дуже грымай на Гната, не дуже строго ёго... Эге, эге... безъ гнива, безъ серця... Ублаготворяй ёго всяческымы словесамы, то краще буде.

Трох. Тамъ побачымо! Прощайте!

Ява 3.

Якивъ та Носыкъ.

Носыкъ. Ни, ось побалакаю-бо я зъ нымъ,—спробую ублаготворыты всяческымы словесамы, а найпаче иносказаніями... Людына, бачъ,—що та садовына. Эге, эге, безъ догляду и найкраща щепа на кыслыцю переведется...

Якивъ. Сго купъ чортивъ твоему батькови! Ачъ! анахтемськи ногы,—не держать—такъ и пидгынаются (*кыда стругать*; *сидае*).

Носыкъ. Эге, эге, сядь та спочынь трохы. (*Якивъ сида*).

Носыкъ. Я надіюся очыстыты душу ёго одъ тернія. Въ недилю Господь допомигъ мени ублаготворыты Воротыленка. Эге... эге... ублаготворывъ. Той хотивъ бувъ уже вертаты людямъ ихъ завдатки. А я пишовъ до ёго, побалакавъ зъ нымъ та й ублаготворывъ. На те, бачъ, йе тры науки: Граматыка, Хиромантыка и Хрыстоматыка.

Якивъ (*пидводыться, знову стругае*).

Носыкъ. Граматыка—тоненька, не бильше якъ у два пальци завтовшкы. (*Показуе на пальцяхъ*). Хиромантыка—паль-

цивъ у 3 (*показуе*), а хрыстоматыка—ажъ 5: одну мени Мыхайлыкъ прочытавъ двичи; другу—у голубій палитурци—купывъ у недилю, а третёи я ще не бачывъ. Такъ отъ, колы-бъ Гнатъ ти наукы прослухавъ...

Ява 4.

Ти-жъ та Гнатъ.

Гнатъ. А що? Похвасталы духовною? Ха—ха—ха! Схотилы передъ людьмы страмытысь! Теперъ смиху на все село. Де-жъ ваша духовна?

Якивъ. Сто купъ чортивъ твоему батькову! Хиба я девьятои не напышу? Та я тебе, прыймакъ собачый, усёго ришу! Пидъ тыномъ пропадешъ! Поклычу Воротыленка, то винъ мени таке духовне утне, що ажъ у носи закрутыть.

Гнатъ. Воротыленка? Дожыдайте! Винъ вамъ напыше духовне! Якъ разъ. Та це мій першый прыятель, колы хочете знать. Таки ще дила встругнемо! Я вчора гулявъ зъ нымъ трохы не до свиту; сёгодни винъ до мене прыйде.

Якивъ. Вже и того обкрутывъ, щобъ тебе завійна скрутыла!

Гнатъ. Зъ якои речи? Кажу вамъ—це мій першый прыятель! Колы-бъ мы раныше зъ нымъ познакомылыся, то мы-бъ не таки комерціи зъ нымъ завелы. (*До Носыка*). Я-бъ доси, диду, и вашу ныву купывъ. Ха—ха—ха!..

Носыкъ. Може, може... Эге, эге... може и купывъ-бы доси. Тилько послухай мене, що я тоби казатыму.

Гнатъ. Послухаемо...

Носыкъ (*натхненно*). Друже мій любезный, Гнате Трохымовычу, або по-простому, Гнате! Може Господь надилывъ тебе и велыкымъ розумомъ; може ты такый верховодець, що колы-бъ тилько твоя воля, то ты-бъ всимъ мыромъ заволодивъ; може твои очи далеко сягаютъ ажъ за окіаны; може ты высоко думкою литаешъ...

Гнатъ. Ну-те, ну-те...

Носыкъ. Отже орелъ ще выще литае, ще дали очыма сягае, про-те винъ не бильше, якъ хыжа птыця. Эге... эге...

Гнатъ. И къ чому це воно?

Носыкъ. Тривай,—послухай мене дали,—я коротенько. (*Пидкреслюючы пытанне*). Скилько, на твою думку, вовкъ подужа овець задавыты?

Гнатъ. Скилько трапыться у кошари.

Носыкъ. Эге, эге... скилько трапыться у кошари. (*Пидкреслюючы знову*). А скилько вовкъ, на твою думку, зъ тыхъ задавленыхъ овець зйисть?

Гнатъ (*сміется*). Якъ попадется гладка, то и одніеи не подужа...

Носыкъ. Эге, эге... не подужа. (*Натхненно*). Брате мій, Гнате Трохымовычу, подумай-же теперъ та скажы мени: чы не гирша за хыжого орла, за лютого вовка та людына, що, не маючы, спасыби Богови, ни голоду, ни холоду, наважуется передушыты все село, всихъ своихъ сусидивъ, своихъ бративъ?

Гнатъ. Онъ куды вы велы! Се-бъ-то я, по вашому, вовкъ?

Носыкъ. Не гнивайся, не сердься—я безъ сварки, безъ зла на серци; я хочу тилько, брате, тоби посвитыты. Эге, эге... посвитыты! Иноди, бачъ, иде людына темною добою, не бачыть ничого: и другого пхае въ калюжу, и самъ ногы ламае, а якъ прысвитять ёму добри люде, то винъ и пройде свою путь благополучно.

Гнатъ. Ну-те! ну-те! (*сміется*). Каганець, чы свичку прынеслы для мене?..

Носыкъ. Свичка, лямпа, або лыхтаръ якый-небудь—за-для очей тилесныхъ, а для очей духовныхъ—навука.

Гнатъ. Нагадай кози смерть...

Носыкъ. Ось тривай бо, послухай—я тоби коротенько. Йе, бачъ, тры науки: Граматыка, Хиромантыка и Хрыстоматыка.

Гнатъ. Хай воны вамъ выказятся вси тры заразомъ. На якои морокы здалыся мени оти ваши науки? На вищо воны и вамъ прыгодылыся? Чы вы хочъ одну десятынку прыкупылы

до батькивщины черезъ ти навуки, пошану людьску здобулы? Овва! Якъ дисталы видъ батька 8 десятынокъ, такъ зъ тымъ и помреге; якъ бигалы по выгону маленькымъ хлопчыкомъ Иваномъ, такъ Иваномъ и посывіете. А я—пятнадцять рокивъ тому назадъ бувъ Якововымъ прыймакомъ, Кулынынымъ чоловикомъ, не мавъ ступня земли за собою, а теперъ безъ ученыхъ навукъ вашыхъ ставъ Гнатомъ Трохымовычемъ, довиреннымъ Памфыла Спырыдоновыча, маю пятьдесятъ десятынъ земли, чотыры грунты, та ще и ны капитали у збанку,—то лехко и безъ навукы комерціи весты.

Якивъ. Бодай тебе нечыста сыла свитъ за очи завела! На чому ты нажывся? на чому прыдбавъ ту землю та грунты? Зъ кого ты повытягавъ, бодай тоби кышкы повытягало, оти капиталы? Чы ты працювавъ, чы гирко робывъ? А! щобъ вже ты такъ по-правди пропавъ, якъ по правди багативъ! Може и Сохвіина левада по правди куплена?

Носыкъ. Эге, эге... не по-правди.

Гнатъ. Лайтесь, лайтесь! Я знаю, що вамъ досадно на мои достатки дывытысь. Ще-бъ не досадно було бачыты на старисть, що прыймакъ багатіе, що прыймакъ на всю околыцю „парсона“, а васъ наче нема, наче не було на свити! То було, хто не зайде въ хату—Якова пытае; кому чого треба—у Якова прохае, а теперъ все Гнатъ Трохымовычъ, та Гнатъ Трохымовычъ! Та иде Якивъ до церквы—люде чы помитылы, чы ни, а якъ йиде Гнатъ Трохымовычъ шарабаномъ,—такъ шапкы зъ головъ, якъ ти груши зъ дерева...

Яковъ (*зъ серця плюнувъ*).

Носыкъ. Хай Богъ помагае! Хай Богъ помагае! Багатій сыну, здобувай одъ людей пошану, абы „мзда по трудахъ твоихъ була“.

Гнатъ. Ха—ха—ха! Яки жъ-то труды? На поденщыну ходыты, чы полову на торгу продаваты, а чы такъ, якъ ваши стародавни дукари, по шагу—по копійци на проценты виддаваты та по чверть уируга пидъ застанову браты? Гай! Гай! Ти часы вже мынулы. Теперъ годи личыты шагамы, теперъ... на

комерческомъ основаніи, якъ каже Памфилъ Спырыдоновычъ, теперъ—здобувай видразу сотни або тысячи.

Якивъ. Болячокъ, щобъ воны тоби не переводылыся!.. Не круты цыгаркы, щобъ тоби ногы, рукы покрутыло... Не воняй табакомъ надъ труною—адже, бачышь, я самъ не курю...

Гнатъ. А я курытыму!

Якивъ. Сто купъ...

Носыкъ (*спыняе*). Одійды, брате, одъ гриха... Уступы сыльный слабому, великоумный—малоумному, и згыне зъ свиту Божого суперека! Визьмы свою труну—я пособлю перенесты ii до клуни,—однаково сёгодня не ублаготворышъ ёго (*беруть труну*).

Якивъ (*несучы труну*). Килькомъ бы ёго ублаготворыты!

Носыкъ. Эге... эге... Чы то-бъ то: хай я ще завтра коротеньке иносказаніе.

Явa 5.

Гнатъ самъ.

Гнатъ. Отакъ-бы и давно! А! що увирылыся, що упеклыся мени оти диды! Доки воны и тынятымутся по селу, доки Господь ихъ триматыме на земли? Тутъ и такъ повна голова диловъ всякыхъ,—а тутъ ще и воны. Здается-жъ и не займаю ихъ: видъ старого стилько лайкы перетерпивъ, що ажъ самъ соби дывуюся; одъ того божевильного Носыка вже добрый визъ иносказаніивъ переслухавъ,—такъ ни: мало, бачъ, и сёго; „жывы въ одну шкуру, по нашому, по стародавнёму“. „И людей не займай, и зъ людей не нажывайся“! Опадуть собакы—не обороняйся, а порвутся чоботы—деры зъ себе шкуру на лымарщыну. А! бодай васъ зъ такымъ жыттямъ, зъ такою навукою! Поздоровъ Боже Воротыленка—отъ прямо вчытель: зъ чорного зробыть тоби биле, а трохы згодомъ, круть-верть, слово-два, и знову тоби биле стане чорнымъ. Куды схоче, туды все село верне: хоть цобъ, хоть цабе! Каже, що то все черезъ навуку до такого розуму дійшовъ. Бреше! То все голова (*ходыть по кону*). Прямо

голова! Я такъ думаю, що винъ и Ивана Ивановыча за поясъ заткне, ій-Богу!

Я в а 6.

Трохымъ та Гнатъ.

Т р о х ы м ъ. Втрете прозьбою прохаю тебе—верны Сохвіину левадку. Посміявся зъ дурнои бабы, та й буде зъ тебе.

Г н а т ъ. А ты де такый аблакатъ взявся? Яке тоби дило до тіеи левадкы?

Т р о х. Ты-жъ добре знаешъ, що я заручывся зъ Марьею—у цю недилю весилля.

Г н а т ъ. „Беры, брате у одній лёли, абы була до любови"! Чы може и тоби, якъ Кондратови, Сохвіина дочка безъ тіеи левады не до пары?

Т р о х. Кондратови може та левадка и цикава, а мени вона безъ надобносты,—я не про себе клопочусь: шкода тіи нещаснои удовы, що ты знищывъ... адже божеволіе!

Г н а т ъ. Онъ якъ! Бачъ, якый ты жалистлывый? Одже сердься, чы ни—а я тоби не вирю!

Т р о х. Прыгадай часы свого парубоцьтва. Хыба тоби не боляче було дывытысь на слёзы твоеи дивчыны?

Г н а т ъ. Выгадкы! На бабськи слёзы якъ дывытыся, то ніякыхъ и справъ неможна робыты... То все м рныця!..

Т р о х. Якъ для кого. Верны-бо, Гнате, левадку: вси селяне поверталы все те, що покупылы у неи, тилько ты доси хаты та левады не вертаешъ.

Г н а т ъ. Про мене, хай ти люде хочь озолотять, а я що купывъ, того не вертаю. Я Сохвіи не клыкавъ; сама вона прыйшла, сама набылася, сама цину склала на свое добре—хай на себе й жаліе.

Т р о х. Годи про те згадувать, якъ воно скоилася ця продажа, щобъ не заводыть и суперечкы. Прохаю тебе: визьмы гроши та верны документъ на левадку.

Г н а т ъ. Хочъ и прыемно мени дуже бачыты, що ты схаменувся, помяхчавъ та скынувъ зъ тебе трохы зайвои пыхы,

проте не можу я угодобыты твою прохань, бо безъ Сохвіинои левадкы вся земля моя выйде не по хворми. Тоби, бачъ, боляче дывытыся на слёзы твоеи молодои, а мени у-двое болячише дывытыся на Сохвіину левадку, що вризуется у середыну моеи земли.

Трох. Визьмы-бо, Гнате, гроши.

Гнатъ. Не визьму!

Трох. Ще разъ прохаю тебе: визьмы гроши.

Гнатъ. Ще разъ кажу тоби: не визьму.

Трох. (*тыхо, зъ прытыскомъ*). Слухай, Гнате! Я головы не пошкодую, розумієшъ? Въ каторгу пиду, а ты... грабованнямъ не покорыстуешся...

Гнатъ. Ха—ха—ха! Не хмурься такъ, не злякаешъ...

Трох. (*ще тыхше пидступа*). Гей! Не смійся!.. Колы чоловику и каторга не страшна...

Гнатъ (*видступа, перелякано*). Та що-ты? Бога бійся...

Трохымъ. Давай документъ! (*Хапае Гната за комиръ*).

Гнатъ (*перелякано*). Богъ зъ тобою! Богъ зъ тобою!—Я хотивъ тилько тебе подратуваты...

Трох. Ну, не жартуй у-друге... (*одпускае*). Трохы, трохы до гриха не довивъ. Бачъ: ажъ тремчу весь!

Гнатъ. Немылосердный ты... Що-жъ це?.. Душа за лопуцёкъ?.. Напався... А за-вищо? Ка-зна за що—за клапоть земли... Пфу!!

Трох. (*выймае гроши*). Ось тоби гроши.

Гнатъ. Немае, брате, пры мени документа: винъ такъ и зостався у пысаря.

Трох. Колы-жъ ты мени ёго дасы?

Гнатъ. Прыходь надъ-вечиръ, пысарь тымъ часомъ прынесе.

Трох. А ты не збрешешъ?

Гнатъ. Якый неймовирный!

Трох. Гляды-жъ!

Гнатъ. Ій-же Богу!

Трох. Ты-жъ забожывся. Гляды!

Гнатъ. Прыходь у-вечири!

Трох. Ну, добре (*пишовъ*).

Ява 7.

Гнатъ самъ.

Гнатъ. Ачъ! проклятый! Трохы жызни не ришывъ. Отъ и жывы, и орудуй пры такыхъ порядкахъ! (*гукае въ двери*). Онухрій! Онухрій! (*тыша*). Нема! И де винъ запропастывся? Тутъ треба-бъ заразъ по начальство... щобъ цыйцло... а ёго нема Кулыно! Кулыно!

Ява 8.

Гнатъ та Кулына.

Гнатъ. Де тебе таскае лыхая годына? Тутъ мене трохы не вбыто!

Кулына. Изнову зъ батькомъ завився?

Гнатъ. Зъ батькомъ! Що мени твій батько? Разъ дамъ по потылыци, то й простягнется. Страшный мени твій батько! Точнисинько, якъ та собака, що на витеръ гавка... Трохымъ напався за леваду.

Кулына. Я-жъ тебе благала, я-жъ тебе прохала: верны Сохвіи левадку. Колы-бъ ты побачывъ, якъ вона, сердешна, за тіею левадою побывается, колы-бъ ты почувъ, якъ дивчата плачуть... Киндратъ вже одкынувся одъ Ганны, а Мотря черезъ журбу зъ нигъ валыться. Невже мы безъ тіеи левады не прожывемо? Чы намъ зъ неи хлибъ йисты? Наскуповувавъ и такъ, слава Богу,—абы жыви... На вищо ще тая левада здалася? (*стыха*). Може черезъ твои грихы Господь насъ и дитокъ залышывъ... Двойко було, та й ти померлы...

Гнатъ (*ходыть весь часъ стурбованый, пры останнихъ словахъ Кулыны зупыняется гнивно*). Ачъ! Чоловика трохы не вбылы, чоловика гвалтомъ грабують, а вона дитьмы клопочется! Потрибни тоби оти диты? Лементу, плачу та гыдоты забажалося?

Ничымъ бавытыся—поклады цуценя у колыску, та й гойдай до схбчу...

Кулына (*перелякано*). Чы ты пры своему уми, хай Богъ мылуе?—Куды-жъ ты все оте хочешъ нагарбаты, на той свитъ? Не заберешъ, а заберешъ хыба людськи слёзы... тилько, щобъ одъ ныхъ не захлынутысь и тутъ!

Гнатъ. Говоры! (*вбига Марья*).

Ява 9.

Ти-жъ и Марья.

Марья (*вбига несамовыто*). Ой, проби! Рятуйте! Маму ледве одрятувалы... знялы зъ бантыны... и теперъ крычать, що не встережуть... Дядечку, лебедыку, пожалуйте и помылуйте! Не сыротить насъ! (*хапае его руку, цилуе*).

Гнатъ. Що се? Шо ты?.. Отъ тоби и комерція зъ самашедшымы! Збожеволіе, дурна баба... до бантыны лизе, а тоби—клопить!

Кулына (*обнима Марью*). Заспокойся, заспокойся, дытыно! Гнатъ Трохымовычъ не зобидыть... у ёго добре серце...

Гнатъ. Цыть мени!.. Яка ты мени жинка? Яка ты мени помишныця? На чоловика напасть... а вона зъ серцемъ...

Марья (*знову до Гната*). Ой, дядечку, лебедыку! Не зазихайте! Вамъ Господь давъ и споможе... ще бильше...

Гнатъ (*перебыва*). Именно Господь давъ, такъ мени-бъ то, по твоему, и жбурлять на-бикъ, те, що Господь даруе?..

Марья. Ой лелечко, ой ненечко! Не зазихайте на наши слёзы, на наше горе!.. Тамъ-же такый лементъ та плачъ стоить... все село збиглось!.. Що мы кому учынылы, чымъ чужымъ пожывылысь? Працюемо та горюемо, ажъ сорочка на тили подается... За вищо-жъ одурено бидну маму? Пидвелы штуку... Оманылы, ошукалы... та и грабують...

Кулына. Поверны, прошу тебе, левадку Сохвіи... Аджежъ и видъ Бога, и видъ людей проходу не буде... Мало ще хыба ремства й безъ того! На вищо-жъ намъ брать ище сыритськый той жаль.

Гнатъ. Чысто вымучать,—выканючать... оци бабы—навожденіе діявольске, та й годи! (*Вагается*).

Марья. У кого-жъ правдонькы намъ шукаты? Де намъ подитысь? Ой, проби, рятуйте!

Гнатъ (*знов обуряется*). Рятуйте! А якъ твій... ученый отой мудрагель... мало не вбывъ оце мене, такъ мене й не рятуйте...

Кулына. Та Бога бійся,—винъ-же не пры соби бувъ зъ теи-жъ прычыны... бачыть, що семья загыбае...

Гнатъ. Ачъ, заступныця! Свята та Божа! Яка ты мени жинка? Гадюка—онъ що!

Марья (*пада на вколюшкы*). Богомъ святымъ заклынаю васъ, згляньтесь!

Гнатъ. Що це за наказаніе?... Зійдить зъ очей моихъ!

Кулына. Ходимъ! Не визьмешъ ёго! (*Пишлы*).

Марья. Ай! Пропащи, пропащи!! (*Выйшлы*).

Ява 10.

Гнатъ и потимъ Онухрій.

Гнатъ. Стій!.. Що се?.. Невже вырвать це серце и кынуть имъ у вичи?... Скавчать, плачуть... У, кодло чортове, зъ слёзамы!.. По селу ще гвалтъ... Ну й напасть!. И що ёго?.. Гей, Онухріе, Онухріе!

Онухрій. А що тамъ? (*за кономъ*).

Гнатъ. Де тебе чорты носють?

Онухрій. Віявъ.

Гнатъ. Сюды мерщій!.. (*До себе*). Невже вернуты? Зъ такымъ зусыллямъ прыдбавъ... и все по закону... и хвыгура, стало быть... и такъ-бы то на-тоби!

Онухрій (*ввиходыть*). Що скажете?...

Гнатъ. Бижы... заверны ихъ... стій-бо! (*до себе*). Этъ, дурныця! Начхавъ!.. (*Онухрію*). Бижы мерщій и поклычъ до мене старшыну, пысаря й Воротыленка... Щобъ заразъ въ одну хвылыну прыйшлы! Побачымо!.

(*З а в и с а*)

ДІЯ V.

Въ Яковій хати.

Ява 1.

Гнатъ самъ.

(*Гнатъ ходытъ стурбованый по кону, заглядаючы у виконця*).

Гнатъ. Ну, що ты скажешъ? Оттакы прыятели... и Кулына вже вернулась нима нимою... та чортъ зъ нею!.. А тыхъ нема! Сонце вже на полудень звертае, а ихъ доси нема... Ось, ось Трохымъ прыйде, а ихъ чортяка таскае десь! Це прямо свавольство!

Ява 2.

Гнатъ, пысарь та Воротыленко.

Гнатъ. Ну, хвалыты Бога! Въ-сылу васъ диждався!

Ворот. Не моглы, праве слово, не моглы...

Пысарь. Опосля велыкыхъ трудовъ предалысь отдохновенію и не моглы раньше ни въ какомъ рази явытысь.

Гнатъ. Сидайте-жъ. Гаразды, що хочъ одъ серця трохы одійшло, а то бувъ-бы вылаявъ...

Пысарь. Экстерни дила? (*Сидае*).

Гнатъ. Тутъ таки дила (*до Ворот.*)! Ось сидайте, пожалуста!

Пысарь. Оказія яка?

Гнатъ. Тутъ така оказія, що трохы жызнію не постраждавъ.

Ворот. та пысарь. Ну?

Гнатъ. Ій-Богу! Не знаю, якъ и жывый зостався.

Пысарь. Значыть лычно васъ касающая?

Ворот. (*заспокоившысь, сидае*). Нуте, нуте, яка вамъ прыгода була?

Гнатъ. Трохымъ трохы не вбывъ...

Пысарь. Онъ якъ! Уголовщына!

Ворот. За вищо?

Гнатъ. За Сохвіину левадку—будь вона проклята!

Пысарь. Понятно, понятно... наречёный женыхъ. А свидкы булы?

Гнатъ. То-жъ то и горе мое, що не було на той часъ никого.

Ворот. Жалько, жалько...

Пысарь. Отъ досада! Це дійствытельно, знаете, бувъ чудовый случай рукы ёму прыкоротыты: хвормальна уголовщына, покушеніе на смертоубыйство—вирна тюрма!

Гнатъ! Ось бачыте—самъ парубокъ у рукы давався, а мы прогавылы... Колы-бъ вы булы справжни прыятели, то вы-бъ душею почувствовалы, яке мени тутъ лыхо...

Пысарь. Чувствовалы, чувствовалы и сугубо пылы...

Ворот. Пылы прямо на пропале! Пылы такъ, що якъ-бы оце вы прыказалы подать монополькы, то сказалы-бъ вамъ велыке спасыби. Трищыть голова на похмилля...

Гнатъ. Кулыно! Подай сюды закусыты! У васъ трищыть зъ похмилля, а у мене ббертомъ иде одъ думокъ. Оце-жъ винъ прыйде незабаромъ знову за документомъ.

Пысарь. Явытся? Расчудесное дило! Отъ, колы-бъ узявся васъ, Гнате, трощыты! Разчудесне-бъ дило! Значыть, господынъ Воротыленко, нашъ визитъ къ кумушкѣ отлагается на опосля... избіенія.

Гнатъ. Боже бороны! Я васъ не выпущу. Кулыно! чы ты тамъ скоро?

Ворот. Якъ що винъ прыйде, то не мыне винъ нашыхъ рукъ...

Гнатъ. То есть колы-бъ Гнатій Трохымовычъ не мынувъ ёго рукъ, та пры свидкахъ?...

Пысарь. Для дила ползытельно...

Гнатъ. Одначе мени цёго не кортыть...

Ворот. Ёго не довго роспалыты; слово-два—и готовъ: розсатаніе, якъ та чортяка.

Пысарь. Обязательно розгарячытся...

Гнатъ. Колы-бъ тилькы не дуже... а для прыкладу... (*Кулына уносыть горилку, выно, оселедци и заразъ выходыть геть*).

Гнатъ. Кушайте, пожалуста! (*налывае*)..

Пысарь. Перва чарка—за ваши сынякы... Ха, ха!! Теперъ надо обсудыть планъ страженія... (*Пье налыту Гнатомъ чарку*). Когда винъ имiе намерѣніе прыйты?

Гнатъ (*налывае Ворот*). Просымо!

Ворот. Успиховъ въ дилахъ!

Гнатъ. Я ёму веливъ прыйты надъ вечиръ.

Пысарь. И чудесно! Къ тому времени мы прыготовымъ вповни надежныхъ свидителивъ, зачинымо ихъ въ сумежній хати (благо—Яковъ отсутствуе въ доми) и предоставымъ господыну Трохыму повную свободу...

Гнатъ. Стійте... Що-жъ ты... повну свободу! Такъ винъ и убье мене...

Пысарь. Разчудесно! тоди, певно, каторга... и здыхаемось ёго на викы!

Гнатъ. Та що-жъ вы? А мени-жъ яка корысть...

Ворот. Не безпокойтесь, Гнате Трохымовычу, въ такій биди не трудно пособыты. За ваше здравіе! Прыятели ваши разъ проштрафылыся, а въ-другe будуть справни...

Пысаръ. Пустяшне дило!

Гнатъ. Треба ёго такъ упекты, щобъ ажъ до гарячого зализа довесты!

Пысарь. Це не трудна комбынація! Чарка—за ваше!.. винъ ошаліе въ одынъ ментъ!

Гнатъ. За ваше здоровье (*закусюе*). А чы не можна ёго ажъ на Сибиръ загнать?

Пысарь. Возможно: допустыть тилько нанесеніе ударовъ съ членовредытельствомъ (*пье*).

Ворот. Щобъ прыбывъ до полусмерты? Ха—ха—ха! Оце такъ порада! (*пье*).

Гнатъ. Що вы справди таке радыте? то членовредытельство... то цилу смерть!

Пысарь Для обческой пользы...

Гнатъ. Цуръ ёму и пекъ такій пользи!.. Я здатенъ, даймо, прыкынутысь и повалятысь якый мисяць у больныци, щобъ здыхатысь...

Ворот. (*зитхаючы*). Охъ, винъ и мени достаточно нопортывъ: посемействъ 5 зовсимъ одбывъ одъ переселенія, а решту—уговорывъ одложыть свій выхидъ на три дни... И сёгодни бигавъ чогось до батюшкы!

Пысарь. Теперъ ще у ёго сердешни дила, всяка трынь-трава въ голови, а якъ сочетается законнымъ бракомъ, вийде у лита, тоди видъ ёго не буде ніякыхъ секретивъ... Трищыть проклята голова! (*Налывае; пье*). Успиховъ въ дилахъ...

Гнатъ. Правда, правда, черезъ ёго найбильше неможна ніякои комерціи весты, всимъ селомъ каламутыть... Ну, та теперъ винъ вже не выкрутыться зъ нашыхъ рукъ—я ёго доведу до краю! Выпця покуштуйте!

Пысарь. Нема никоторого резону и мылувать ёго. Сказать-бы: людына безъ понятія, невежественный чоловикъ, а тожъ—грамотный, и весьма дуже грамотный!

Гнатъ. Ото-жъ грамота и пыхы ёму надала. Вже де грамота замишается—тамъ не сподивайся добра!

Ворот. Э, ни, це вы напрасно—теперъ, скажу вамъ, неграмотній людыни—шагъ цина!

Пысарь. Въ настояще времья безъ грамоты, якъ безъ рукъ (*налывае выно*). „Ученіе—свѣтъ, неученіе—тьма“. „Навука—це добра штука“.

Гнатъ. Хай вона сказытся, та навука, якъ вона мени вже увирылась. Вчора вы (*до Ворот.*) торочылы про науку, сёсегодни въ-ранци дидъ Носыкъ чытавъ акахвыстъ тій навуци, теперъ Трохымъ трохы не задавывъ мене черезъ неи, анахтемську. А, щобъ вона вамъ зъ лыця земли счезла!

Ворот. Не согласенъ, не согласенъ, и согласія свого, по викъ-вичный не дамъ! (*Налывае выно*).

Пысарь (*Гнату*). Та й вы самы жалилысь, що колы-бъ вамъ ще наука...

Гнатъ. Этъ, пустяковына! На биса вона мени здалася та навука теперъ? Абы голову не знать чымъ забываты. Адже не дарма кажуть: „рыба смердыть одъ головы“ (*пье*). Иванъ Иванович? У васъ е готова цыгарка?

Ворот. Ось у мене табакъ йе. (*Выймае портъ-сыгаръ*). Ось и бамажка... (*шукае по карманахъ*). Представте—бамажкы не взявъ...

Гнатъ. Не турбуйтесь! Бамагы у мене до ката! Воно и турецькый табакъ десь йе, та не хочется шукаты. (*Выймае зъ рижныхъ карманивъ документы, векселя, то що*). Ось де навука! (*Показуе векселъ*). Давъ 75 карбованцивъ на 3 мисяци—взявъ векселъ на 100!! Тю... у! скилько бамажокъ завелось по карманахъ! Що то комерческа людына! Кушайте вынце! Допывайте! Я, знаете, бильше монополькy вжываю! Десь тутъ була духовна (*шукае по карманахъ*)—саме бамага на цыгаркы! Ха—ха—ха! Ось вона!.. (*Одрывае клапоть, за нымъ одрываютъ вже осоловили Ворот. та пысарь. Вси крутятъ цыгаркы*)

Пысарь. Однакоже... и безъ наукы невозможна... Пыща духовная. (*Налывае и выпывае*).

Ворот. И я те-жъ кажу.

Гнатъ. Абы гроши, то всякъ и навукою тiею мени поклонытся. Не курытся! (*Кыда цыгарку, робыть другу, за нымъ и Воротыленко рве папиръ*). Прыривняемо теперъ мене хочъ до васъ, завзятыхъ грамотiивъ... Ну?

Ява 3.

Ти-жъ, та старшына.

Старшына. Печатка де?

Гнатъ. А! Господынъ старшына! Протверезылыся? Просымо до столу! Чудесный свидокъ! (*Тягне его*).

Старшына. Неможна, невозможно! Печатку швыдче давайте,—прыйихавъ Земскый!

Пысарь. Земський?

Ворот. Чого?

Старшына. Батюшка зробывъ сёгодни якесь донесеные, а винъ певно у-слидъ выйихавъ на дознаные. Давайте печатку!

Ворот. Не знаете, про що... яке дознаные?

Старшына. Не знаю. Печатку!

Гнатъ. Иванъ Ивановычъ! Де печатка?

Пысарь. Десь у васъ, въ кармани. (*До старшыны*). А мене пытавъ Земський?

Старшына. Ни, ще не пытавъ. Отъ, Боже мій! Не гайте мене, Гнате Трохымовычу!

Гнатъ. Морока ій знае, де вона дилася? Позавчора я ій прыкладавъ до прыговору, вчора тежъ кудысь, здается, прыкладавъ... Не найду!

Стар. Отъ, пропаду черезъ чортъ-зна-що—черезъ печатку.

Ворот. А мене не пытавъ?

Старшына. На вищо було брать ту печатку?

Гнатъ. Була необходымисть. Кулыно! (*Кулыно на дверихъ*). Не бачыла ты печатки?

Кулына. Яка-жъ вона?

Старшына. Кругленька мидненька зъ деревянымъ держальцемъ...

Кулына. Хто ёго зна! Я вчора чымсь такымъ горласту бальзанку затыкала...

Старш. Де-жъ вона?

Кулына. Мабуть загубылася, бо назадъ прывизъ Гнатъ бальзанку, вже зъ пробкою.

Гнатъ. Самошедша! Що ты наробыла? Це-жъ волостна печатка!

Кулына. Мени клопитъ! (*Зныкае*)

Старшына (*хапается за голову*). Пропавъ я! Черезъ чортъ-зна-що, черезъ печатку пропадать мушу! (*выбигае геть*).

Ява 4.

Безъ старшыны.

Пысарь. Плохая може выйты штука!

Гнатъ. Для кого?

Пысарь. Для старшыны, а ровно и для васъ.

Гнатъ. Я жъ тутъ у чимъ выненъ? Що прыкладавъ самъ печатку? А якъ мени небходымисть якый прыговоръ швыдче узаконыты, а старшына на похмилля головы не зведе? Що-жъ? Такъ я-бъ ото повыненъ черезъ старшыну, або черезъ ту печатку, дило теряты?

Пысарь. Конечно, одначе—все-жъ такы...

Гнатъ. Безъ печатки мени не сподручно...

Ворот. Якъ вы думаете, Иванъ Ивановычъ, яке це донесеніе?

Пысарь. Пустяшне якесь донесеніе, бо въ протывномъ случаи понадобывся-бъ первымъ я...

Ворот. И я такъ думаю. Вирно на щотъ...

Явa 5.

Ти-жъ та Явдоха.

Явдоха. Чы тутъ Воротыленко? Иды швыдче—старшына клыче: лыбонь прыйшовъ цвинкуляръ тебе арештуваты.

Ворот. Що-о-о?

Явдоха. Тамъ люде крычать, крычать биля волосты... Вже въ твоій скрыни троячокъ шукалы...

Явя 6.

Ти-жъ та десяцькый.

Десяцькый. Воротыленко!. Въ волость!

Ворот. Ось колы мени край! (*иде геть*).

Десяцькый (*до пысаря*). И про васъ Земськый помынався...

Пысарь (*стурбовано*). Про мене?.. Правда, ны претыколахъ... я требуюсь... только я въ нетрезвомъ выди;—доложы, що я въ служебнимъ отсутствіи...

Гнатъ. Та й я васъ и не пущу; ще-жъ Трохымъ прыйде.

Явa 6.

Гнатъ та пысарь.

Гнатъ. Отъ такъ штука! Догрався! поличыть теперъ троячкы у вьязныци. Я такъ и думавъ, що чымсь поганымъ скинчыться, та все не надіявся, що винъ такый необережный. Було-бъ ёму давно звидсиль тикаты!.. Отъ вамъ и навука! Грамоту пройшовъ, а попався... Шкóда чоловика! Се-бъ то нашъ сёгодняшній бенкетъ пропавъ? Та чого вы нисъ похнюпылы?

Пысарь. Не въ бенкети дило.

Гнатъ. А у чимъ? Хиба и ваша душа не на мисци? Ха-ха-ха!

Пысарь. И не въ души дило... Ваши купчи можутъ пропасты... не смійтесь!

Гнатъ. Мои купчи? Го-го!!

Пысарь. И весьма возможно! Ежели зроблять хвормальне дознаніе и выявытся, що Воротыленко пидмовлявъ людей на переселеніе съ своекорыстною цилею, а описля по настоятельнымъ вашымъ просьбамъ и даже съ уплатою за труды, то ваши купчи можутъ скасыруваты.

Гнатъ. Що вы кажете? Це розбій! Це грабижъ! Я купывъ! Я гроши заплатывъ—я не видповидаю за мошенство якого-небудь Воротыленка. Купывъ 40 десятынъ ораного поля, 4 грунты, та тобъ-то теперъ ихъ назадъ виддаваты?

Пысарь. Сохвіина левада може и не війде въ те чысло, бо Сохвія не запысана къ щастію въ чысло переселенцивъ, и, выходыть, буцимъ вона продала леваду по доброхотному соглашенію.

Гнатъ. Що вы мене Сохвіиною левадою дратуете? Я капыталъ поклавъ на чыслѐнныстъ земли, и нихто не прыневолыть мене вертать ту землю! На вищо тоди и законы? Вы велыкоумни граматыкы повынни булы-бъ знаты, що йе таки самошедши законы, щобъ мое добро, куплене за мои власни гроши, та у мене грабуваты... Чы вы й сами законивъ не знаете?

Пысарь. Достаточно знаю...

Гнатъ. Такъ, мабуть, якъ и Воротыленко! Ха-ха-ха! Отъ ваша и навука, отъ ваша и граматыка! Одного за троячку арештувалы, а другый може за семыгрывенныкы седитыме. Ха-ха-ха!

Пысарь. Я семыгрывенныкивъ ніякыхъ не бравъ.

Гнатъ. Не бравъ? Воротыленко мени самъ прызнавався, що зъ кожнои троячкы вамъ по семыгрывенныку упало.

Пысарь. Врёть онъ, анахтыма! протестуюся—я не бравъ!

Гнатъ. Годи, годи! Хыба я кому скажу? Ха-ха-ха!! Боже бороны, щобъ я кому сказавъ. (*Курыть*)Ха-ха-ха! А все-жъ такы ловко выйшло. Неграмотный чоловикъ, безъ усякои навукы, сылу земли пріобривъ, а велыкоумни граматыкы за троячкы, або й семыгрывенныкы... (*показуе кудысь рукою*) гайда! (*сміется*). Правда?

Явa 8.

Ти-жъ, Трохымъ, Сохвія.

Сохвія (*радисно*). Голубчыку, братику мій! Сыночку мій риднесенькый! Вызволывъ ты мене зъ ямы... Уже була пидняла й руку... Хай тебе Царыця Небесна окрые!

Трохымъ. Я угледивъ, що Иванъ Ивановычъ пійшовъ до тебе, та побигъ мерщій за Сохвіею ажъ на хутиръ... Ось твои гроши; хочъ личы, хочъ не личы—все до копійкы.

Гнатъ (*кыда цыгарку, робыть и закурюе другу*). Яки гроши? Ты у мене не позычавъ.

Сохвія. Це за левадку, Гнатыку, гроши.

Гнатъ. За леваду я грошей не визьму назадъ.

Пысарь (*робыть цыгарку*). Продано, и кинець.

Трох. Ты-жъ обищався, Гнате, вернуть документа!

Пысарь. Приневоленый обстоятелтствамы чоловикъ може и клятвопреступыты.

Сохвія. Ой, Боже-жъ мій!

Трох. Ты-жъ божывся, Гнате!

Гнатъ. Божывся, а теперь одбожусь... (*сміется*).

Трох. Годи жартивъ! Хыба я тебе теперь... Эй, схаменыся! Та я побожывся, що не пійду звидсиль, покы чы одъ жывого, чы одъ мертвого не здобуду документа?

Гнатъ. Чуете? Иванъ Ивановычъ!

Пысарь. Погроза! Самоуправленіе! Я протоколъ составлю!

Трохымъ. Хочь 10 протоколивъ—я не пійду звидциль съ порожнимы рукамы. Вертай купчу!

Гнатъ. А цёго не хочешъ? Ха-ха-ха! (*показуе дулю*).

Трохымъ. Мыройидъ проклятый! Пьянюго! Докы ты каминемъ лежатымешъ на души моій? Докы ты пытымешъ кровъ нашу? Одного мошенныка, кажуть, вже арештувалы, а зъ тобою я самъ росправлюся (*кыдается на Гната*). Виддавай документъ!

Гнатъ. Иванъ Ивановычъ! Свидкивъ! Давыть! Кулыно! (*борытся зъ Трохымомъ. Пысарь бижыть до дверей*).

Пысарь. Эй, хто тамъ! Люде!

Сохвія. Ой, пропала-жъ я!

Явa 9.

Ги-жъ, Кулына, Носыкъ, Якивъ.

Трохымъ (*борючысь зъ Гнатомъ*). Головы не пошкодую!.. На Сыбиръ пійду! За всихъ селянъ отвичу!! Виддай документъ, мошенныкъ, злодій!

Гнатъ. Не виддамъ! Свидкивъ!

Носыкъ (*разбороняючы*). Ось годи-бо годи! Яки неублаготворымы... Ось слухайте.. Я—коротенько! иносказаные...

Якивъ. Такъ, такъ, Трохыме! Налягай! Давы за глотку собаку! Не выпускай жывого, сто купъ чортивъ ёго батькови!

Трохымъ. Сказавъ: убью!

Кулына. Виддай, Гнате, виддай документъ! Ай, ай! нижъ у Трохыма за халявою!

Сохвія. Бога рады! Христа рады!

Гнатъ. Иванъ Ивановычъ! Рятуйте!

Пысарь. Ищу бумагы! Уголовщына! Де бумага, де чорныло? (*хапае недокурену бумагу*).

Трох. Эй, заржу! (*выхопляе нижъ*)

Якивъ. Такъ ёго! такъ!

Кулына. Проби! Гнатыку! Трохымыку!

Пысарь. Стойте! Стойте, господа! Да документъ на левадку на цыгарку спалылы!

Гнатъ та Трохымъ кыдають одынъ одного, бижать до тіеи бумажкы, котру пысарь держыть въ рукахъ.

Гнатъ. Брешешь! то духовна! (*Розгляда*).

Пысарь. Документъ на левадку, собственноручно пысанный мною одъ 8 числа.

Гнатъ (*збирае клапти*). Це духовна.

Пысарь. Запродажня.

Сохвія. Ой, Маты Божа!

Трохымъ (*прочытавъ клапоть*). Ха-ха-ха! Такъ и йе! Запродажня!

Якивъ (*до Гната*). А що? пожывыся, чортъ-бы взявъ твого батька?

Гнатъ. Брешете вы вси: спалылы духовну, а ось запродажня! (*показуе бумажку и кладе на стилъ*).

Пысарь. Къ сожалинію, запродажня скурена, а духовна въ цилости!

Гнатъ (*якъ несамовытый*). Брешете—духовну спалылы! (*Збирае клапти*)

Трохымъ. Лодарь собачый! Хочъ-бы навчывся чытаты свои мошенськи бамагы.

Якивъ (*бере духовну*). Колы духовна, значыть моя! Чортового батька теперъ выколупаешъ... у людей сховаю, у батюшкы...

Трохымъ. Одвивъ якось Господь одъ гриха—убыты хотивъ, якъ собаку!

Сохвія. И, Боже, мій Боже! Що зъ цёго буде?

Якивъ (*до Сохвіи*). А ты теперъ грошей ёму не вертай.

Сохвія (*радисно*). То-бъ то и левадка, и гроши мои?

Гнатъ (*кыда клапти бамагы*). Це здырство! Це грабижъ! Виддай гроши!

(*Сохвія ховае гроши за пазуху*).

Трохымъ (*вырываючы гроши у Сохвіи*). Не поганьтеся, мамо! (*Кыда гроши*) На! поличы й подавысь!

Гнатъ (*личыть гроши. Вси дывлятся*).

Якивъ. А що? злякався? Щобъ тебе за жывитъ ухопыло!

Ява 10.

Ти-жъ та Марья.

Марья (*кыдается на груды Трохымови*). Сонечко мое ясне! Правдонько моя щыра! Все-жъ, якъ казавъ, такъ и сталося!

Ява 11.

Ти-жъ та Явдоха.

Явдоха (*засапавшысь*). Матинко! Ще цвинкуляръ когось арештувавъ!

Гнатъ. Це васъ за семыгрывенныка.

Пысарь (*до Гната*). Ни, васъ за прыговоръ.

Якивъ. Обохъ, сто купъ чортивъ вашому батькови! Обохъ у вязныцю!

Ява 12.

Ти жъ, десяцькый, люде.

Десяцькый. Иванъ Ивановычъ, Гнате,—до волости!

Якивъ. А що? Догралыся?

Люде (*спочатку за кономъ дуже гомонять, потимъ врываются въ хату*).

1 чолов. У волость, мошенныкы!

2 чолов. Мыройиды прдкляти!

3 чолов. Быйихъ!!...

(*Люде тягнутъ обохъ*).

Завіса.

Л. Яновская.

Походъ козаковъ въ Сѣверную Россію въ началѣ XVII в.

Въ 1612 году 21 августа явился къ Москвѣ гетманъ Карлъ Хоткевичъ съ польскими и литовскими людьми, съ венграми да „черкасами“ на помощь полякамъ. Бояре и воеводы Д. М. Пожарскій и князь Д. Т. Трубецкой три дня упорно сражались, и 25 августа „восходящее солнце застало уже гетмана на дорогѣ къ Можайску.“ [1]) Ушли-ли туда и „черкасы“, пришедшіе съ нимъ? Какъ видно изъ дальнѣйшаго—нѣтъ, или по крайней мѣрѣ—не всѣ. „Когда дѣло уладилось подъ Москвою, пришли дурныя вѣсти съ сѣвера: малороссійскіе казаки, или черкасы, отдѣлившись отъ Хоткевича, подошли нечаянно (неожиданно?) къ Вологдѣ и взяли ее.“ [2]) Это было 22 сентября. „Разорители православной вѣры пришли на Вологду безвѣстно изгономъ, городъ взяли, людей всякихъ посѣкли, церкви Божіи поругали, городъ и посады выжгли до основанія.“ [3]) Затѣмъ о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ ихъ у Соловьева разсказывается слѣдующее: [4]) „Съ тою же чудесною быстротою (?) (какъ Лисовскій) дѣйствовали на отдаленномъ сѣ-

[1]) Соловьевъ. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Спб. 1894. т. VIII, стр. 1032.

[2]) Тамъ-же, стр. 1034.

[3]) Тамъ-же,—донесеніе Вологодскаго архіепископа Сильвестра Пожарскому.

[4]) Соловьевъ, т. IX, стр. 1069.

верѣ козаки Малороссійскіе: *такой войны*, говоритъ лѣтописецъ, отъ начала міра не бывало; не понимали Русскіе люди, куда и какъ пробирались черкасы. Изъ Вологодскаго уѣзда пошли они въ поморскіе города (?), воевали Вагу и Тотемскіе мѣста и Устюжскія (?), потомъ пошли въ Двинскую землю къ морю (?), шли мѣстами непроходимыми, Богъ знаетъ гдѣ они не были (!), и—вышли въ Новгородскомъ уѣздѣ къ Сумскому острогу. Нигдѣ не могли (?) остановить ихъ; только въ Заонежскихъ погостахъ побили ихъ много, а Олончане (?) добили и послѣднихъ; воевали они Московскую землю все проходомъ, говоритъ лѣтописецъ, подъ городами и по волостямъ (подъ волостями?) нигдѣ не стояли (?), земли много запустошили, но и сами всѣ пропали же." Такъ изложенъ этотъ походъ у Соловьева. На самомъ же дѣлѣ, движеніе это изображено неправильно; совершенно пропущены нѣкоторыя крупныя станціи; затѣмъ о „чудесной быстротѣ" врядъ-ли можно говорить, если принять во вниманіе, что походъ козаковъ продолжался цѣлыхъ полтора года.

Если справимся объ этомъ походѣ у другихъ историковъ, то не найдемъ тамъ никакихъ точныхъ указаній. Такъ, *Голиковъ*. (Дѣянія Петра В., Дополн., т. II, стр. 419)—„сихъ блудящихъ безъ памяти злодѣевъ", еще до Вологды заставляетъ побывать въ Торопцѣ, Новгородскомъ, Углицкомъ и Пошехонскомъ уѣздахъ. *Берхъ* (Царствов. царя Мих. Ѳеод., ч. I, стр. 93—94), назвавъ ихъ шайкою разбойниковъ, состоявшею изъ польскихъ бродягъ, козаковъ и сподвижниковъ Тушинскаго Самозванца, и смѣшивая ихъ съ ворами-козаками, выводитъ непосредственно съ Ваги и ведетъ къ Холмогорамъ; встрѣтивъ ихъ затѣмъ „скитающимися" около Романова, Углича и Торопца, проводитъ ихъ „пространными пустынями" и „едва проходимыми мѣстами" до Олонца. *Арцыбашевъ* совершенно уже смѣшалъ тѣхъ и другихъ козаковъ; во главѣ отряда („шайки") онъ ставитъ атамана Баловня, который, начавъ съ Пошехонья, Бѣжецкаго, Кашинскаго, Новгородскаго, Бѣлозерскаго и Каргопольскаго уу., приходитъ въ Важскій уѣздъ, съ отрядомъ въ числѣ 7000 (!) чел., и затѣмъ, побывавъ подъ Холмогорами и Архангельскомъ, черезъ

Поморье проникаетъ къ Олонцу; здѣсь же, по Арцыбашеву, Баловень находитъ свою кончину,—вмѣсто московской висѣлицы.

Недавно Н. Ардашевъ, [1]) воспользовавшись въ архивѣ Министерства Юстиціи столбцами Разряднаго приказа по Московскому столу, отчасти столбцами же Бѣлозерскаго уѣзднаго суда и книгами разряднаго приказа, а также нѣкоторыми писцовыми книгами, въ которыхъ заключаются важныя хронологическія и топографическія указанія, включая сюда и изъ печатнаго матеріала все, что только можно было собрать изъ лѣтописныхъ сборниковъ, собраній актовъ и мѣстныхъ изданій сѣверныхъ губерній, возстановилъ съ достаточными подробностями упомянутый походъ и его обстановку.

Послѣдуемъ теперь за авторомъ и отмѣтимъ постепенно всѣ извѣстные намъ нынѣ пункты, посѣщенные украинскими козаками въ теченіе полуторагодоваго ихъ странствованія на сѣверѣ.

Осадивъ и разоривъ Вологду, черкасы явились къ Спасо-Прилуцкому монастырю (въ 5 верстахъ отъ города, въ 2-хъ отъ посада). Здѣсь они „братью и служекъ, и крестьянецъ многихъ посѣкли и въ церкви Божія милосердія образы ободрали, и казну монастырскую безъ остатковъ поимали", а нѣкоего подвижника Галактіона, жившаго подъ Вологдой, „схватили живаго въ веригахъ и начали его бить нещадно и за цѣпь влачить по землѣ, и мечами сѣкли, и деревомъ ударили по головѣ, и оставили еле живаго. [2])

25 сентября черкасы ушли отъ Вологды и пошли вверхъ по Сухонѣ къ Тотьмѣ, опустошая по пути волости, сжигая деревни и убивая людей... Въ Тотьмѣ имъ было оказано сопротивленіе въ лицѣ тотьмичей, уѣздныхъ и посадскихъ людей и стрѣльцовъ; былъ даже въ Тотьмѣ „острогъ стоячій" (стѣна изъ

[1]) Журн. Мин. Народн. Просв. 1898 г., іюнь, стр. 225—262 «Изъ исторіи XVII вѣка».

[2]) Дѣйствительно, на третій день послѣ этого онъ скончался (впослѣдствіи на мѣстѣ его кельи былъ основанъ монастырь «Галактіонова пустынь», нынѣ Спасо-Каменскій Духовъ монастырь).

«стоячихъ острожинъ»,—бревенъ), а межъ стѣнъ—8 башенъ. Но козаки этимъ не смутились: „дворы, лавки и церкви пожгли и людей посадскихъ и уѣздныхъ посѣкли“...

Отъ Тотьмы „черкасы и литовскіе люди“ измѣнили направленіе и двинулись прямо къ сѣверу, къ Вельску (на р. Вагѣ, лѣвомъ притокѣ Сѣв. Двины). Явившись къ Вельску, „погостъ разорили, крестьянъ посѣкли, въ храмѣ Ивана Милостиваго кадила и книги, колокола и образа пограбили и сосуды церковные прибили, и благословенныя и храмосвятныя грамоты взяли“. Отсюда непосредственно обратились на Важескій Богословскій монастырь, „стояли тамъ и многихъ въ монастырѣ старцевъ и бѣльцовъ посѣкли, а иныхъ многихъ мучили и монастырскую казну денежную и платье, и церковные сосуды, и паникадила, и свѣчи мѣстныя, и ризы камчатыя, и поручи съ жемчуги—то все пограбили, и съ образовъ серебряные оклады и гривны поимали, и кельи въ монастырѣ, и въ волостяхъ дворы пожгли, и хлѣбъ въ монастырѣ, и въ деревняхъ коньми окормили, а досталь въ попранье подъ ноги сыпали и рогатый скотъ побили, и лошади обводили“. Это было въ концѣ сентября или въ первыхъ числахъ октября. Около этого времени дошли въ Москву слухи, что „черкасы, которые съ гетманскаго побою разбѣжались“, пришли въ Вологду, посады пожгли и людей многихъ посѣкли. Немедленно, 4 октября, бояре и воеводы, князь Пожарскій и князь Трубецкой, отправили грамоту въ Яренскъ (на р. Вычегдѣ, прав. притокѣ Сѣверной Двины), къ мѣстному воеводѣ, посадскимъ и уѣзднымъ старостамъ съ предостереженіемъ—жить мирно, съ осторожностью, „чтобъ черкасы безвѣстно не пришли и дурна какого надъ городомъ не учинили, и вымьскихъ мѣстъ не повоевали“. Но грамота эта достигла Яренска лишь 27 ноября.

Тѣмъ временемъ черкасы измѣнили направленіе своего движенія къ югу, „въ устюжскія мѣста“, и пришли къ Соли-Вычегодской, [1]) гдѣ, какъ всегда, посадъ разорили, дворы посад-

[1]) Нынѣ Сольвычегодскъ, почти у мѣста сліянія Суховыса съ Вычегдой.

скіе пожгли, а жителей, съ женами и дѣтьми, предали смерти. „Повоевавъ „устюжскія мѣста", они опять повернули къ западу, по направленію къ Новгороду, и въ первыхъ числахъ декабря появились въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ, подъ стѣнами Кириллова монастыря. Ничего не успѣвъ здѣсь, они изъ-подъ Кириллова монастыря, мимо Бѣлозерска, пошли къ сѣверу, прямо къ Каргополю (на озерѣ Лача, откуда вытекаетъ Онега), опустошивъ нѣсколько окрестныхъ волостей, а 12 декабря, ночью, произвели нападеніе на Каргопольскій посадъ, разорили его, но острога взять не могли. На другой день осада также была неудачна; то-же самое было и на третій день, не смотря на то, что къ острогу приступали съ „щитами" [1]) съ огнемъ, зельемъ и смолою". [2])

Лишь только пришли черкасы къ Каргополю, ихъ *полковникъ* Григорій Васильевичъ (сотникъ Григорій Черкашенинъ,—какъ предполаг. г. Ардашевъ), съ товарищами, отправилъ „воровскую грамотку" Каргопольцамъ, въ которой излагалось, что ихъ послалъ „государь Владиславъ Жигимонтовичъ со многою ратью въ Каргополь и въ поморскіе города, за ихъ выслугу, воевать", потому что каргопольцы „государю, крестъ цѣловавъ, измѣнили", и на этомъ основаніи должны заплатить имъ сполна со всего Каргопольскаго уѣзда „данныя и оброчныя деньги и мелкіе всякіе денежные доходы" за прошлые 1611 и 1612 года. „А только вы намъ денежные доходы заплатите сполна по прежнему, и мы—писали они,—на томъ присягаемъ и крестъ цѣлуемъ, что вашихъ храмовъ и дворовъ въ посадѣ и въ уѣздѣ не будемъ палить и грабить и крестьянъ сѣчь". Одновременно же съ этимъ дальновидные черкасы отправили посланца крестьянина съ письмомъ къ нѣкоему пану Несоцкому, который оставался, очевидно, гдѣ-то неподалеку отъ Кириллова монастыря, съ просьбой явиться къ нимъ на подмогу и затѣмъ, осадивъ соединенными силами Кар-

---

1) «Щиты», служившіе для защиты нападавшихъ отъ выстрѣловъ, устраивались на саняхъ и во время приступа подкатывались къ укрѣпленію.

2) Все вмѣстѣ назыв. «примѣты», т. е. воза съ горючими матеріалами, при помощи которыхъ старались поджечь укрѣпленіе.

гополь и забравши оттуда артиллерію, вмѣстѣ двинуться къ Кириллову монастырю. Но каргопольцы перехватили посланца и письмо у него отобрали.

Послѣ троекратныхъ неудачныхъ приступовъ, видя тщетность своихъ усилій, черкасы 13 декабря по-утру, зажегши посадъ, повернули снова къ югу, по направленію къ Кириллo-Бѣлозерскому монастырю.

Тѣмъ временемъ туда, 10 декабря явился (неизвѣстно откуда) панъ Песоцкій съ 700 „черкассъ и съ ними панъ Лаврикъ (двоюродн. братъ Песоцкаго) да панъ Марко“ (Маркъ Поздяковъ, есаулъ—какъ предполагаетъ г. Ардашевъ), разоряя обычно все по пути. Самъ Песоцкій, схвативъ въ одной деревнѣ мѣстнаго попа, Павла Семенова, бьючи его разспрашивалъ о монастырской казнѣ, о городской крѣпости и артиллеріи, а кромѣ того послалъ за отрядомъ черкасъ, дѣйствовавшихъ подъ Каргополемъ, съ повелѣніемъ вернуться сюда, чтобы вмѣстѣ подъ Кирилловымъ монастыремъ промышлять.

Въ ночь на 11 число Песоцкій, приставивъ къ монастырскимъ стѣнамъ лѣстницы, бросился на штурмъ... Два часа длился жаркій бой, но нападающіе были съ значительнымъ урономъ отбиты: 100 душъ полегло у стѣнъ монастыря, въ томъ числѣ и панъ Песоцкій, убитый на приступѣ изъ пушки, и братъ его панъ Лаврикъ и много другихъ пановъ. Отступивъ отъ монастыря на юго-востокъ къ Кубенскому озеру въ количествѣ 600 душъ, черкасы не оставили мысли посчитать монастырскую казну—они лишь поджидали прихода отряда изъ-подъ Каргополя.—„Не устояли отъ насъ Москва (sic!) и Великій Новгородъ и иные многіе города, а Кириллову монастырю отъ насъ не устоять!“

13 декабря въ Бѣлозерскій уѣздъ изъ Обонежской пятины явились „Наливайкова полку литовскіе люди и черкасы, и русскіе воры, человѣкъ съ 500“. Паника объяла всю округу: Каргополь, Бѣлозерскъ, Кирилловъ монастырь, Вологда, Устюжна Желѣзнопольская (на р. Мологѣ)—все пребывало въ постоянной тревогѣ. Крестьяне бѣжали по острогамъ, иные разбѣгались по

лѣсамъ, и такое положеніе вещей продолжалось до лѣта слѣдующаго, 1613 года.

Лѣтомъ этого года шведскому воеводѣ въ Новгородѣ, Якову Пунтусову надо было осадить отказавшійся въ повиновеніи г. Тихвинъ (на р. Сяси, впадающей въ Ладожское оз.) Не будучи въ состояніи справиться собственными силами, Яковъ Пунтусовъ обратился съ предложеніемъ союза къ черкасамъ, бродившимъ съ цѣлью грабежа неподалеку. Послѣдніе не замедлили явиться; ихъ было около трехъ тысячъ; полковники у нихъ были: „большой полковникъ Барышполецъ да полковникъ Сидорко"; съ ними были и литовскіе люди, три конныя роты, съ ротмистрами Халаймомъ Ивановичемъ, Шпиколовскимъ и Яницкимъ,—всѣхъ около 500 душъ. Явившись въ такомъ составѣ къ Тихвину въ Петровъ постъ, они простояли безуспѣшно „съ нѣмецкими людьми" до осени, отъѣзжая отъ монастыря для однихъ лишь кормовъ. Во время этого стоянія черкасы задумали выяснить условія свои съ Пунтусовымъ... Полковники Барышполецъ и Сидорко поѣхали въ Новгородъ къ нему, и онъ сулилъ имъ сукна, камки, а также деньги, собранныя съ новгородцевъ, но за то предлагалъ литовскимъ людямъ и черкасамъ идти на Двину, къ Архангельску. Полковники, раскинувъ умомъ, денегъ взять не захотѣли, потому что „Яковъ ихъ заневолитъ себѣ служить", и ни суконъ, ни камокъ, ни денегъ у него не взяли. Между тѣмъ наступила осень, не стало кормовъ, и черкасы съ нѣмцами разстались. Говорили, что у нихъ произошла ссора съ нѣмцами, и черкасы „для того, что имъ король (шведскій) грошей не далъ, отошли отъ Якова Пунтусова, все браняся". Литовскіе же люди съ упомянутыми ротмистрами пошли въ Новгородъ, къ Пунтусову. Изъ подъ Тихвина черкасы ушли въ два пріема: первая партія около 7 сентября, направившаяся въ Бѣлозерскій уѣздъ, а затѣмъ 12 сентября и полковники Барышполецъ и Сидорко съ остальными, туда же.

Опять вся область отъ Вологды и до Каргополя объята была страхомъ.—Черкасы расположились повсюду въ ожиданьи

зимняго пути, чтобы какъ только рѣки станутъ и снѣгъ падетъ, отступить къ Кириллову монастырю, къ Каргополю и къ Бѣлоозеру. Въ особенности ихъ плѣнялъ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь: „либо мы Кирилловъ монастырь возьмемъ, либо свои головы прикладемъ“.

Съ наступленіемъ зимы черкасы первымъ дѣломъ попробовали было незамѣтно двинуться къ Каргополю; но это имъ не удалось... А тѣмъ временемъ они выпытали, что въ Холмогорахъ острогъ не додѣланъ, и гарнизона тамъ всего лишь 50 человѣкъ, а заморскаго узорчатаго товару много. Полковники, учиня раду, пошли къ Холмогорамъ, посуливъ своимъ полчанамъ, что тамъ будетъ золота и серебра, и бархатовъ, и суконъ дорогихъ много, а острога совсѣмъ нѣтъ, только три посадца...

Разохоченные черкасы, предвкушая богатую добычу, выступили въ концѣ ноября по направленію къ Холмогорамъ. А тѣмъ временемъ тамъ происходили приготовленія; воевода Двинской, князь Пронскій, достроилъ острогъ, привезъ изъ Архангельска пушки и „зелье“, пригласилъ оттуда же на помощь сотню стрѣльцовъ.

Подходя уже къ Холмогорамъ, черкасамъ пришлось наткнуться на Елецкій острогъ. Потерпѣвъ здѣсь маленькую неудачу, они 6 декабря прибыли въ Холмогоры. На третій день началась правильная осада. Въ качествѣ вспомогательнаго матеріала осаждающіе приготовили 16 штурмъ (назначеніе ихъ то-же, что и щитовъ), 16 возовъ соломы и бересты, облитыхъ смолой, вѣниковъ, также облитыхъ смолой и саломъ,—по двѣ штурмы и по два воза съ каждой сотни. „Полковникъ большой“ у нихъ—Барышполецъ, есаулы—Марко Поздяковъ, черкашенинъ, да Вышенскій, а Сидорку отставили вслѣдствіе раны, полученной имъ въ осадѣ 8 декабря. Въ войскѣ у нихъ, повидимому, было около 1200 душъ [1]), въ томъ числѣ 300 „бойца“ (стрѣлковъ), съ длинными пищалями, на литовскихъ бахматахъ (особая порода лошадей), „а иные 300

---

1) Черкасъ и русскихъ людей съ пахолками, въ томъ числѣ донцовъ—козаковъ 100, новгородскихъ татаръ 30, да нѣмцевъ, новгородскихъ сидѣльцевъ, 3.

человѣкъ—съ малыми булгаками (пулгаками?) и въ саадакахъ (сагайдакахъ)—мелкіе пахолки, а ставятъ ихъ въ полку, чтобы людн'ѣе казалось". Собравши „коло", всѣ присягали на томъ, что, „имъ всѣмъ подъ Холмогорами помереть"... Однако уже на другой день утромъ съѣхались „на думу" сотники и рѣшили: „идти Двиною внизъ къ морю и приниматься въ Новгородъ къ Якову Пунтусову"... Такъ они и сдѣлали, и черкасы Барышпольцева полка пошли внизъ Двиною, къ Архангельску, а еще раньше, изъ-подъ Холмогоръ, ушелъ внизъ по Двинѣ и на Вагу сотникъ Фетко (Федько?), „а съ нимъ пошло литвы и черкасъ 300 человѣкъ". По уговору, и тѣ и другіе должны были сойтись подъ Каргополемъ.

Уйдя изъ Холмогоръ, черкасы думали было незамѣтно напасть на Архангельскъ, но архангелогородцы предупредили ихъ... Поэтому они къ городу не подступали, а пошли къ морю, къ Никольскому Корельскому монастырю. „Монастырь и монастырскіе соляные промыслы и вотчины разорили до основанія, казну монастырскую забрали, людей посѣкли, а иныхъ жгли и мучили". Отсюда пошли берегомъ моря по зимней проѣзжей дорогѣ въ Ненокоцкій посадъ, затѣмъ въ посадъ Луду, Уну,—всюду все уничтожали, церкви грабили, дворы жгли, варницы соляныя разоряли; подступили наконецъ къ Сумскому острогу Соловецкаго монастыря. Здѣсь стрѣльцы Сумскіе не мало побили черкасъ, которые не осмѣливались уже осаждать Соловецкаго монастыря, а повернули въ Заонежскіе погосты. 2 января 1614 г. Барышполецъ съ полкомъ да Сидорко (получившій, надо полагать, снова прежній чинъ) пришли въ Шунгинскую и Толвуйскую волость двумя дорогами. Не смотря на болѣе чѣмъ двухнедѣльную осаду этихъ острожковъ, взять ихъ штурмомъ или изморомъ не удалось. Отсюда, изъ Шунгинской волости, черкасы, по совѣту нѣкоторыхъ шведовъ, обратились къ послѣднимъ съ предложеніемъ услугъ. Яковъ Пунтусовъ, въ отвѣтъ на это, прислалъ „Сидору" королевскія грамоты, „чтобы нѣмцамъ и черкасамъ согласитвся и соединиться въ одно на русскихъ людей". Въ виду этого черкасамъ предложено было идти на Олонецъ и

тамъ поджидать „нѣмецкихъ людей“. 29 января пришелъ сюда передовой отрядъ черкасъ и нѣмцевъ, въ 800 душъ. Олонецкій голова Страховъ да атаманы и есаулы съ козаками дали солидный отпоръ пришельцамъ, но, узнавъ, что еще приближается непріятель, оставили Олонецъ на произволъ судьбы, который тотчасъ-же заняли черкасы съ союзниками. Тогда „государевы люди“, встревоженные приходомъ неожиданнаго въ той мѣстности врага, послѣ многихъ и долгихъ отписокъ въ Разрядъ, составили въ первыхъ числахъ марта союзъ изъ Барай-Мурзы Кутюмова и головы съ татарами, казаками и др., напали на черкасовъ у Олонца и побили ихъ въ конецъ (до 1000 душъ легло на мѣстѣ), а сотника Ѳетка взяли въ плѣнъ и отправили въ Москву. Союзники же, которые стояли въ Корельскомъ уѣздѣ „на лежѣ“, въ количествѣ 100 пѣшихъ да 200 конныхъ, явились на помощь..... на другой день послѣ бою.

Теперь у черкасовъ осталось всего лишь 300 человѣкъ во главѣ съ Сидоркомъ да пахолковъ съ 200; Барышполецъ же „нынѣ съ черкасами въ ряду, а не полковникомъ, потому что его полкъ весь побитъ въ Олонцѣ“. Послѣ олонецкаго погрома у черкасъ была рада, „и полковники и черкасы приговорили, чтобы отдать на сотника Ѳетку (вымѣнять)—а тотъ Ѳетко у нихъ честенъ, *умѣетъ многимъ языкамъ*, а прежъ сего бывалъ у черкасъ же въ полковникахъ—полонянина князя Матвѣя Прозоровскаго“. Черкасы хотѣли было писать на Тихвину къ воеводамъ объ этомъ размѣнѣ, но, узнавъ, что Ѳетко сосланъ въ Москву, оставили свое намѣреніе...

Послѣ Олонецкаго пораженія прислалъ Пунтусовъ черкасамъ грамоты съ предложеніемъ идти къ нему, Якову, въ Новгородъ. Но черкасы отказались,—не хотѣли обратиться въ гражданъ новгородскихъ, а ему отписали, съ упрекомъ, что „за ихъ службу, что ему служили подъ Тихвиною, велѣлъ имъ „лежать“ въ Корельскомъ уѣздѣ до травы!“

Вмѣсто Новгорода, они съ полковникомъ Сидоркомъ отправились въ Соломенскую волость,—„опасаясь государевыхъ людей приходу“. Въ случаѣ-же тамъ не окажется корма людямъ и

конямъ, то они пойдутъ подъ Корелу (г. Кексгольмъ), въ Корельскія волости и будутъ тамъ стоять до травы, а оттуда, черезъ Лифляндію, направятся въ Литву.

Но не осуществились ихъ планы, ибо „государевы люди вездѣ дороги залегли“,—немыслимо было пройти, да и снѣга были велики. Поворотивъ отъ Олонца назадъ, они прошли за Онегу въ Шуйскую волость и 10 марта произвели нападеніе на Никольскій Шуйскій монастырь... Расположившись затѣмъ на Тулмозерѣ (Туломъ-озеро), черкасы снова обращаются къ шведамъ, и воевода Анцмукъ Михайловъ и съ нимъ 200 человѣкъ съ артиллеріею являются на Тулмозеро въ серединѣ марта. Отсюда предполагали идти подъ Бѣлозерскъ, подъ Кирилловъ монастырь и Каргополь.....

На этомъ прекращаются извѣстія о судьбахъ черкасовъ, исколесившихъ почти всю Сѣверную Россію, прошедшихъ ее вдоль и поперекъ. „Что ихъ туда завело?“—спрашиваетъ авторъ,—„Непримиримая-ли ненависть къ великорусскому племени, или погоня за золотомъ и серебромъ, за дорогими камками и всякими узорочьями торговыхъ городовъ? Ненасытная-ли жажда крови и истребленія, или призывъ и посулы Якова Пунтусова, „новгородскаго сидѣльца?“ Манилъ-ли буйную волю широкій просторъ беззащитного края, или гнало ихъ отчаяніе затравленнаго звѣря?..“ Врядъ-ли надо предполагать столько разнообразныхъ побужденій, когда весь ходъ дѣла ясно показываетъ, что главнымъ мотивомъ въ этомъ движеніи на сѣверъ была простая погоня за счастьемъ и наживой... Впрочемъ, въ концѣ концовъ, авторъ и самъ это признаетъ: „сдѣлали это безъ какой-либо опредѣленной цѣли, безъ выдержаннаго плана: кинулись, увлекаемые жаждой легкой добычи и наживы“. Вотъ въ этомъ заключается, какъ намъ кажется, и рѣшеніе вопроса.

В. Д.

Выборное начало въ средѣ Волынскаго духовенства въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка.

Въ началѣ 60-хъ годовъ, столь знаменитыхъ въ исторіи рускаго самосознанія, старообрядцы во всеподданнѣйшемъ адресѣ, поднесенномъ Александру II, писали: „въ новизнахъ твоего царствованія любезная нашему сердцу старина слышится".

Большою въ то время новизною, вводимою со всею осторожностью и постепенностью, считалось выборное начало въ средѣ духовенства. Вотъ что писалъ во всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1866 г. оберъ-прокуроръ Св. Синода гр. Д. А. Толстой: „Вмѣстѣ съ съѣздами, мало-по-малу и съ соблюденіемъ необходимой осмотрительности, распространяется въ нѣкоторыхъ епархіяхъ выборный порядокъ назначенія благочинныхъ. Въ 11 епархіяхъ предварительный выборъ на благочинническія мѣста предоставляется самому духовенству. Тотъ-же порядокъ допускается по временамъ, въ видѣ опыта, еще въ 8 епархіяхъ (въ числѣ названныхъ епархій находится и волынская). Избранные кандидаты получаютъ утвержденіе въ должности отъ преосвященныхъ, которые, такимъ образомъ, ничего не теряя изъ предоставленной имъ власти, своимъ довѣріемъ къ духовенству даютъ ему новое побужденіе къ добросовѣстному исполненію долга—избраніемъ на благочинническое служеніе лицъ, вполнѣ достойныхъ по своимъ нравственнымъ качествамъ и готовыхъ съ усердіемъ и пользою пещись о ввѣряемыхъ имъ интересахъ церквей".

Такова была новизна, съ осмотрительностью прививавшаяся въ 60-хъ годахъ къ духовной средѣ. Но въ этой новизнѣ слышится всѣмъ знакомая, далекая старина.

Не будемъ погружаться въ глубь вѣковъ для доказательства этой истины. Достаточно напомнить, что выборное начало въ средѣ южно-русскаго духовенства всегда было сильно. Проще сказать, оно было дѣломъ столь естественнымъ, что иного порядка опредѣленія къ духовнымъ должностямъ никто себѣ и представить не могъ. Уже самое назначеніе того или другого лица священникомъ на извѣстный приходъ могло состояться не иначе, какъ по предварительномъ избраніи его „громадою“ и послѣ одобренія этого избранія мѣстнымъ помѣщикомъ. Когда въ концѣ прошлаго вѣка противъ священника с. Андреевичъ, Овручскаго уѣзда, Стефана Бобровницкаго возбуждено было, по жалобѣ мѣстной громады, слѣдственное дѣло и когда по слѣдствію взведенныя противъ него обвиненія отчасти подтвердились, то епископъ Варлаамъ 25 августа 1798 года положилъ не иную, а именно слѣдующую резолюцію: „на мѣсто Б. другаго избрать“ (Арх. волын. дух. конс. дѣло № 453).

Такой-же порядокъ предварительнаго избранія соблюдался и при назначеніи въ должность благочиннаго. Этого основного порядка, составлявшаго одну изъ существенныхъ принадлежностей южно-русскаго церковнаго устройства, не могли сокрушить и всѣ тѣ отступленія отъ древне-церковныхъ уставовъ, какія допускались во время болѣе чѣмъ двухвѣковаго господства уніи. По крайней мѣрѣ, въ самый годъ возсоединенія уніатовъ мы наталкиваемся въ старыхъ архивныхъ дѣлахъ на фактъ предварительнаго избранія духовенствомъ благочиннаго.

Ямпольскій (нынѣ мѣстечко Ямполь, Кременецк. у. Вол. губ.) благочинный Стрѣхинъ, вызванный наряду съ другими изъ Кіевской епархіи съ цѣлью возсоединенія уніатовъ и устроенія православныхъ приходовъ на Волыни, уѣхалъ домой и не возвратился. Объ этомъ дошло до свѣдѣнія епископа брацлавскаго и подольскаго Іоанникія, завѣдывавшаго возсоединеніемъ и волынскихъ уніатовъ до назначенія на Волынь въ 1795 году

епископа Варлаама. Онъ тотчасъ же издалъ на имя старокон-стантиновскаго благочиннаго слѣдующее „приказаніе“: „Предписывается тебѣ учинить слѣдующее: съѣхавъ во оный Ямпольскій уѣздъ и собравъ тамошнее священство, велѣть имъ, вмѣстѣ съ тобою, нынѣ-же избрать единогласно изъ-межъ себя двухъ священниковъ достойныхъ, ученыхъ, знающихъ совершенно россійскій языкъ и во всемъ способныхъ къ отправленію должности благочиннаго, въ кандидаты, представить намъ для разсмотрѣнія и утвержденія“. Собравшееся подъ руководствомъ Бочковскаго духовенство избрало въ кандидаты на должность благочиннаго Дверницкаго и Коцовскаго, при чемъ достойнѣйшимъ признавало перваго; но такъ-какъ онъ отъ предлагаемой чести отказался, то епископъ Іоанникій въ своемъ „приказаніи“ уже на имя Коцовскаго писалъ слѣдующее: „хотя изъ представленныхъ намъ кандидатовъ болѣе рекомендованъ Дверницкій, нежели вы, но какъ поелику онъ отказался, то и быть вамъ благочиннымъ“.

Такимъ образомъ то, что въ 60-хъ гг. допускалось въ Волынской епархіи въ видѣ опыта, безбоязненно практиковалось еще въ концѣ XVIII вѣка, тотчасъ по возсоединеніи уніатовъ. Епископъ Іоанникій, ничего не теряя изъ предоставленной ему власти, довѣрялъ духовенству избраніе достойныхъ кандидатовъ въ должность благочиннаго и затѣмъ любого изъ нихъ утверждалъ.

Но не одинъ Іоанникій такъ дѣйствовалъ. Епископъ Даніилъ, правившій Волынской епархіей послѣ Варлаама,—человѣкъ, по воспоминаніямъ старожиловъ, суроваго, деспотическаго нрава, сильно заискивавшій предъ мѣстными магнатами, но свысока и надменно относившійся къ рядовому сельскому духовенству, а въ минуты гнѣва и раздраженія, дѣйствовавшій даже палкою по плечамъ своихъ подчиненныхъ,—и тотъ не рисковалъ пренебречь древнимъ обычаемъ и отступить отъ изстари установившагося порядка избранія благочинныхъ.

30 сентября 1811 г. благочинный Погольскій, житомірскаго у., за неисполнительность былъ удаленъ отъ должности.

Вслѣдъ затѣмъ изъ волынской консисторіи послѣдовалъ въ мѣстное духовное правленіе указъ: „о избраніи кандидатовъ въ благочиннаго общими того вѣдомства священно-церковно-служителей голосами". Выборы происходили 11 мая 1812 г.

Приводимъ текстъ избирательнаго акта (съ сохраненіемъ его орѳографіи): „Выборъ. Мы ниже подписавшіись вѣдомства Благочиннаго іерея Григорія Погольскаго священно и церковнослужители добровольно избираемъ священниковъ селъ Ивановичъ—Василія Немозовскаго, и Вильска—Іосифа Житинскаго, поведеній честныхъ, добропорядочныхъ и ни въ какихъ подозрѣніяхъ и штрафахъ ни бывающихъ, въ кандидаты на мѣсто выше писаннаго Благочиннаго іерея Григорія Погольскаго и изъ тѣхъ кандидатовъ имѣть себѣ благочиннымъ желаемъ, въ чемъ своеручно подписуемся". Слѣдуетъ 10 подписей священниковъ и подъ особымъ заголовкомъ „Церковныки" 9 подписей причетниковъ. На рапортѣ житомірскаго духовнаго правленія по этому предмету еп. Даніилъ положилъ такую резолюцію: „Села Ивановичъ свящ. В. Немоловскому, яко ученому и *избранному*, быть благочиннымъ".

Изъ обстоятельствъ настоящаго дѣла выясняется, что не однимъ только священникамъ предоставлялось право выбора благочиннаго, но что въ столь серьезномъ актѣ принимали участіе и церковники, или, по тогдашнему, „дьяки". Если даже эти истинные пасынки духовнаго сословія не были устранены отъ такого дѣла, то можно судить, какъ прочно и глубоко коренилось въ то время выборное начало въ средѣ Волынскаго духовенства. И вотъ однако то, что казалось тогда столь незыблемымъ, было впослѣдствіи, очевидно, разрушено, если въ 60-хъ гг. приходилось вводить его вновь и то лишь въ видѣ опыта. Но введенная съ 60-хъ годовъ система выбора благочинныхъ просуществовала не долго. Съ 80-хъ годовъ вновь перешли къ системѣ назначенія по усмотрѣнію консисторіи и епархіальнаго архіерея.

В. Храневичъ.

ЗЛОДІЙ.

Давно вже пивничъ пивни прокрычалы. Спыть село Трепилья; тилько осинній дрибный дощыкъ торохкае въ викна, та и винъ якось линыво йде: то прытыхне, нибы задримае, то прыпустыться раптово, наче прокынется. На двори темно, хочъ очи повыколюй, и тыхо, нибы на кладовыщи; собакы, й ти поховалысь въ солому, дарма що вовкы бродять кругомъ села и нюхають, видкиля-бъ сперты вивцю або порося. Воны, якъ и люде, дуже люблять поросяче мьясце, и якъ-бы тилько поросята та не булы таки горлати и не крычалы, якъ навижени, на все село тоди, якъ вовкъ схопыть въ зубы, то вже давно-бъ и не нюхавъ старый Снижко поросячого холодцю зъ хриномъ. А старый дуже ласый до теи стравы,—пиднесы ты ёму холодцю зъ поросятыны,—весь зйисть, ще й мыску вылыже; а зъ начынкою якъ трапытся—тилько кисточкы зоставыть; пидставъ локшыну зъ свынынною—и ту не помылуе, а якъ ще пидъ рукы попаде пляшка съ горилкою, то тоди мабуть и жывого пидсвынка зйивъбы. Не дали, якъ учора, на хрыстынахъ у зубатои Параскы нашъ Грыцько (такъ звалы Снижка) йивъ, йивъ борщъ зъ сомыною, ажъ поясъ роспустывъ, а потимъ, якъ подалы зъ ковбасою капусту, то якъ прынявсь, такъ бильшъ, якъ пивъ макитры самъ сперъ: думалы, що й жывитъ розсядется—и ничого! Теперъ спыть соби дома на печи въ гарячимъ проси. Спыть. Скризь тыхо и снытся ёму, наче Параска пидносыть

ёму повну мыску варенои поросятыны, а паръ зъ неи йде, нибы съ трубы, и зверху вся полыта буряковымъ квасомъ зъ хриномъ.

„Годуйтесь, будьте ласкави,“—прыпрошуе Параска и пидносыть здорову чарку горилкы. Винъ выпывъ, утерся полою, потимъ выбравъ шматокъ мняса, де бильше було хрину, видкусывъ и ставъ жувать. Ну, та й хринъ! ажъ въ носи закрутыло,—и Грыцько чхнувъ на всю хату и проснувсь; потимъ въ другый—третій разъ, та такъ здорово, що розбудывъ и жинку.

— А, бодай тебе! обизвалась до ёго Мотря.—Злякавъ мене такъ, що ажъ коло серця похолонуло. И чого ты такъ розичхавсь?

— Та, мабуть, просо въ нисъ попало,—обизвавсь Грыцько и ставъ лапать по печи рукамы, поки не налапавъ кысета зъ тютюномъ; зачепывъ рукавомъ чымало проса, и воно посыпалось зъ печи до-долу.

— Ну й якого ты биса соваешся по печи, нибы той кабанъ въ сажи,—вызвирылась на ёго Мотря.

Грыцько мовчкы вытеръ сирныкъ, закурывъ люльку и ставъ потроху смоктать. Пидъ викномъ загавкавъ Сирко и ставъ кыдаться до воритъ.

— Грыцьку, а Грыцьку! Отъ-же, мабуть, щось въ двори порается, що Сирко такъ надсидается. Злизъ бы ты зъ печи та выйшовъ на двиръ—потюкавъ: може звирюка до кошары пидійшла, або злодій до коней пидкопуется.

— Та який чортъ въ таку темну ничъ та й по дощу полизе красты,—пробурчавъ Грыцько.

— А по твоему, то злодіи ходять, якъ мисяць свитыть ясно?

— Та й иды ты къ лыхому зъ своимъ мисяцемъ. Ну вже, и вйидлыва ты, якъ оса! Сирко дурный бреше, а вона вже дума, що повенъ двиръ злодіивъ! Отъ якъ Барбосъ загавка, тоди друге дило: я заразъ схоплюсь зъ печи, бо винъ даромъ рота не роззявыть. Лягай, краще, Мотре, та спы и другымъ сну не перыбывай.

Мотря прытыхла, тилько не надовго. Сирко знову кынувсь до воритъ, а за нымъ и Барбосъ загавкавъ.

— Та злизь ты въ печи,—бачышъ якъ собакы валують. Чы хочешъ долежатысь, покы все зъ комоpы та зъ клуни выкрадуть,— прыстае до ёго Мотря.—Я-бъ сама пишла, та боюсь, а то-бъ тебе не просыла.

Грыцько мовчыть; собакы все дужче и дужче гавкають.

— Та встанешъ ты, сто чортивъ на твою голову! Чы ты хочешъ, щобъ я тебе за чупрыну стягла!

— Та чого вы, мамо, лаетесь?—обизвалась Катря (вона ще якъ першый разъ Сирко загавкавъ, проснулась и все прыслухувалась). Ось я заразъ встану та й выйду,—нехай соби тато лежать. Може справди вовкы до кошары добираются,—я погукаю та нацькую собакъ на ихъ.

— Пиды, пиды, дочко,—обизвався Грыцько,—не бійся: якъ шо тее, то й я выйду до тебе; та вже за однымъ заходомъ и до клуни навидайсь.

Катря назула на босу ногу чоботы, накынула батькивъ кобенякъ зъ видлогою та й выйшла зъ хаты.

— Катре, а Катре!—крыкнувъ ій на-здогинъ Грыцько:—пидкынешъ за однымъ разомъ и паши воламъ и конямъ.

— Добре, тату,—одказала вона ёму зъ надвору.

— А смилыва, катова дивка,—другого й парубка за поясъ заткне; не така, якъ ты, стара прытыка, вся въ мене—промовывъ старый до старои.

Катря выйшла, пидизвала до себе Сирка и Барбоса и въ пивъ-голоса обизвалась:

— Маркіяне, де ты?

— Ось тутъ, моя Катрусю,—и до неи изъ-за прычилка пидійшовъ высокый парубокъ, взявъ іи за рукы и хотивъ прыгорнуть до себе.

— Ни, Маркіяне, ходимъ пидъ повитку, а то маты побачать.

Пидъ повиткою воны посидалы, и Маркіянъ прыгорнувъ до себе дивчыну и ставъ цилувать свою мылу Катрусю; и куды тилько винъ іи не цилувавъ: и въ губы, и въ щокы, и въ очи; видлога спала у неи зъ головы, и винъ давай іи цилувать въ шыйку и въ косу, а вона, якъ та голубка, прыгорнулась до

ёго, обняла рукамы ёго голову и впылась губамы въ ёго губы, та такъ, що й одстать одынъ отъ другого не можуть. Забула Катря и за коней, и за воливъ, и за все въ свити; якъ-бы не пивень, то сыдилы-бъ наши голубьята, покы-бъ не выйшовъ батько. Та на ихъ щастя, якъ разъ надъ головою сыдивъ на бантыни билый пивень. Слухавъ винъ, слухавъ, якъ воны цилуются, та й дума: „цилуются парубокъ зъ дивчыною,— чого жъ я зиваю? Треба й своихъ дивчатъ побудыть!“ та якъ закрычыть на все горло: Ку—ку—ри—ку! Маркіянъ и Катря зъ переляку такъ схопылысь, нибы ихъ хто окропомъ облывъ.

— Иды, голубчыку, до-дому, а то батько выйдуть, застануть,—сказала вона парубкови,—та не йды въ ворота, а по-за клунею та черезъ тынъ.

Маркіянъ ще на-останци прыгорнувъ Катрю и пишовъ до клуни. Катря нагнала ёго и попросыла пидкынуть паши худоби. Маркіянъ ще разъ поцилувавъ свою Катрусю, и розійшлысь— винъ въ загороду, а вона въ хату.

— Ну, що?—пыта батько.

— Та щось було коло клуни. Я якъ выйшла, а воно черезъ тынъ та такъ и подалось на выгинъ.

— И то вже четвертый разъ ціеи осены,—сказавъ Грыцько,— и що-бъ воно таке?

— Та що-жъ,—отказала Мотря,—якъ не злодій!

— Та, мабуть, що злодій,—промовывъ и Грыцько, и зновъ ставъ закурювать люльку.—И ты, Катре, не боялась?—заговорывъ до неи батько.

— Ни, тату.

— А якый винъ въ себе: высокый, чы ни?—допытувавъ Грыцько.

— Высокый, тату.

— Отъ-же я трычи бачывъ все высокого,—сказавъ Грыцько; потимъ трохы згодомъ пытае:—Катре, чы не Маркіяномъ ёго звуть?

У биднои Катри зъ переляку и серце перестало быться, не може и слова вымовыть.

— Якъ що Маркіяномъ, то вже ничого балакать,—сказавъ Грыцько,—таке ёго щастя; скажы, нехай завтра старостивъ прысыла.

Катря кынулась на пичъ и давай цилувать батька. Просо такъ и шуршыть зъ печи; тилько вже Мотря не лае—не до проса, и дума вона,—а про кого? Та про кого жъ бильшъ, якъ не про злодія.

В. Чыгрынець.

Документы, извѣстія и замѣтки.

„Опасная болѣзнь“ въ Переяславскомъ полку въ 1750 году.

Ирклѣевскій сотникъ Требинскій въ октябрѣ мѣсяцѣ 1750 г. донесъ въ полковую Переяславскую канцелярію о происшедшихъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ двухъ случаяхъ смерти отъ какой-то, на взглядъ сотника, подозрительной болѣзни. У козачьей жены Ганки Захарченковой въ с. Скородистикѣ ночью «зесвербѣла щока лѣвая», а на другой день «выйшолъ красный пузырь, и опухла, тако-жъ и въ животу болѣти стало». На шестой день она умерла, «опухъ же, который на ей былъ, и пузырь красный по умертвіи поховались».

Присутствовавшій на погребеніи Ганки Захарченковой братъ ея Данило Богданець, на другой день послѣ похоронъ заболѣлъ и черезъ 6 дней умеръ, при чемъ сестра его такъ показала въ сотенномъ правленіи о его болѣзни: «на шіи де выбѣгъ пузырь и когда тотъ пузырь, по его требованію, раздавила жена его, то тотъ пузырь былъ червоный». Мѣстные обыватели припомнили и обратили вниманіе на то обстоятельство, что въ роду этихъ Богданцовъ и другіе умирали отъ такихъ же болячекъ, а именно: «тому де 15 лѣтъ, якъ старшому Богданцю Семену выбѣгъ такій-же пузырь на руцѣ, 3-го дня умре; да у сестры де ихъ Тетяни, тому-жъ будетъ назадъ 25 лѣтъ, збѣгъ пузырь на плечу и умре-жъ 8 дня».

Сотникъ Ирклѣевскій эти разговоры мѣстныхъ обывателей помѣстилъ въ своемъ донощеніи, чѣмъ и побудилъ полковую Переяславскую Канцелярію усмотрѣть извѣстную опасность въ томъ, что «з пузырей двѣ души умерли». Полковая Канцелярія немедленно предписала сотнику учредить въ с. Скородистикѣ строжайшій ка-

рантинъ: «не токмо тѣ домы жилые двохъ умершихъ отъ пузырей душъ, но и все село Скородистикъ рогатками и караулами на время заключить и тихъ всѣхъ бывшихъ у погребенія сродниковъ въ особыхъ хатахъ содержавъ, не выпуская никуда къ сообщенію впредь до указу, и денно и ночно наблюдать, что надъ ними чиниться будетъ, и такъ въ село, яко и изъ того села проходить и ѣздить людямъ запретить, а кождихъ сутокъ чрезъ опредѣленныхъ смотрителей при караулѣ съ опасностію осматривать».

Сотникъ Требинскій, очевидно, не ожидалъ такого безпокойства и поспѣшилъ увѣдомить 28-го сентября, что хотя-де предписаніе Полковой Канцеляріи относительно карантина имъ и исполнено, но «никакой опасности и больныхъ ни единой души не имѣется, и въ с. Скородистикѣ, да и въ Заяринѣ, гдѣ оной Данило Богданець жилъ, ни едина душа не умерла и никакой хоробы не явилося».

Полковая Канцелярія разрѣшила карантинъ снять, а сотникъ Требинскій, увѣдомляя о полученіи имъ указа объ этомъ, еще разъ повторялъ, что въ указанной мѣстности «ни единой души не заболѣло и не умерло».

Полковая Канцелярія, повидимому, своевременно донесла обо всемъ въ Войсковую Генеральную Канцелярію, но эта послѣдняя, усмотрѣвъ въ описанномъ случаѣ особую «опасность», сдѣлала выговоръ полковнику Сулимѣ за то, что онъ не далъ знать объ этомъ случаѣ немедленно по полученіи рапорта отъ сотника и самъ собственною властію, безъ представленія о томъ Генеральной Канцелярія, разрѣшилъ снять карантинъ.

«Понеже въ предобереженіе отъ такова зла самонужнѣйшій Е. И. В. интересъ и малѣйшаго времени о таковихъ случаяхъ въ представленіяхъ, куда по командѣ надлежитъ, упускать не должно», Генеральная Канцелярія, по приказанію гетмана, опредѣлила полковника Сулиму за такой его «поступокъ предосудить и найкрѣпчайше притвердить, дабы онъ впредь въ такихъ самонужнѣйшихъ и интересныхъ дѣлахъ рачительнѣйшее имѣлъ прилежаніе и безъ упущенія и малѣйшаго времени и осмотрительнѣе по своей должности поступалъ».

Мало того, генеральная Канцелярія, не смотря на увѣренія мѣстнаго начальства, что никакой опасности нѣтъ, все-таки, «для лучшаго освидѣтельствованія и примѣчанія, нѣтъ-ли въ ономъ селѣ

Скородистику и Заярынѣ какова къ опасной болѣзни сумнительства», командировала войсковаго канцеляриста Михайла Исаевича въ г. Нѣжинъ за городовымъ лѣкаремъ, съ которымъ вмѣстѣ и должны они были заняться такимъ освидѣтельствованіемъ. Командированнымъ лицамъ дана была строгая и обстоятельная инструкція. О такомъ своемъ распоряженіи Генеральная Канцелярія дала знать и въ Кіевъ въ Генералъ-Губернаторскую Канцелярію, въ вѣдомствѣ которой въ извѣстныхъ отношеніяхъ находились гг. Нѣжинъ и Переяславъ, имѣвшіе у себя особыхъ россійскихъ комендантовъ.

Генералъ-Губернаторская Канцелярія въ свою очередь сочла нужнымъ послать въ заподозрѣнное мѣсто капитана Антона Наковальнина и полкового лѣкаря Пугина, предписавъ имъ поступать «по общему съ тамошнею старшиною и канцеляристомъ согласію». Командировку эту получили они 25-го Ноября, и 2-го Декабря Наковальнинъ представилъ уже рапортъ о томъ, что-де и надобности никакой въ поѣздкѣ ихъ не было, что еще 11-го Ноября Исаевичъ и Нѣжинскій городовой лѣкарь пріѣзжали и производили освидѣтельствованіе подозрительныхъ мѣстъ, по которому ничего и не оказалось. Объ отсутствіи всякаго «сумнительства» доставилъ и Наковальнинъ свидѣтельство отъ Ирклѣевской сотенной старшины. Такимъ образомъ «красный пузырь», отъ котораго умерло двое душъ въ с. Скородистикѣ, разрѣшился такою сложною перепиской, выговоромъ полковнику и командировками особыхъ коммиссій изъ Глухова и изъ Кіева.

Гвардіи капралъ Думитрашко въ побывкѣ на родинѣ въ г. Переяславѣ Извѣстно, что малороссійская старшина въ прошломъ столѣтіи, раньше пріобщенія своего къ россійскому дворянству, усиленно заботилась о закрѣпленіи за собой разныхъ чиновничьихъ званій. Молодые люди получали званія полковыхъ или войсковыхъ канцеляристовъ, бунчуковыхъ товарищей, не неся никакой дѣйствительной службы. Должности сотниковъ переходили отъ отца къ сыну и помимо всякихъ выборовъ, по представленіямъ полковыхъ канцелярій.

Но весьма многіе изъ малороссіянъ предпочитали мѣстнымъ чиновнымъ званіямъ чины россійскіе и за ними стремились въ столицы. И «гвардіи капралъ» малороссіянинъ, являясь на родину, изобра-

жалъ изъ себя уже нѣкоторымъ образомъ персону среди своихъ сверстниковъ, носившихъ мѣстныя войсковыя званія.

Такой то гварліи капралъ Степанъ Думитрашко, пріѣхавши въ г. Переяславъ на Рождественскіе праздники, своимъ важничаніемъ нанесъ горькую обиду мѣстной полковой старшинѣ, которая и задумала его хорошенько проучить, возбудивъ по незначительному поводу цѣлое «дѣло», по размѣрамъ переписки весьма обширное.

Въ праздничный день въ январѣ мѣсяцѣ 1766 г. былъ Думитрашко въ приходской Никольской церкви и очень былъ обиженъ тѣмъ, что священникъ Герасимъ Калѣновичъ не выслалъ ему послѣ обѣдни просфоры, т. е. не оказалъ ему того вниманія, какое обыкновенно оказывается почетнѣйшимъ лицамъ изъ присутствующихъ въ церкви. Встрѣтившись затѣмъ со священникомъ въ полковой канцеляріи, въ «прихожой избѣ», Думитрашко безцеремонно обругалъ его за такое непочтеніе къ «гвардіи капралу».

Священникъ пожаловался полковой старшинѣ, которая, призвавъ Думитрашка въ присутственную комнату, предложила ему, «яко прівзжому, въ силу Права розд. 4, артикула 29», извиниться передъ священникомъ, не выходя изъ присутствія. Но Думитрашко, «цепляясь, яко-бы арестуется не по командѣ», нашумѣлъ и вышелъ изъ присутствія, снявъ съ себя палашъ и бросивъ его передъ старшинами съ угрозами, что де они отвѣтятъ за такое незаконное задержаніе гварліи капрала. Съ тѣмъ онъ и уѣхалъ изъ города.

Переяславская Полковая Канцелярія, спустя двѣ недѣли, отправила палашъ въ Малороссійскую Коллегію при весьма обстоятельномъ доношеніи о поступкѣ Думитрашка. Малороссійская Коллегія отнеслась къ этому поступку весьма серьезно и предписала Полковой Канцеляріи «показаннаго гварліи капрала Думитрашка сыскавъ, приказать (ему) священника Калѣновича въ обидѣ его всеконечно удовольствовать, объявивъ при томъ, что ежели онъ, Думитрашко, окажется въ томъ упрямымъ, то имѣетъ быть по командѣ его изъ Малороссійкой Коллегіи писано съ требованіемъ о поступленіи съ нимъ по военнымъ артикуламъ»; „въ случаѣ жъ оказанія упрямства его, задержать подъ карауломъ его, Думитрашка, при Полковой Канцеляріи». Присланный же палашъ велѣно было возвратить Думитрашку за росписку.

Между тѣмъ Думитрашко успѣлъ уже подать своему военному начальнику кн. Волконскому жалобу на Переяславскую полковую стар-

шину, которая по злобѣ на отца его незаконно его арестовала, обвинивъ его въ какой-то обидѣ священника и заставляя кланяться этому священнику въ ноги.

По письму кн. Волконскаго, гр. Разумовскій потребовалъ по этому дѣлу объясненія отъ Малороссійской Коллегіи, которая и увѣдомила его о своихъ по этому дѣлу распоряженіяхъ. Къ сожалѣнію, неизвѣстно, какой результатъ имѣли эти распоряженія и принесъ ли гвардіи капралъ требуемое отъ него извиненіе предъ Калѣновичемъ. Палашъ его въ концѣ концовъ былъ выданъ 31 марта отцу его Ивану Думитрашку, согласно просьбѣ этого послѣдняго.

Смѣна доисторическихъ эпохъ въ Галичинѣ. [1]) Д-ръ Владиміръ Деметршкевичъ, секретарь Антропологической Коммиссіи Краковской Академіи Наукъ, собравъ и критически изучивъ имѣвшійся до настоящаго времени матеріалъ, т. е., всѣ доисторическіе памятники, найденные въ Галичинѣ, разбросанные по разнымъ музеямъ, мѣстнымъ и иностраннымъ, а также всѣ свѣдѣнія о находкахъ, имѣвшіяся въ литературѣ, постарался распредѣлить этотъ матеріалъ хронологически, прибѣгнувъ для этой первой попытки къ сравнительному методу по отношенію къ памятникамъ сосѣднихъ странъ. Оказалось, что въ Галичинѣ встрѣчаются остатки всѣхъ тѣхъ доисторическихъ эпохъ и разнообразныхъ цивилизацій, какія смѣняли другъ друга и въ сосѣднихъ краяхъ.

Самые древніе слѣды человѣка, относящіеся къ т. н. палеолитическому періоду, открыты въ окрестностяхъ Кракова и указываютъ на извѣстную связь съ Моравіей.

Во второй половинѣ каменнаго вѣка, т. е. въ неолитическую эпоху, было густо заселено главнымъ образомъ порѣчье Вислы, заселено бѣднымъ населеніемъ, сжигавшимъ своихъ покойниковъ и хоронившимъ пепелъ въ урнахъ.

Вдоль Сана, который со временъ глубокой древности служилъ дорогой изъ-за Карпатъ на сѣверъ и, насколько можно судить по на-

---

[1]) Въ ежегодникѣ „Swiatowit", т. II, помѣщено извлеченіе изъ отчетовъ о засѣданіяхъ естественно-математическаго отдѣленія Краковской Академіи Наукъ, подъ заглавіемъ „Badania nad dobą przedhistoryczną Galicyi". Въ виду интереса, какой представляетъ эта сжатая характеристика доисторическихъ древностей Галичины, мы сочли умѣстнымъ помѣстить ея переводъ. Н. Б.

ходкамъ, былъ въ нѣкоторомъ родѣ этнографической границей, жило въ эпоху каменнаго вѣка населеніе, хоронившее покойниковъ въ гробахъ, въ скорченномъ положеніи—самый древній погребальный типъ.

На востокъ отъ Сана могилы обыкновенно снабжены характерными насыпями—курганами. Нѣкоторые курганы заключаютъ въ себѣ могилы каменнаго вѣка, но большая часть ихъ относится къ позднѣйшему доисторическому времени.

Самая восточная часть края, между Збручемъ, Серетомъ и Днѣстромъ, была населена въ неолитическую эпоху племенемъ, хоронившимъ своихъ покойниковъ въ скорченномъ положеніи въ каменныхъ гробахъ, устроенныхъ въ формѣ ящиковъ изъ камней, имѣющихъ аналогію съ т. н. дольменами сѣверной Европы.

Подъ конецъ каменнаго вѣка эта часть Восточной Галичины была занята длинноголовой народностью, пришедшей съ Востока, впослѣдствіи сильно разросшейся, употреблявшей характерную раскрашенную посуду, обожженную до степени терракоты, и отличавшуюся спеціально ей присущимъ символическимъ погребальнымъ ритуаломъ, по которому въ урну помѣщался только кусочекъ кости отъ сожженнаго покойника. Позже народность эта, какъ кажется, переселилась далѣе на югъ, оставивши намъ въ огромной пещерѣ въ Бильчѣ, гдѣ жило цѣлое поселеніе, засыпанное обваломъ скалы, нѣчто вродѣ доисторической Помпеи.

Многочисленные и богатые памятники бронзоваго вѣка, а также предшествовавшаго ему переходнаго чисто-мѣднаго періода и не менѣе рѣдкіе предметы послѣдующаго ранняго желѣзнаго періода, называемаго гальштадскимъ, имѣютъ въ отношеніи типовъ большое сходство съ современными имъ находками въ сѣверной Венгріи и чаще всего встрѣчаются по естественнымъ дорогамъ—рѣкамъ, идущимъ отъ Карпатъ. Это обстоятельство позволяетъ допустить, что въ бронзовую эпоху, т. е. до V вѣка до Р. Х., по обѣимъ сторонамъ указанной горной цѣпи господствовала однородная культура, основанная или на общности происхожденія населенія или по крайней мѣрѣ на сношеніяхъ, вызванныхъ очень оживленной мѣновой торговлей.

Знакомство съ желѣзомъ и техникой производства желѣзныхъ издѣлій проникло въ Галичину двумя независимыми путями: съ запада и юга, при посредствѣ т. н. гальштадской культуры, и съ востока, при посредствѣ т. н. скифской цивилизаціи. Типичные памятники, относящіеся къ группѣ эллинско-скифскихъ древностей поло-

вины перваго тысячелѣтія до Р. Х., открыты въ нѣсколькихъ пунктахъ Восточной Галичины, возлѣ Збруча.

Отъ послѣдующихъ эпохъ, близкихъ уже къ историческому времени, когда желѣзныя издѣлія широко распространились, добытый до сихъ поръ археологическій матеріалъ непропорціонально уменьшается, по всей вѣроятности вслѣдствіе пренебрежительнаго отношенія къ этого рода памятникамъ при ихъ открытіи, такъ что задача археолога чѣмъ ближе мы подходимъ къ историческимъ временамъ, все болѣе и болѣе затрудняется, не смотря даже на помощь, какую оказываетъ свѣтъ исторіи сосѣднихъ южныхъ странъ, вступившихъ уже тогда въ область исторіи. Особенно западная Галичина, начиная съ желѣзнаго вѣка, погружается въ все большій и большій мракъ.

Ко времени IV вѣка до Р. Х., когда въ сосѣднихъ краяхъ, на югѣ и западѣ, господствовала т. н. культура «La Tène», принесенная съ запада переселеніями кельтскихъ племенъ, относится одна находка этого типа въ Западной Галичинѣ.

Отъ слѣдующей т. н. римской эпохи, остались слѣды нѣсколькихъ поселеній вдоль Сана. Рѣка эта, также какъ и Дунаецъ, опредѣляетъ, судя по находкамъ римскихъ монетъ, направленіе римскихъ торговыхъ путей, шедшихъ изъ закарпатскихъ странъ на сѣверъ.

Мы не имѣемъ до сихъ поръ ни одной могилы, ни одного городища, научнымъ образомъ изслѣдованныхъ, относящихся къ болѣе позднему періоду, т. е. къ т. н. эпохѣ переселенія народовъ и къ послѣдней эпохѣ доисторическаго времени, эпохѣ уже чисто славянской или хробатской. Такъ что, за отсутствіемъ матеріала, археологія объ этомъ періодѣ не можетъ ничего сказать.

Въ лучшемъ положеніи находится дѣло въ восточной части края.

Въ т. н. эпоху «La Tène», около 200 г. до Р. Х., появляется на среднемъ Днѣстрѣ, въ Восточной Галичинѣ, кельтское племя Бастрановъ, прибывшее, какъ кажется, съ средняго Дуная, принесшее съ собой спеціальную кельтско-этрусскую культуру, къ остаткамъ которой относятся богатый кладъ золотыхъ предметовъ, найденный въ Михалковѣ на Днѣстрѣ,[1]) и много другихъ находокъ въ Восточной Галичинѣ.

Племя Бастрановъ, находясь на востокѣ въ сосѣдствѣ съ скифо-сарматскими племенами, рано познакомилось съ греко-варварской культурой и стилемъ издѣлій, что сказалось и на разныхъ памятни-

[1]) Объ этомъ кладѣ см. „Археолог. Лѣтопись“ наст. года, февраль.

кахъ, между прочимъ и на нѣкоторыхъ предметахъ Михалковскаго клада.

Въ послѣдующую, т. н. римскую эпоху, когда границы римской провинціи Дакіи распространились частью и на Карпаты, появляется очень живое вліяніе римской культуры на Восточную Галичину. Отъ этой эпохи остались слѣды поселеній и могилы съ сожженіями и съ погребеніями и съ чисто римскимъ инвентаремъ.

Отъ племенъ, которыя въ эпоху переселенія народовъ переходили чрезъ восточную часть края и въ сосѣднихъ странахъ оставили въ землѣ многочисленные и богатые клады, состоящіе изъ драгоцѣнностей, въ Восточной Галичинѣ мы можемъ отмѣтить лишь два памятника: одинъ золотой, другой серебряный.

Къ послѣдней доисторической эпохѣ, предшествующей распространенію христіанства въ Восточной Галичинѣ, относятся кромѣ ряда городищъ, еще мало изслѣдованныхъ, также многочисленные курганы, заключающіе погребенія съ бронзовыми и серебряными украшеніями, типы которыхъ указываютъ на оживленныя сношенія, существовавшія между племенемъ, населявшимъ Восточную Галичину, и племенами, жившими въ теперешнихъ губерніяхъ Подольской и Волынской и даже далѣе на сѣверъ.

Въ концѣ авторъ упоминаетъ о т. н. «бабахъ», встрѣчающихся также и въ Восточной Галичинѣ. Согласно съ современной научной теоріей, онъ считаетъ ихъ надгробными памятниками племени тюрско-татарскаго происхожденія, относящимися ко времени до и послѣ Р. Х.

Для наглядности топографическаго распредѣленія памятниковъ и для объясненія своихъ выводовъ авторъ изготовилъ археологическую карту (еще не изданную), на которой отмѣтилъ около 500 мѣстностей, гдѣ открыты доисторическіе памятники.

Предполагавшееся въ 1860 году изданіе украинскихъ сборниковъ. Въ концѣ 50-хъ годовъ П. А. Кулишъ, довольно уже поработавшій на нивѣ украинской словесности и заявившій о себѣ такимъ прекраснымъ изданіемъ, какъ «Записки о Южной Руси» въ двухъ томахъ, пришелъ къ мысли о необходимости приступить къ болѣе или менѣе систематическому изданію украинскихъ сборниковъ, кото-

рые замѣняли-бы пока-что отсутствовавшій въ тѣ годы спеціальный южно-русскій журналъ. Съ этой цѣлью онъ составилъ обширное и очень душевно написанное объявленіе, въ которомъ хотѣлъ принціпіально освѣтить необходимость для Украины найти болѣе живой способъ выраженія своей національной задачи, а именно: если не настало еще время, думалъ онъ, издавать періодическій органъ, то есть полная возможность выпускать въ свѣтъ отдѣльные сборники — альманахи, какъ это всегда бываетъ въ извѣстные моменты въ дѣлѣ періодической прессы, какъ это между прочимъ было и въ русской литературѣ въ концѣ прошлаго столѣтія, передъ началомъ издательства Карамзинымъ «Вѣстника Европы». Изъ этого предложенія П. А. Кулиша осуществился только изданный имъ въ 1860 году альманахъ «Хата», а въ 1861 году сталъ уже выходить въ свѣтъ журналъ «Основа», и слѣдовательно — на нѣкоторое время вопросъ о сборникахъ самъ собою явился не на очереди.

Такъ-какъ объявленіе П. А. Кулиша о предположеніи издавать украинскіе сборники намъ не приходилось видѣть въ печати, то мы считаемъ вполнѣ умѣстнымъ познакомить теперь читателей съ полнымъ текстомъ его, пользуясь тѣмъ случаемъ, что вдова покойнаго П. А. Кулиша любезно предоставила въ наше распоряженіе автографъ этого объявленія, помѣченнаго карандашемъ *ноябрь* (конечно 1859 года).

Объявленіе объ изданіи съ 1860 года Украинскихъ сборниковъ.

Въ настоящее время, когда всякое гражданское общество ищетъ прочности своего существованія въ самопознаніи, какъ въ необходимомъ средствѣ къ исправленію старыхъ ошибокъ своихъ и предотвращенію новыхъ, Южная Русь, простирающаяся отъ предѣловъ царства Польскаго до Кавказа и отличающаяся отъ прочихъ племенъ славянскихъ своеобразнымъ языкомъ, такъ называемымъ украинскимъ, не осталась равнодушною къ великому и спасительному дѣлу самопознанія. Она выразила отличительныя черты своего прошедшаго и настоящаго многими томами чисто ученыхъ и беллетристическихъ произведеній на сѣверно-русскомъ и на своемъ родномъ, украинскомъ языкахъ. Если-бы вычислить количество печатныхъ листовъ, имѣющихъ предметомъ своимъ нашу Украину, то оказалось бы столько, что, обращенные въ томы, они одни наполнили-бы огромныхъ размѣровъ книжный шкапъ. Но эта библіотека не только не исчерпала предмета, напротивъ,—только представила намекъ о его

необъятности. По этимъ первымъ опытамъ разныхъ писателей, занимавшихся изслѣдованіемъ Южной Руси или ея изображеніемъ, чувствуется, что рудники, на которые набрело наше пытливое поколѣніе, доставятъ, послѣ насъ, работу милліонамъ другихъ, безъ сомнѣнія болѣе могущественныхъ и счастливыхъ дѣятелей. При такомъ созваніи, естественно приходитъ въ голову мысль о работахъ систематическихъ, производимыхъ не разъединенными личностями, а цѣлыми обществами ученыхъ и литераторовъ, и эта мысль тревожитъ умы не однихъ литературныхъ дѣятелей по предмету изслѣдованія и изображенія русскаго Юга, говорящаго украинскимъ языкомъ,—она слышится безпрестанно въ читающемъ обществѣ. Ведя обширную переписку съ земляками на всѣхъ концахъ Имперіи, я могу сказать, что едва-ли не каждое новое письмо содержитъ въ себѣ вопросъ или намекъ объ южно-русскомъ или украинскомъ журналѣ; и гдѣ соберется три человѣка, цѣнящихъ во что-либо родное слово, между ними непремѣнно услышите толки объ украинскомъ журналѣ. Этого мало. Во время моего путешествія по Волжскому краю, я много разъ встрѣчался съ военными и штатскими чиновниками, которые, будучи заброшены судьбою въ глубокую сѣв. Русь или отправляясь на службу въ Сибирь и на Амуръ, освѣдомлялись у меня, какъ у жителя столицы: «А что-же украинскій журналъ»? Южная Русь или Украина какъ-будто потеряла свои этнографическіе предѣлы и раскинулась колоніями отъ южнаго моря до сѣвернаго и отъ моря Варяжскаго до Вост. Океана. Что же въ самомъ дѣлѣ Украинскій журналъ? когда онъ явится въ свѣтъ?—спрашиваемъ и мы другъ у друга—и никто не можетъ дать отвѣта. Необходимость отдѣльнаго литературнаго органа для выраженія сущности южно-русскаго человѣка въ его прошломъ и настоящемъ чувствуется въ сильнѣйшей степени; многіе предлагаютъ служить этому предпріятію деньгами, другіе готовы взяться за перо, прервавъ чисто практическую дѣятельность. Все ждетъ, все жаждетъ украинскаго журнала, а украинскій журналъ не существуетъ, и одинъ Богъ знаетъ, когда будетъ существовать. Здѣсь не мѣсто указывать причины такого страннаго явленія—и когда же? Во 2-ой половинѣ XIX вѣка, провозглашенной вѣкомъ свободнаго просвѣщенія народовъ, основаннаго на самопознаніи. Украинскаго журнала нѣтъ, хотя многіе изъ насъ не призадумались-бы рискнуть для его основанія своимъ состояніемъ. Что-же дѣлать намъ, людямъ нищущимъ, людямъ положившимъ всю свою жизнь на изученіе род-

ного края, людямъ, купившимъ свои познанія не только цѣною лучшихъ лѣтъ жизни, но и тяжкими страданіями? Неужели сидѣть у моря и ждать погоды? Нѣтъ, это роль слишкомъ жалкая. Мы живы,— слѣдовательно должны дѣйствовать. Послѣ насъ—не будетъ насъ: будутъ люди, да не мы,—говоритъ наша родная пословица. Мы должны сдѣлать дѣло своего поколѣнія, а слѣдующее поколѣніе сдѣлаетъ предназначенное ему дѣло. Мы не имѣемъ возможности издавать журнала,—станемъ издавать сборники. Пусть хоть въ сборникахъ предки наши найдутъ слѣды нашего существованія и матеріалы для дальнѣйшей работы.

Мнѣ скажутъ, можетъ быть, на это люди благоразумные: кто-же мѣшаетъ Вамъ печатать обработанные Вами матеріалы въ этомъ множествѣ *сѣверно-русскихъ* періодическихъ изданій, вмѣсто того чтобы заводить отдѣльные сборники? На это я отвѣчаю не разсужденіемъ, а примѣромъ. Недавно случилось мнѣ послать одну изъ моихъ работъ въ «Русскую Бесѣду», журналъ, какъ извѣстно, издаваемый людьми честными и благородно мыслящими. Я пользуюсь, сверхъ того, еще лестнымъ для меня и довольно близкимъ знакомствомъ его настоящаго редактора. Но работа моя, подъ заглавіемъ «Климентій», уменьшена въ объемѣ на два печатныхъ листа. Что это значитъ? Это значитъ, что для той части населенія Руси, или для которой издается «Русская Бесѣда», эти два листа, занятые выписками изъ стихотворца временъ Мазепы, не интересны, и я совершенно былъ согласенъ. Скажу болѣе: въ послѣднія десять лѣтъ литературной моей дѣятельности у меня накопилось листовъ на полтораста (печатныхъ) разнаго рода сочиненій. Спрашивается: почему все это не только не напечатано въ сѣверно-русскихъ журналахъ, но даже и не показано сѣверно-русскимъ журналистамъ? Потому что это труды слишкомъ спеціальные, интересные собственно для насъ Украинцевъ, знающихъ родной языкъ и родной народъ. Судя по себѣ, я долженъ предположить, что у другихъ подобныхъ мнѣ литературныхъ дѣятелей, сдѣлавшихъ спеціальнымъ предметомъ своихъ работъ Южно-Р. Украину, тоже лежатъ подъ спудомъ груды бумагъ, обнародованіе которыхъ, можетъ быть, составляетъ насущную потребность современнаго украинскаго общества, для того, чтобы посредствомъ самопознанія уразумѣть ошибки своего прошедшаго и предохранить себя отъ подобныхъ ошибокъ въ будущемъ. Вотъ простой человѣческій смыслъ литературнаго предпріятія, являющагося по необходи-

мости въ формѣ сборниковъ. Этихъ сборниковъ будетъ неопредѣленное количество; они будутъ выходить въ неопредѣленные сроки и каждый будетъ имѣть особое заглавіе. Я намѣренъ составить ихъ изъ собственныхъ трудовъ своихъ въ разныхъ родахъ. Но предполагая въ себѣ извѣстную односторонность взгляда на предметъ изученія, столь обширный и разнообразный, я приглашаю другихъ подобныхъ мнѣ литературныхъ дѣятелей войти со мною въ литературное товарищество. Книги, составленныя изъ сочиненій разныхъ авторовъ, имѣютъ важное преимущество передъ работою одного ума. Я желалъ-бы явиться передъ читающее украинское общество не одинъ, а въ обществѣ другихъ земляковъ, любящихъ по-моему свою родину и уважающихъ прилагаемое къ ней литературное дѣло. Я прошу каждаго, кому дорого то, чѣмъ дорожу и для чего живу я, можетъ быть, слабѣйшій изъ всѣхъ будущихъ моихъ сотрудниковъ, удостоить меня своего довѣрія доставленіемъ мнѣ всякаго рода сочиненій и матеріаловъ, относящихся къ прошедшей и настоящей жизни нашей Украины во всѣхъ отношеніяхъ, объ условіяхъ-же вознагражденія за труды войти со мною въ особыя письменныя сношенія. Надѣюсь, что наши совокупныя усилія дадутъ будущему украинскому журналу (для котораго настанетъ-же, наконецъ, время) болѣе очевидную законность существованія, нежели какія-бы то ни было предвидимыя и непредвидимыя обстоятельства. П. Кулишъ.

Мелочи изъ архивовъ Юго-Западнаго Края. а) *Къ борьбѣ съ пьянствомъ въ Кіевской губ. въ 60 хъ годахъ.* Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ въ юго-западномъ краѣ замѣтны попытки борьбы съ пьянствомъ, подтачивавшимъ народное здоровье и хозяйство. Населеніе начинаетъ сознавать весь вредъ, причиняемый неумѣреннымъ употребленіемъ спиртныхъ напитковъ, и, въ результатѣ, кое-гдѣ возникаютъ общества трезвости.

Подобное общество образовалось, между прочимъ, въ 1861 году въ Александрійскомъ пѣхотномъ полку, квартировавшемъ въ Сквирскомъ уѣздѣ. Нижніе чины стали довольствоваться пивомъ, даже въ великіе праздники. Содержатель мѣстнаго чарочнаго откупа, естественно, усмотрѣлъ въ этомъ нарушеніе правъ своихъ и интересовъ:

полиція завалена жалобами и просьбами о закрытіи новаго общества, дѣлающаго существенный подрывъ торговлѣ. Но гражданское начальство отнеслось къ трезвенникамъ сочувственно: главный начальникъ края нашелъ дѣйствія нижнихъ чиновъ *похвальными*, и просителю въ его ходатайствѣ отказано.

Прошло всего три года.

Крестьяне 5 Мирового участка Каневскаго уѣзда, спрошенные своимъ посредникомъ, не видятъ-ли вреда отъ пьянства—рѣшительно заявили о желаніи бросить употребленіе спиртныхъ напитковъ. Тогда имъ предложено, въ видахъ сокращенія пьянства, *наблюдать* другъ за другомъ, принимая къ тому мѣры, какія признаютъ лучшими. Мужички, не долго думая, приставили къ шинкамъ караульныхъ, положивъ взыскивать штрафъ съ однообщественниковъ, которые не устоятъ передъ соблазномъ. Главноуправляющій Богуславскимъ имѣніемъ и акцизъ забили тревогу, и Посреднику не осталось ничего другого, какъ наказать чрезмѣрно ретивыхъ трезвенниковъ. Убѣжденный, однако-же, въ искренности желанія сельчанъ избавиться отъ кабака, онъ ходатайствуетъ предъ начальствомъ о разрѣшеніи заняться выработкою устава Общества трезвости.

Въ этомъ была усмотрѣна, противная циркулярамъ, «понудительная мѣра *къ сохранію трезвости* и *воздержанія*», а потому на ходатайствѣ положена резолюція: «Полагаю оставить безъ послѣдствій, ибо пьянство въ селеніяхъ уменьшается *само собою*» ...

—

б) *Случай въ Каменной-Греблѣ.* 23 Декабря 1846 года Сквирскій уѣздный Стряпчій доносилъ Генералъ-Губернатору:.. «въ селеніи Каменной Греблѣ, вотчинной Графа Эстергазія, евреи, пьянствуя, произносили богохульныя слова на крестъ съ распятіемъ, близъ селенія на дорогѣ стоящій; поносили христіанскую вѣру и били дручьемъ тотъ крестъ, съ поврежденіемъ даже краски и другихъ знаковъ, на томъ крестѣ имѣющихся. Каковое дѣйствіе увидя тамошній шляхтичъ Тхоревскій доставилъ сихъ евреевъ къ тамошнему священнику, но сей, взявъ 30 серебряныхъ гривенниковъ на поправленіе креста, евреевъ отпустилъ на поручительство».

По свѣдѣніямъ Земскаго Исправника, евреи собрались изъ разныхъ мѣстъ для какого-то «заговора», проводили время въ пьянствѣ и, послѣ полуночи, избрали изъ среды своей трехъ человѣкъ, поручивъ имъ поруганіе креста...

Дѣло передано Губернатору на распоряженіе и чѣмъ окончилось, неизвѣстно.

Сообщилъ **Алексѣй Мёрдеръ.**

Варіанты пѣсни о дѣвицѣ-воинѣ. Баллада о дѣвицѣ-воинѣ, распространясь съ востока по греческимъ, романскимъ и славянскимъ [1]) землямъ, зашла и на Украину въ образцахъ, близкихъ къ чехо-моравскимъ (Антоновичъ и Драгомановъ. Истор. пѣсни малор. нар., т I, Кіевъ 1874, № 69, стр. 314—327). Здѣсь эта пѣсня поется въ числѣ «петривокъ» въ Маѣ и Іюнѣ на томъ только основаніи, какъ разъяснилъ покойный профессоръ Потебня (Объясн. малор. и сродн. пѣс., т. II, Варшава 1887 г., 698), что въ нѣкоторыхъ варіантахъ дѣвица тонетъ подобно тому, какъ и въ другихъ петривкахъ. По содержанію-же своему эта, навѣянная со стороны, пѣсня не имѣетъ ничего общаго ни съ страстными, колоритными петривками, поющими о любви въ обстановкѣ короткой лѣтней ночи (см. мои Народ. обр. и пѣс. Луб. у. Харьковъ. 1897 г., 62, 83—94), ни съ малорусской исторіей и дѣйствительностью вообще. Только плѣненіе дѣвицы татариномъ въ нѣкоторыхъ варіантахъ придаетъ пѣснѣ историческое значеніе и объясняетъ появленіе ея среди историческихъ пѣсенъ сборника Драгоманова и Антоновича. Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ записаны были мною въ Лубенскомъ уѣздѣ болѣе подробные варіанты пѣсни, чѣмъ приведенные печатные образцы; въ девяностыхъ-же годахъ обнаружилось, что она умираетъ. Дивчата знали только начало, а молодицы совсѣмъ позабыли. Такимъ образомъ исчезли наиболѣе поэтическіе образчики, судя по уцѣлѣвшимъ отрывкамъ. Такихъ отрывковъ и варіантовъ записано мною 16. Одинъ изъ нихъ поетъ о гибели дѣвицы въ татарскомъ или турецкомъ плѣну, другіе о гибели—въ морѣ или рѣкѣ при переправѣ, такъ что и въ этой балладѣ, какъ и вообще въ поэзіи Лубенскаго уѣзда, сказывается близкое родство съ народными пѣснями кіевскими и бѣлорусскими:

---

[1]) Словацкій варіантъ пѣсни о дѣвицѣ-воинѣ переведенъ на малорусскій языкъ Метлинскимъ. (Амвросій Могила. Думки и писни. Харьковъ. 1839 г., 149).

1.

Загадано [1]) у громади,
А щобъ булы кони у наряди [2]):
У кого йе кони, то готуйте [3]),—
У кого немае, той купуйте
У кого йе сыны—наряжайте,
А въ кого немае—наймайте.
Та зажурылась бидна вдова,
Що кинь вороненький, а сына нема.
Немае сына ни наймытка,
Тилько одна дочка Катерыночка [4]),
Та й та въ військо выряжается [5]),
Зъ своею ненькою прощается.
Якъ выряжала та й научала [6]):
«Не йидь-же ты, доню, попередъ війська [7]),
Попереду війська не поспишайся,
А позаду війська не зоставайся [8]).
А Катерыночка не послухала
Попереду війська пойихала.—

---

[1]) Заказано, въ моравскомъ варіантѣ: zakzaali...

[2]) А шобъ булы кони вороні,
А шобъ булы хлопци молодіи;
А шобъ булы кони сывогрывы,
А шобъ булы хлопци чорнобрывы (с. Новаки, х. Кругликъ).

[3]) Годуйте.

[4]) Тай та на улыци челядыночка. (Новаки).

[5]) У городи військо убырается,
Попереду війська наряжается. (Новаки).

[6]) А выряжаючы, маты навчала (с. Тарандинцы).

[7]) Шо по заду війська розбой бижыть,
А попередъ війська огонь горыть. (с. Крутой Берегъ).
Попереду війська огонь горыть,
А позаду війська вода бижыть. (с. Тарандинцы).

[8]) А йидь-же ты, доню, по-мижъ панамы,
По-мижъ червонымы хоругвамы,
По-мижъ голубымы жупанамы. (с. Тарандинцы).
Иды, доню, мижъ хоругвамы
Та межъ сынымы жупанамы. (Новаки).

Довелося Катерыночци ричку бресты,
Ричку бресты, а Дунай плывсты,
А Катерыночци передъ весты.
А Катерыночка побоялася
Та въ густи лозы заховалася.
Десь узявся туреченко [1])
Та на вороному коныченьку;
Та взявъ коныченька за поводы,
А Катерыночку за билу ручку.
Повивъ коныченька у станыцю
А Катерыночку у свитлыцю [2]).
Ой, вы слугы молодесеньки
Та берить-же ножи гострсеньки,
Та рубайте теренъ колючесенький,—
Печить Катерынку молодесеньку [3]).

2.

Заказано у громади,
Щобъ булы коныкы у наряди:
У кого кони йе, щобъ сидлалы,

---

[1]) поповыченко. (с. Калайдинцы).

[2]) Повивъ коня на скамыцю,
А Катерыночку у свитлыцю.
Дае коню сина и овса,
А Катерыноци меду й вына.
Шо Катерыночка не йисть, не пье—
Выйде за ворота—слезамы лье. (с. Калайдинцы).
А Катерыночка меду не пье
Та все дрибненькымы лье (с. Волчекъ).
Одно робыть: слезамы лье (с. Берестечь).

[3]) Этотъ варіантъ, записанный въ м. Снѣтинѣ отъ Уляны Выборной, отличается отъ кіевскаго (Антоновичъ и Драгомановъ. Историч. пѣсни, 314) и бѣлорусскихъ (Зап. Импер. Геогр. Общества. 1873 г. V, № 43, 258; Романовъ. Бѣлор. сб. Витебскъ 1886 г. I и II, № 60, 33) какъ робостью снѣтинской героини, спрятавшейся въ рѣшительную минуту въ кусты, такъ и особенно трагическимъ концемъ, если только снѣтинская пѣсня закончена. Изъ новаковскихъ-же и тарандинцовскихъ приведенныхъ отрывковъ видно, что лубенское полковое знамя было красное, что старшина ходила въ голубыхъ и синихъ одеждахъ и что сборы сотенъ предъ походомъ происходили въ Лубнахъ.

У кого немае—куповалы;
У кого сыны йе—наряжайте,
У кого немае, то наймайте.
Ой обизвалася бидна вдова,
Шо въ мене кинь йе, а сына нема;
Тилько одна дочка Катерыночка,
Та й та у Полщу изъ військомъ выряжается,
Своеи матинкы пытается:
«Ой, матинко моя, порадь мене,
А де мени зъ військомъ становыться»?
Не становысь, доню, попередъ війська,
Та стань ты, доню, посередъ війська.
Дочка Катерынка не послухала
Та попередъ війська пойихала;
Свою косу русу роспустыла
Та й усе те військо закрасыла [1]).

3.

Начало настоящаго варіанта тождественно съ первымъ, съ 12-й же строки поется пѣсня такъ:

А ін маты выряжае и прыгрущае:
«Йидь же ты, дочко Катерыночко, та до війська,
Та не йидь-же ты, дочко, ни попереду війська
И не оставайсь, дочко, позаду війська,
А йидь-же ты, дочко, посередъ війська.
Дочка Катерыночка не послухала—
Попереду війська потюпала [2]).
Дойихала до сынего моря,—
Набралася Катерыночка горя:
Довелося ричку Дунай плывсты [3])

---

[1]) Этотъ, очевидно неоконченный варіантъ записанъ мною отъ молодицы с. Мацковецъ Федосіи Кононенковой.

[2]) Йихалы море, йихалы друге (с. Берестечь).
Йихалы поле, йихалы двое—
На третему поли—Дунай бресты (с. Духовая)

[3]) Ой, якъ довелося у плывъ плывсты
А Катерыночци передъ весты.
Вси козаченькы перейихалы,

А Катерыночци передъ весты.
Дочка Катерыночка передъ повела,
Передъ повела—съ коня сплывла.
Прыбигъ кинь до вдовыного дворочка,
Вдарывъ копыточкомъ, заиржавъ голосочкомъ.
Выходыть бидна вдова,
Пытается вороного коня:
«Коню-жъ мій воронесенькый!
Де-жъ моя дочка Катерыночка»?
—Твоя дочка утонула,—
Зъ коныка изорнула [1]).

Сообщилъ **В. Милорадовичъ**.

Текущія извѣстія.

Чествованіе памяти Н. И. Костомарова. 7 апрѣля исполнилось 15 лѣтъ со дня смерти Н. И. Костомарова. Въ Кіевѣ, 1-го апрѣля, отслужена была въ Софіевскомъ соборѣ панихида. Нѣкоторыя газеты поснятили статьи памяти Н. И. Костомарова, напр. въ «Сынѣ Отечества» (№ 96) статья *Х.* «Н. И. Костомаровъ», въ которой въ общихъ чертахъ опредѣляется личность Костомарова, какъ историка; въ томъ же № той же газеты, въ отдѣлѣ «Хроника» приведена біографія и указаны историческіе труды Н. И. Костомарова; «Орловскій Вѣстникъ» говоритъ о значеніи Костомарова въ развитіи русской исторіографіи; «Жизнь и Искусство», № 28, обширная статья В. Ми-

---

А Катерыночка зосталася,
Середъ Дунаечка скупалася.
Середъ Дунаечка купыночка,
А на тій купыноньци Катерыночка.
Ой якъ дойшлы слухы до неньки.
Шо дивка Катруся втонула,
А плахта сынятка изорнула:
Не жаль мени плахты та сынятки,
А жаль мени дочки Катерыночки (с. Духовая).

Послѣднія 5 строчекъ примѣшаны изъ другой петривки.

[1]) Записана мъ м. Снѣтинѣ отъ Прасковьи Лисенковой.

ровця «Николай Ивановичъ Костомаровъ», въ которой приведена довольно обстоятельная біографія, указаны важнѣйшіе его историческіе труды, опредѣлена заслуга Костомарова, какъ историка; отмѣченъ его глубокій патріотизмъ,—любовь къ родному краю, народу и литературѣ; въ № 15 еженедѣльн. иллюстрир. приложенія къ газетѣ «Сынъ Отечества» помѣщенъ портретъ Н. И. Костомарова въ старости.

Памятникъ И. П. Котляревскому. Въ настоящее время уже окончательно въ Полтавѣ рѣшенъ вопросъ о мѣстѣ постановки памятника творцу Энеиды и Наталки-Полтавки. Въ мартѣ мѣсяцѣ коммиссіей по постановкѣ памятника осматривалось мѣсто по Протопоповской улицѣ, гдѣ она пересѣкается Ново-Полтавской, и заключеніе ея въ пользу этого мѣста передано уже для исполненія. Бульваръ предполагается расширить на счетъ проѣздовъ и привести въ лучшій видъ, а балаганы для продажи фруктовъ уничтожить. Такимъ образомъ, лицо поэта и самъ памятникъ, достигающій 11 аршинъ высоты съ цоколемъ, будетъ обращенъ къ Александровской улицѣ. Относительно-же самаго дня торжества открытія памятника ничего пока неизвѣстно.

Состояніе могилы И. П. Котляревскаго. Старое городское кладбище въ Полтавѣ, открытое въ началѣ прошлаго столѣтія, пришло уже въ значительное разрушеніе, и хотя для этой надобности, около 30 лѣтъ тому назадъ, отведено новое кладбище, но въ старомъ все-таки иногда погребаютъ умершихъ. Памятники и кресты на немъ, никѣмъ не оберегаемые, подвергаются частому хищенію со стороны любителей чужой собственности и идутъ на топливо. И среди нихъ, на южномъ углу кладбища, стоитъ одиноко памятникъ незабвеннаго писателя нашего Ивана Петровича Котляревскаго, забытый и заброшенный всѣми.

Чествованіе памяти Т. Г. Шевченка. Въ дополненіе къ сообщенію въ предыдущемъ № (стр. 14—17) о чествованіи памяти Т. Г. Шевченка, добавляемъ, что, кромѣ упомянутыхъ мѣстностей, чествованія еще происходили:

I. *Въ Галичинѣ*:

Въ Бурштынѣ 19 марта устроенъ былъ бурштынскими русинами музыкально-вокальный вечеръ.

Во Львовѣ состоялся 14 марта въ залѣ «Народного Дому» концертъ, устроенный обществомъ «Просьвіти» и «Львівського Бояна» и др. народныхъ обществъ. Въ концертѣ принималъ участіе извѣстный артистъ Мышуга.

23 марта, въ зданіи школы им. Сташица, устроенъ былъ вечеръ «в честь поетів Тараса Шевченка і Адама Міцкевича» учениками правительственной учительской семинаріи. Программа вечера составлена была наполовину изъ произведеній Шевченка и наполовину изъ произведеній Мицкевича, исполненныхъ въ формѣ декламаціи и пѣнія хоромъ.

Здѣсь же, 21-го марта, въ залѣ «Народного Дому» устроенъ былъ литературно-музыкальный вечеръ «рускою академічною молодю».

Въ Перемышлѣ, 23 марта, въ залѣ магистрата, устроенъ былъ вечеръ обществомъ «Перемискій Боян», при участіи обществъ: «Руска Бесіда», «Філія Просьвіти», «Народний Дім», «Товариство рускихъ женщин», «Селянська Рада», «Бурса ім. св. Николая і св. Кирила» и «Спілка».

Здѣсь-же, 5 апрѣля, въ зданіи гимназіи, устроенъ былъ вечеръ гимназической молодежью. На вечерѣ присутствовалъ митрополитъ о. К. Чеховичъ, каноники-народовцы и огромное количество русской и польской публики. Номера декламаціи и хоровые (подъ управленіемъ композитора О. Кишакевича) удались какъ нельзя лучше. Прекрасно были прочтены рефераты: гимназистомъ VШ-го класса І. Кобаса: «Шевченко и молодіж» и учителемъ Прыймою, подтвердившимъ цитатами изъ «Кобзаря», какъ поэтъ любовно относился ко всѣмъ народамъ, въ томъ числѣ и къ польскому.

Въ Станиславовѣ, въ залѣ Общества им. Монюшка, 21 марта, состоялся торжественный литературно-музыкально-вокальный вечеръ, устроенный соединенными силами украинско-русскихъ обществъ: «Станиславівський Боян», «Товариство рускихъ женщин», «Філія Просьвіти», «Руска Бесіда», «Шкільна поміч», «Філія рускаго Товариства педагогічного.» Въ вечерѣ принимали участіе проф. Колесса, Корнило Устіянович, извѣстная артистка С. Проскурницкая, д-ръ Билинскій и другіе.

Въ Теребовлѣ, 12 марта, въ залѣ магистрата, устроенъ былъ обществомъ «Міщанська Читальня» музыкально-вокальный вечеръ. Читали и пѣли преимущественно произведенія Шевченка, Мицкевича, Лисенка и Франка.

Въ Тарнополѣ, въ залѣ „Gwiazdy", 1 марта, въ 1 ч. дня, Обществомъ «Народна Бібліотека» прочтены были двѣ публичныя лекціи въ память 39 роковинъ смерти Т. Г. Шевченка, а именно: «Про значінне Шевченка для руского люду», — В. Загайкевичемъ и «Про розвій українсько-рускої народної літератури» — д-ромъ Даниловичемъ. Здѣсь-же, 17 марта, въ залѣ „Gwiazdy" филія „Просьвіти" устроила „віче господарське і вечерниці в память XXXIX роковин смерти Т. Шевченка". Программа „віча": 1) „О коммасаціи грунтів і еі користи" (рефер. В. Короля); 2) „З пасічництва: практичне поученє о виробі соломяних улів і штучної вощини (о. Н. Михалевича).

Въ Черновцахъ, 10 марта, устроенъ былъ вечеръ соединенными силами украинско-русскихъ обществъ: «Буковиньский Боян», «Руска Бесіда», «Народний Дім», «Союз», «Руска Рада» и «Руска Школа».

Въ Яворовѣ, въ залѣ „Сокола", состоялся 12 марта музыкально-вокальный вечеръ съ участіемъ оркестра изъ Махнова. На вечерѣ присутствовала яворовская (малорусская) интеллигенція, окрестное духовенство и огромная масса мѣщанъ и крестьянъ.

Въ Городкѣ, въ залѣ Ресурси, 21 марта, состоялся при участіи „Львівського Бояна" концертъ.

Въ Самборѣ, 29 марта, устроено было филіей «Просьвіти» торжественное „народне віче". Въ программу, состоящую изъ литературно-вокальныхъ номеровъ, вошли между прочимъ рефераты: «Тарас Шевченко—поет», «Тарас Шевченко—патріот».

Въ Вашкивцяхъ, на Буковинѣ, состоялся 18-го февраля въ читальнѣ „Рускої Бесіди" литературно-вокальный вечеръ.

II. *Въ Россіи*:

Въ Полтавѣ, 19 марта, состоялся вокально-литературно-музыкальный концертъ. Ярко освѣщенный залъ губернской управы былъ биткомъ набитъ самой разнообразной публикой; на эстрадѣ съ одной стороны находилась прекрасная копія съ портрета Шевченка художника Рѣпина, окруженная живыми цвѣтами и тропическими растеніями; съ другой же стороны выдѣлялся на пьедесталѣ бюстъ поэта, обвитый крепомъ и задрапированный блѣдной зеленью и сухими

пальмовыми листьями. Вечеръ открылся пѣніемъ «Заповіта», очень хорошо исполненнаго хоромъ подъ управленіемъ г. Юрьева—Псковца. Затѣмъ былъ прочитанъ отрывокъ изъ біографіи Шевченка, характеризовавшій его какъ поэта и художника. Многочисленные номера разнообразной программы были исполнены съ большимъ одушевленіемъ и покрывались оглушительными аплодисментами. На первое мѣсто по задушевности и вдумчивости исполненія надо поставить игру г-жи М. Д. Онацевичъ, исполнившей „Priluda“ и „Schant sans paroles“ Н. Лысенка на народные мотивы. Очень сильное впечатлѣніе произвелъ смѣшанный хоръ любителей, исполнившій—„Туманъ хвылямы лягае“—муз. Н. Лысенка. Слабы были номера сольного пѣнія. Въ общемъ можно только порадоваться моральному успѣху этого традиціоннаго вечера, тѣмъ болѣе, что часть сбора предназначалась въ помощь голодающимъ въ Херсонской губерніи. Надъ устройствомъ вечера особенно много потрудился Г. И. Маркевичъ, съ большимъ умѣніемъ прочитавшій „Чернеца“ и организовавшій хоръ. («Ж. и Иск.»)

Въ Екатеринодарѣ, 16 марта, въ обществѣ любителей изящныхъ искусствъ состоялся литературно-вокальный вечеръ, посвященный памяти Т. Г. Шевченка; кромѣ хоровыхъ и sol'ныхъ номеровъ было прочитано нѣсколько стихотвореній Шевченка. Вечеръ открылся рефератомъ Л. М. Мельникова о главныхъ мотивахъ поэзіи Т. Г. Шевченка и закончился разсказомъ Н. Н. Каневецкаго, который прочелъ самъ авторъ. (Куб. Обл. Вѣд. № 59).

Эпиграфы Т. Г. Шевченка. У вдовы Кулиша сохраняются два евангелія, подаренныя Шевченкомъ покойному Пантелеймону Александровичу. На одномъ изъ нихъ, подаренномъ въ 50-хъ годахъ, написано:

Не погасай, мое свѣтило,
Туманъ душевный разгоняй,
Живи меня твоею силой
И путь тернистый, путь унылый,
Небеснымъ свѣтомъ озаряй.
Пошли на умъ твою святыню,
Святымъ напѣемъ напой—
Да провѣщаю благостыню,
Что заповѣдана тобой!

Шевченко.

На другомъ евангеліи—поэтическое стихотвореніе, которое вызывало удивленіе у покойнаго Кулиша, какъ могъ человѣкъ безъ образованія написать подобную вещь, подъ которой и Пушкинъ не устыдился-бы подписаться:

Безъ малодушной укоризны
Пройти мытарства трудной жизни,
Измѣрять пропасти страстей,
Понять на дѣлѣ жизнь людей,
Прочесть всѣ черныя страницы,
Всѣ беззаконныя дѣла—
И сохранить полетъ орла
И сердце чистой голубицы -
Ecce homo!

Шевченко.

Указывая на эти два *стихотворенія* «Московскія Вѣдомости» сочли своимъ долгомъ пожурить Тараса Шевченка за то, что онъ писалъ на своемъ языкѣ, а не по-русски.

(Літерат.-Науковий Вістник, кн. IV).

Къ дѣятельности Наукового Товариства ім. Шевченка во Львовѣ. 12 марта состоялось засѣданіе *этнографічної комісії* Наук. Тов. ім. Шевченка подъ предсѣдательствомъ проф. Ол. Барвинскаго, на которомъ постановлено издать въ текущемъ году два или, при возможности, три тома этнографическихъ матеріаловъ, въ которые, между прочимъ, войдутъ: «Матеріяли з Гуцульщини» (окончаніе), собранные В. Шухевичемъ; «пісні з Бачки» (угорскихъ Русиновъ)—собранныя В. Гнатюкомъ, и «пісні з Струтина (долинського повіту), з напівами»,—др. Колесою. Кромѣ того обсуждался вопросъ о снаряженіи этнографической экспедиціи въ буковинскую Гуцульщину, Бойковщину и на Подолье, причемъ, по всеобщему соглашенію, была признана необходимость соединить съ этнографическими изысканіями также археологическія и археографическія. (Руслан, ч. 61).

20 марта состоялось общее собраніе Наукового Товариства імени Шевченка. Собраніе предсѣдателемъ Товариства снова брало проф. М. Грушевскаго. Затѣмъ Ол. Барвинскій, указавъ на значительно усилившееся развитіе Товариства и на количество пріобѣтен-

ныхъ научныхъ пособій, необходимыхъ для научныхъ и литературныхъ работъ, внесъпредложеніе о необходимости основать при научномъ Товариществѣ *Народномъ Музеѣ*, въ который поступали-бы разсѣянные повсюду богатства по археологіи, архитектурѣ, скульптурѣ, живописи и вообще всевозможные этнографическіе матеріалы. Собираніемъ этихъ богатствъмогла-бы заняться экспедиція, которую предположено отправить вънѣкоторые пункты Галичины (см. выше), а кромѣ того можно обратиться къ землякамъ съ просьбой присылать подобные предметы въ музей Товарищества.

Послѣ собранія состоялось засѣданіе всѣхъ секцій, занявшихся обсужденіемъ текущихъ вопросовъ и выборами новыхъ дѣйствительныхъ членовъ. Завѣдываніе секціями осталось въ рукахъ тѣхъ-же лицъ, что и въ минувшемъ году. Ол. Барвинскій выразилъ сожалѣніе, что нѣкоторые выдающіеся ученые на Украинѣ не избраны въ дѣйствительные члены, хотя раньше они состояли членами Товарищества. Но администрація секцій и нѣкоторые члены при рѣшеніи этого вопроса стояли на той точкѣ зрѣнія, что кромѣ научной извѣстности съ ихъ стороны необходимо также и активное участіе въ научныхъ работахъ и изданіяхъ Общества. (Руслан. ч. 68).

Лекція проф. Эварницкаго. 16 марта, въ Петербургѣ, въ залѣ городской думы, проф. Эварницкій прочелъ вторую лекцію (о первой — см. предыдущій №, стр. 12—13) въ пользу общества имени Т. Г. Шевченка, на тему: «Уманская рѣзня и причины, вызвавшія это событіе въ правобережной Украинѣ». Указавъ на то политическое состояніе, въ которомъ находилась правобережная Украина подъ владычествомъ Польши послѣ Андрусовскаго договора, лекторъ объяснилъ, какія причины вызвали въ правобережной Украинѣ народное движеніе, извѣстное подъ именемъ гайдамацины. Обрисовавъ затѣмъ своеволія и издѣвательства польскихъ конфедератовъ надъ украинскимъ народомъ и православною вѣрою послужившими толчкомъ къ возстанію—гайдамацинѣ, лекторъ подробно и художественно разсказалъ о возникновеніи гайдамацины, ихъ предводителяхъ—атаманахъ Желѣзнякѣ и Гонтѣ, о взятіи гайдамаками гор. Умани и кровавой ихъ расправѣ съ поляками и евреями и о дальнѣйшей судьбѣ гайдамацины и ея атамановъ; при этомъ лекторъ обратилъ вниманіе слушателей на то, что гайдамацина была не простымъ набѣгомъ шайки

разбойниковъ ради грабежа, а это было осуществленіе народной мести за угнетеніе его и попраніе вѣры отцовъ. Слушателей собралось не менѣе того, какъ на первую лекцію, хотя замѣтно было отсутствіе молодежи, въ пользу которой и читалась лекція. (Спбр. Вѣд. № 76).

30 и 31 марта, въ Екатеринославѣ, въ аудиторіи народныхъ чтеній, прочтены были проф. Эварницкимъ, двѣ лекціи:—первая: о древностяхъ и о остаткахъ запорожской старины, сохранившихся въ частныхъ музеяхъ и на мѣстахъ бывшихъ запорожскихъ Сѣчей; вторая—по археологіи (Приднѣпровскій Край № 800).

Печальное явленіе. Въ № 48 „Кубанскихъ Областныхъ Вѣдомостей" помѣщена статья Марка Непытан: «Жыве кыдаемъ, а мертвого шукаемъ». Авторъ, отмѣтивъ утѣшительное явленіе: стремленіе козачества къ просвѣщенію, обращаетъ вниманіе на слѣдующее печальное явленіе. «Школа учитъ русскому языку, на ряду съ этимъ станицы переполняются пришлымъ народомъ изъ великорусскихъ губерній,—вездѣ, значитъ, слышенъ русскій языкъ. И вотъ «бывшій» черноморецъ бросаетъ свой языкъ, свое родное и переходитъ на новинку. Но Боже! Боже! каковы результаты этого перениманія: и смѣшно, и плакать хочется, наблюдая ихъ. Бѣдный хохолъ *сочиняетъ* совершенно новый языкъ, смѣшивая въ кучу и малороссійскія и русскія слова, такъ что въ общемъ получается „междурусско-малорусскій языкъ"? Получаются, напримѣръ, такія прелести въ этомъ новообразованномъ языкѣ: «Мы ѣздили по видъ лѣсомъ, а дощыкъ капотѣть, та й капотѣть, а въ кибѣгки була дѣричка, такъ витеръ сылно дуѣть; та на косогори колѣсо посклизнулось, а наша кибѣгка и перевертѣласа»!

Коверкая свой родной языкъ и превращая его въ безобразную, лакейскую смѣсь нелѣпыхъ членораздѣльныхъ звуковъ, козакъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, покидаетъ свои родныя пѣсни, въ которыхъ, какъ въ зеркалѣ, отражается прошлая жизнь его дѣда, отца и т. п. Все это замѣняется пошлымъ, безсодержательнымъ кабацкимъ матеріаломъ въ родѣ слѣдующаго: »Распраклята машина: гдѣ ты милаго втащила»? «Охъ напрасно, Машка, крячешь, и машиною пыхтишь!»; «Охъ ты пташка канарейка какъ ты жалабна паешь!».

Вся бывшая Черноморія, по словамъ автора, начиная отъ Ейска и кончая Екатеринодаромъ и Таманью, насыщена этими ужас-

ными пѣснями. Одну единственную станицу ему пришлось встрѣтить, гдѣ онъ за два года не слыхалъ, чтобы молодежь пѣла пошлыя пѣсни. Это ст. Ирклiевская. Тутъ приходилось ему слышать пѣсни съ самымъ священнымъ для черноморца содержаніемъ, какъ-то: «Гакнемо зъ гакивницъ», «Гей у мене бувъ коняка», «Ревуть, стогнуть горы, хвыли», «Хлопче, молодче,»! и многія другія родныя пѣсни. Всѣмъ этимъ ст. Ирклiевская обязана уряднику Федору Чернышу, который, состоя инспекторомъ, уже почти пять лѣтъ, каждую зиму научаетъ человѣкъ тридцать молодыхъ козаковъ пѣть родныя пѣсни, а эти ученики, распѣвая ихъ на улицѣ, научаютъ другихъ.

Награда за научный трудъ. Профессоръ кіевскаго университета В. Б. Антоновичъ за составленіе археологической карты кіевск. губ. удостоенъ медали русскаго археологическаго общества, учрежденной въ память графа А. С. Уварова («Кіевская Газета»).

Пріобрѣтеніе цѣннаго историческаго альбома. Профессоръ харьковскаго университета Д. И. Багалѣй, занимающійся составленіемъ исторіи города Харькова, въ числѣ цѣнныхъ историческихъ документовъ разыскалъ у одного изъ мѣстныхъ обывателей альбомъ разныхъ акварельныхъ картинъ, на которыхъ изображены виды города, рисованные сто лѣтъ тому назадъ. Въ настоящее время управа пріобрѣла этотъ рѣдкій альбомъ за сто рублей для городского музея.

Библіографія.

А. А. Папковъ. *Очеркъ исторіи западно-русскихъ православныхъ братствъ.—Св. Троицкая Сергіева Лавра Собственная типографія. —1900 годъ, in 4°,—1—LXIV+291+22+XXXIX.*

Въ настоящее время жизненныя обстоятельства особенно выдвинули вопросъ о ненормальности современнаго приходскаго строя,—съ нѣкоторыхъ поръ начали раздаваться голоса о необходимости возвратиться назадъ къ древне-приходскому началу. Книга г. Папкова, посвященная очерку исторіи западнорусскихъ братствъ, въ дѣятельности которыхъ особенно пышно расцвѣла древняя приходская община, является такимъ образомъ какъ нельзя болѣе кстати. Впрочемъ, и помимо этого случайнаго обстоятельства, усиливающаго интересъ къ книгѣ г. Папкова, она имѣетъ полное право на вниманіе къ себѣ и потому, что является первымъ опытомъ возможно полной и систематической исторіи братствъ,—а такая исторія—трудъ давно желанный и необходимый. Къ сожалѣнію только нужно замѣтить, что книга г. Папкова еще разъ убѣждаетъ въ томъ, что еще не пришло время писать полную исторію братствъ. Самъ авторъ въ предисловіи къ своей книгѣ заявляетъ, что его изслѣдованіе написано только на основаніи обнародованныхъ документовъ,—что еще много есть неразработанныхъ источниковъ для исторіи братствъ въ различныхъ архивахъ центральныхъ (Вильна, Кіевъ, Витебскъ) и частныхъ (м—ри, церкви...) нашихъ и галицкихъ (Львовъ и др.); самъ авторъ сознаетъ «все несовершенство выпускаемаго въ свѣтъ труда... и рѣшается на такой шагъ въ виду отсутствія... въ русской исторической литературѣ всеобщей исторіи братствъ».

Не вдаваясь въ подробный анализъ книги г. Папкова, мы считаемъ необходимымъ только вкратцѣ ознакомить нашихъ читателей съ содержаніемъ ея. Подробный анализъ содержанія мы считаемъ совершенно излишнимъ, такъ-какъ сама-то книга ничего существенно новаго и интереснаго не представляетъ, а является простымъ объединеніемъ доселѣ обнародованныхъ матеріаловъ.

Книга г. Папкова раздѣляется на введеніе и пять главъ. Введеніе (1—LXIV) посвящено характеристикѣ положенія православія и русской народности въ Литвѣ до XVII в. Здѣсь авторъ очень подробно говоритъ о распространеніи христіанства, о постепенномъ возвышеніи Литвы, о ея тяготѣніи къ Россіи и постепенномъ обрусѣніи, объ усиленіи Москвы и Польши, о насильственномъ водвореніи католичества въ предѣлахъ Литвы велик. кн. Ягайломъ (въ 1386 г.), о правительственныхъ мѣрахъ, направленныхъ во вредъ православію и русской народности, о мужественной защитѣ древнихъ народныхъ началъ жизни знатными древними родами (Слуцкіе, Острожскіе, Сапѣги, Сангушки, Ходкевичи и др.), о люблинскомъ сеймѣ 1569 г. и послѣдовавшихъ за нимъ усиленныхъ гоненіяхъ на православныхъ,—о разъединеніи древней русской митрополіи и появленіи въ Литвѣ іезуитовъ,—объ измѣнѣ православію многихъ епископовъ (Гедеонъ Балабанъ, Діонисій Збируйскій, Кириллъ Терлецкій, Ипатій Потѣй) и насильственномъ введеніи уніи, о попыткахъ борьбы со стороны православныхъ и о началѣ болѣе энергичной дѣятельности братствъ. Указавши положеніе православія и русской народности въ Литвѣ до XVII в. и доведя свое повѣствованіе до того пункта, съ котораго начинается особенно энергичная дѣятельность братствъ, г. Папковъ очень кратко касается предшествовавшей исторіи собственно братствъ Начало нашихъ знаменитыхъ братствъ онъ видитъ въ такъ называемыхъ медовыхъ братствахъ, существовавшихъ еще въ XII в. Нельзя не пожалѣть и не попенять на автора за то, что въ дальнѣйшемъ своемъ изложеніи этой исторіи онъ совершенно опускаетъ четыре столѣтія (съ XII—по XVI) и не говоритъ совсѣмъ ничего о состояніи братствъ за. этотъ періодъ. Между тѣмъ, по нашему мнѣнію, было-бы несравненно болѣе важно и интересно вмѣсто растянутаго очерка положенія православія въ Литвѣ до XVII в., которое всякому болѣе или менѣе образованному человѣку извѣстно, прослѣдить постепенное развитіе братствъ, показать, какимъ образомъ изъ медовыхъ братствъ вышли знаменит. братства, подробно воспроизвести тотъ путь, который

привелъ медовыя братства къ постепенному расширенію своей, первоначально очень скромной, программы дѣятельности. Въ изложеніи нашего автора замѣчается скромный, непонятный пропускъ: послѣ рѣчи о медовыхъ братствахъ XII в. онъ прямо говоритъ объ особенномъ усиленіи ихъ въ XVI—XVII в. в.

Первая глава (1—65 стр.) труда г. Папкова посвящена характеристикѣ эпохи преобразованія западно-русскихъ церковныхъ братствъ. Очертивши въ нѣсколькихъ словахъ дѣятельность князей К. Острожскаго и Курбскаго на пользу православія, въ дальнѣйшемъ своемъ изложеніи онъ довольно подробно останавливается на исторіи преобразованія братствъ: говоритъ о преобразованіи Львовскаго братства при участіи ант. патріарха Іоакима (былъ на Украинѣ въ 1586 г.) и константинопол. Іереміи (въ 1588—89 г.г.), излагаетъ уставъ этого братства, характеризуетъ его общее устройство и останавливается на изображеніи его просвѣтительной дѣятельности (школа, типографія). Затѣмъ онъ приходитъ къ исторіи преобразованія Виленскаго Троицкаго братства (1584—1588 г. г.),—касается вкратцѣ сношеній этого братства съ Львовскимъ братствомъ и отношеній къ нему короля Сигизмунда III (далъ милостивую грамоту). Изложивши исторію преобразованія двухъ важнѣйшихъ братствъ, г. Папковъ переходитъ къ исторіи другихъ мелкихъ братствъ, которыя въ это время (особенно послѣ Брестскаго собора 1596 г.) начали во множествѣ появляться. Тутъ отмѣчаетъ онъ небольшія братства въ с. Уличѣ, въ г. Люблинѣ (въ 1586 г. ихъ утвердилъ патріархъ Іоакимъ), въ г. г. Замостьѣ, Краснославѣ, Могилевѣ, Брестѣ, Минскѣ, Оршѣ, Львовскія братства и т. д. Весь конецъ первой главы книги г. Папкова содержитъ въ себѣ характеристику дѣятельности братствъ отъ 1592 по 1600 годъ, когда православію наиболѣе угрожала унія, когда сторонниками уніи и врагами православія являлись не только іезуиты, но и измѣнники епископы, съ митр. Рогозою во главѣ. Особенно въ этомъ отношеніи онъ отмѣчаетъ героическую дѣятельность Виленскаго братства, которому пришлось выдержать наиболѣе тяжкую борьбу съ уніей за православіе. Восхваляя въ концѣ этой главы дѣятельность братствъ на пользу православія, г. Папковъ замѣчетъ, что «въ этотъ сравнительно короткій періодъ времени (1586 г.—1600 г.) братства настолько окрѣпли и организовались, что для нихъ была уже не страшна та борьба, которая имъ предстояла... когда уніатскимъ митр. сдѣлался Ипатій Потѣй, одинъ изъ создате-

лей уніатскаго дѣла въ западной Россіи и наиболѣе ревностный гонитель православія и церковныхъ братствъ» (65 стр.).

Вторая глава (66—114 стр.) разсматриваемаго сочиненія г. Панкова: «Братство, какъ мощная защита православія—вплоть до возстановленія православной іерархіи въ 1620 году (1600—1620 г.)» имѣетъ своею задачею обрисовать эту борьбу братствъ съ уніею и митр. Ипатіемъ Потѣемъ. Въ это время, особенно послѣ Люблинской уніи, православнымъ жилось очень тяжело,—ихъ угнетали и обижали уніаты во главѣ съ м. Потѣемъ. Въ эту то тяжелую годину братства явились не только мощною защитою православія, но и хранителями національнаго народнаго самосознанія. Тяжела была эта борьба сравнительно малочисленныхъ и почти безправныхъ братствъ съ многочисленными врагами, на сторонѣ которыхъ стояло и которымъ помогало польское правительство. Къ счастью братства избрали вполнѣ подходящій и надежный путь для борьбы: они не только строили церкви и монастыри и укрѣпляли такимъ образомъ православную вѣру, но и будили въ массѣ здоровыя національныя чувства, устроя общественныя школы, гдѣ объединялись передъ наукою и утверждались для борьбы съ страшными врагами вѣры и національности дѣти и богачей, и бѣдняковъ, и вельможъ, и простыхъ смертныхъ.—Очень важную роль въ этой великой борьбѣ играли и братскія типографіи, которыя ежегодно выпускали не мало церковныхъ, полемическихъ и апологетическихъ книгъ.

Въ третьей главѣ своего сочиненія («Охранительная дѣятельность православныхъ братствъ въ послѣдніе годы царствованія короля Сигизмунда III (1620—1632 гг.)», нашъ авторъ повѣствуетъ о томъ, какъ путешествовалъ на Украину іерус. патріархъ Ѳеофанъ, который хвалилъ устройство братствъ, благословилъ дѣятельность ихъ и сдѣлалъ ихъ ставропигіальными,—какъ своими грамотами этотъ патріархъ далъ большую поддержку изнывавшимъ борцамъ и пробудилъ въ нихъ необыкновенный подъемъ религіознаго и національнаго духа, выразившійся въ основаніи такъ называемыхъ юношескихъ братствъ (Кіевское, Львовское, Луцкое и др.).

Наиболѣе энергичная и плодотворная дѣятельность братствъ началась съ тѣхъ поръ, какъ во главѣ ихъ сталъ знаменитый Кіевскій митр. Петръ Могила. Объ этой усиленной дѣятельности братствъ авторъ говоритъ въ четвертой главѣ своего труда: «Оживленная дѣятельность православныхъ братствъ въ эпоху м. Петра Могилы

(1632—1647 г.)» (стр. 160—198). Въ это время дѣятельность братствъ достигла наибольшаго развитія, своего въ нѣкоторомъ родѣ апогея: число братствъ значительно увеличилось (въ одной Львовской епархіи ихъ было больше 20), они получили гораздо болѣе силы и значенія, благодаря конфирмаціи ихъ универсалами короля Владислава (1633 г.),—съ этого времени братства дѣлаются непремѣнными органами церковно-епархіальной жизни православныхъ. Не забылъ авторъ отмѣтить и глубокое просвѣтительное значеніе, какое имѣли для всего края учрежденныя Петромъ Могилою и др. дѣятелями школы.

Въ послѣдней (пятой) главѣ г. Панковъ набрасываетъ краткую картину «жизни и дѣятельности братствъ во второй половинѣ XVII и въ XVIII в.в.» (199—291). Послѣ бурнаго періода Хмѣльницщины, послѣ раздѣла Украины между Россіею и Польшею, братства по прежнему защищаютъ и охраняютъ православную вѣру и національность, но ихъ дѣятельность теперь ужъ не имѣетъ прежняго значенія и прежней широ. Іезуиты и уніаты теперь еще сильнѣе угнетаютъ и притѣсняютъ ихъ, вслѣдствіе чего часть братствъ совсѣмъ прекращаетъ свое существованіе, а часть (Львовская, напр.), измѣняетъ православію и переходитъ въ унію.

Такъ въ кратцѣ можно передать содержаніе интересной книги г. Панкова.

Въ заключеніе нашей замѣтки мы съ сожалѣніемъ повторяемъ, что еще далеко время, когда можно будетъ написать полную, всестороннюю и вполнѣ объективную, вполнѣ научно-безпристрастную исторію западно-русскихъ братствъ. Книга г. Панкова, не смотря на выдающееся трудолюбіе автора и на обиліе изученныхъ имъ матеріаловъ, только подтверждаетъ наше мнѣніе: этой книгѣ не достаетъ прежде всего того, что украшаетъ обыкновенно изслѣдованіе, написанное по вполнѣ ужъ исчерпанному матеріалу,—недостаетъ полноты изслѣдованія и равномѣрности освѣщенія различныхъ сторонъ историческаго прошлаго нашихъ братствъ. Вслѣдствіе этого, на ряду съ детально изслѣдованнымъ вопросомъ, встрѣчаются не рѣдко и вопросы съ чуть-чуть намѣченнымъ разрѣшеніемъ. Кромѣ того не вездѣ автору удается вполнѣ соблюсти строго объективное отношеніе къ событіямъ: горячее сочувствіе къ горестной судьбѣ православныхъ часто заставляетъ его сильно сгущать краски при изображеніи враговъ православія. Наконецъ, вообще вся эта книга не

имѣетъ въ себѣ того духа живого, который, являясь результатомъ полнаго, всесторонняго и детальнаго изученія предмета, такъ увлекаетъ насъ въ историческихъ изслѣдованіяхъ,—сочиненіе это во многихъ мѣстахъ производитъ впечатлѣніе непереработанныхъ авторомъ и чисто внѣшнимъ, механическимъ образомъ связанныхъ обрывковъ изъ различныхъ бывшихъ у него подъ руками пособій. Однако все это объясняется сравнительною новизною и трудностью принятой на себя авторомъ задачи и все это съ избыткомъ искупается несомнѣнною полезностью книги, какъ справочнаго изданія. Надо отдать честь автору,—онъ много потрудился и собралъ въ своей книгѣ почти все, что было до него написано о братствахъ. Нельзя, поэтому, строго винить его, если по мѣстамъ не онъ владѣлъ матеріаломъ, а матеріалъ руководилъ имъ.—

Отъ души желаемъ автору не оставлять начатаго труда на полпути, а вслѣдъ за изученіемъ обнародованнаго матеріала приступить къ изученію не вполнѣ еще изслѣдованныхъ архивныхъ данныхъ, чтобы въ будущемъ написать столь необходимую полную, безпристрастную и обстоятельную исторію нашихъ братствъ.

В. Дурдуковскій.

Етнографічний збірник. *Видає етнографічна комісія наукового Товариства імени Шевченка: Т. VI. Галицко-руські анекдоти. Зібрав Володимер Гнатюк. У Львові, 1899, I—XII, 1—370, 1—III.*

Не смотря на то обстоятельство, что среди нашего народа существуетъ огромное количество анекдотовъ, составляющихъ наиболѣе популярный отдѣлъ народной словесности, издано ихъ донынѣ не особенно много, въ особенности мало существуетъ спеціальныхъ сборниковъ. Обыкновенно такой матеріалъ печатается лишь при случаѣ, среди другихъ матеріаловъ, напримѣръ, въ «Вінок Русинам на обжинки», «Твори В. Навроцького», т. I, Библіотека Онишкевича, т. III (здѣсь перепечатаны анекдоты изъ «Вінка»), въ различныхъ календаряхъ и журналахъ (среди послѣднихъ выдающееся мѣсто занимаетъ американская «Свобода»), въ «Етнографічнім збірнику», въ сборникахъ: Рудченка, Драгоманова, Чубинскаго, Манжуры, Ястребова Гринченка, въ русскомъ сборникѣ Аѳанасьева, въ польскихъ—Кольберга и Zbiór wiadomości и др; только въ 1898 г. издалъ В. Д. Грин-

ченко первый довольно значительный сборникъ анекдотовъ подъ загл. «Веселый оповидачъ. Двисти оповиданнивъ. У Чернигови 1898 г.» Литературныхъ обработокъ анекдотовъ, за исключеніемъ статьи М. Драгоманова «Турецкіе анекдоты въ Украинской словесности» (Кіевск. Старина, 1886, кн. 2 и 3), тоже не было. Въ прошломъ году появились двѣ крупныя работы въ этой области, обѣ въ «Сборникѣ Харьк. Филологическ. Общества, кн. IX, 1899»,—статьи А. Пельтцера «Происхожденіе анекдотовъ въ русской народной словесности» и проф. М. Сумцова „Разысканія въ области анекдотической литературы. Анекдоты о глупцахъ".

Работа г. В. Гнатюка, составляющая VI т. «Етнографічного збірника», является наиболѣе крупной донынѣ и наиболѣе цѣнной въ области анекдотической литературы, не только какъ самый полный сборникъ анекдотовъ, но въ особенности какъ научный трудъ, въ которомъ для каждаго мелкаго анекдота подобраны съ образцовой тщательностью всѣ существующіе гдѣ-либо въ славянской и иносл авянской литературѣ параллели, по чрезвычайно огромному количеству изданій. Всѣ матеріалы г. Гнатюкъ раздѣлилъ на три отдѣла: анекдоты о разныхъ общественныхъ слояхъ, разныхъ народахъ и историческіе анекдоты, съ добавленіемъ къ послѣднимъ мюнхгавзіадъ, небылицъ и анекдотовъ о дурняхъ.

Первый отдѣлъ (стр. 1—162) заключаетъ въ себѣ анекдоты, подраздѣлямые на слѣдующія рубрики: селяне («мужики»,—мужчины и женщины), слуги, жебраки (нищіе), каліки, злодіи, ремісники, школярі, попи, пани,—всего 335 номеровъ, значительное большинство которыхъ записано въ послѣдніе годы въ Галиціи, въ Бучацкомъ и др. повѣтахъ. Во второмъ отдѣлѣ, заключающемъ 230 номеровъ, анекдоты подраздѣляются на загальні характеристики, русини (бойки, гуцули), поляки, москалі, чехи, німці, жиди, цигани.

Наконецъ, въ послѣднемъ (стр. 273—370) помѣщено 12 номеровъ «Історичн. споминів»—о различныхъ предметахъ; 42 номера анекдотовъ о Канёвскомъ (Николаѣ Потоцкомъ), 25 номеровъ «Мюнхгавзіяд, небылицъ,—три слів» и 34 номера о дурняхъ.

Въ заключеніе, въ дополненіи къ сборнику помѣщены. составленные І. Франкомъ около 70 параллелей къ изданнымъ г. Гнатюкомъ анекдотамъ.

Таково содержаніе VI тома, по истинѣ достойаго занять первоклассное мѣсто среди другихъ этнографическихъ работъ въ данной

То-же. *Т. VII. Галицькі народні казки.* (№ 26—27). Зібрав Осип Роздольский. У Львові, 1899, III—IX, I—168.

Настоящій VII т., заключающій богатое собраніе сказокъ, собранныхъ г. Роздольскимъ въ одномъ изъ уголковъ бродскаго повѣта, является продолженіемъ труда этого автора, помѣщеннаго въ I томѣ Етнографічного збірника (25 номеровъ сказокъ). Спеціалисты могутъ найти здѣсь, среди знакомыхъ, общеизвѣстныхъ сказочныхъ мотивовъ, нѣкоторые довольно рѣдкіе, какъ напр. въ (№ 31)—о нерожденномъ (вынутомъ изъ утробы матери) царевичѣ и лошади, о бракѣ воробья съ мышью (№ 59), о стрѣлкѣ и грифѣ (тамъ-же), музыкѣ, которая не можетъ перестать играть, потому что герой забылъ волшебное слово (тамъ-же) и др.

Всѣхъ сказокъ въ этомъ томѣ помѣщено 51; онѣ снабжены, какъ и въ I т., въ концѣ каждаго номера обстоятельными параллелями. Трудъ г. Роздольскаго займетъ почетное мѣсто среди немногочисленныхъ сборниковъ нашихъ сказокъ.

В. Д.

Окрестности Кіева „Пустыни". *Сборникъ авотипій съ фотографій Н. Бобира. Изданіе заведенія графическихъ искусствъ А. Л. Гудшонъ. Кіевъ, 1900 г.*

Это изящное изданіе, состоящее болѣе чѣмъ изъ семидесяти снимковъ самой разнообразной величины, снабженныхъ посильными, очень краткими, къ сожалѣнію, объясненіями, удовлетворило давно уже въ обществѣ назрѣвшей потребности имѣть въ рукахъ альбомъ изображеній тѣхъ чудныхъ окрестностей, которыми по справедливости давно уже гордится «матерь городовъ русскихъ». Кто изъ кіевлянъ не любовался когда-нибудь такими чудными уголками, какъ привѣтливая Китаевская пустынь, уютный Голосѣевъ, Ѳеофанія, уединенная и дѣйствительно пустынная Николаевская пустынь, живописное Межигорье и т. п.? Теперь они имѣютъ возможность любоваться у себя дома художественно сдѣланными воспроизведеніями этихъ чудныхъ уголковъ, гдѣ душа усталаго горожанина находитъ возможность успокоиться отъ треволненій будничной суеты и найти отраду въ созерцаніи вѣчно юныхъ красотъ Божьей природы... Жаль только, что среди изображеній разсматриваемаго альбома имѣется

нѣсколько слишкомъ ужъ мелкихъ; зато, впрочемъ, есть сдѣланныя и въ листъ (альбома) вполнѣ отчетливо и изящно.

Указанный альбомъ является уже второю крупною художественною работою (изъ извѣстныхъ намъ) заведенія А. Л. Гудшонъ и подобно первой (Пушкинскій сборникъ университета Св. Владиміра. Цѣна 6 р), свидѣтельствуетъ о томъ, что это заведеніе заслуживаетъ самой широкой извѣстности и при благопріятныхъ обстоятельствахъ можетъ сдѣлаться однимъ изъ украшеній Кіева.

А. С—чъ.

Часопись Правнича. *Розвідки правничі секциі історично-фільозофічної наукового Товариства ім. Шевченка. Редактор д-р Кость Левицкий. Рочник IX. У Львові, 1899, стр. 1—168.*

Юридическій журналъ „Часопись Правнича", въ объемѣ нѣсколько меньшемъ «Записок наукового Товариства», выходящій подъ редакціей д-ра К. Левицкаго уже 9-ый годъ,—по одной книжкѣ въ годъ, начиная съ 1889 г. (въ 1892 и 1893—пробѣлъ,)—содержитъ очень много интереснаго матеріала; такъ, напр. въ кн. II,—помѣщена статья Н. Шухевича—О договорах Руси з Греками; въ кн. V. —Гр. Зацерковного—разборъ очерковъ семейнаго права Литовской Руси въ половинѣ] XVI в. М. Буданова; тамъ же: К. Левицкого—«Правда Руска. Памятник законодатний права руского з XI віку» и др.

Въ недавно вышедшемъ IX томѣ особеннаго вниманія заслуживаетъ статья *Иринарха Черкасского*—«Спадщина в українському праві звичайовому», стр. 1—166, составленная на основаніи преимущественно печатныхъ матеріаловъ: «Трудовъ эти.-стат. экспед. т. VI», «Трудовъ коммиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ т. IV и V» и статьи О. Рыльскаго «Къ изученію украинскаго народнаго міровоззрѣнія «Кіевская Старина», 1890 г.

Послѣ общаго обзора, касающагося семейнаго имущества и нормъ наслѣдственнаго права, авторъ обстоятельно разсматриваетъ два рода наслѣдственнаго права—надслѣдства «по звычаю» (по закону) и по завѣщанію. Изслѣдуя первый случай, авторъ говоритъ объ общемъ порядкѣ наслѣдства, о распаденіи семьи при жизни отца и раздѣлѣ наслѣдства, о роспаденіи семьи и хозяйства послѣ смерти отца, о наслѣдствѣ солдатъ, «матерызнѣ» (имущество, составляю-

щее собственность матери, какъ напр. одежда, рушники, скатерти, рядна, полотна, скрыня, а также и недвижимое имущество), о правонаслѣдованіи супруговъ, родственниковъ (родителей), о правѣ родового выкупа. Во второмъ случаѣ,—авторъ подвергаетъ разсмотрѣнію условія, какимъ завѣщающій долженъ удовлетворять, формы завѣщаній, цѣль и содержаніе послѣднихъ, кто дѣлитъ наслѣдство?

Въ общемъ статья читается съ огромнымъ интересомъ.

Изъ другихъ статей, непосредственный для насъ интересъ представляетъ статья д-ра Станислава Днистрянського «Заручини в Австрийськім правѣ» (стр. 1—23). Авторъ разсматриваетъ понятіе заручинъ, какъ юридическаго акта, приводитъ всѣ тѣ условія, съ соблюденіемъ которыхъ заручины могутъ состояться, излагаетъ поводы, дающіе законное основаніе порвать заручины.

Въ заключеніе слѣдуетъ отмѣтить очень богатый и разносторонній отдѣлъ библіографіи, содержащій разборы юридическихъ трудовъ по исторіи и философіи права, по каноничному, частному и уголовному праву.

В. Д.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящаго номера разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Русскій Архивъ, № 4; 2) Русская Старина, № 4; 3) Вѣстникъ Европы, № 4; 4) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, № 4; 5) Земскій Сборникъ Черниговской губ., № 2; 6) Літературно-Науковий Вістник, № 4; 7) Kwartalnik Historyczny, № 1; 8) Ateneum; 9) Przewodnik naukowy i literacki, № 4; 10) Slovanský přehled, № 7 (4); 11) Кіевскія Университетскія Извѣстія, № 4; 12) Biblioteka Warszawska, № 4; 13) Книжки Восхода, № 3; 14) Историческій Вѣстникъ, № 4; 15) Живописное Обозрѣніе, № 4; 16) Wisła, № 1.

Русскій Архивъ № 4.

И. Дубасовъ. Изъ тамбовскихъ былей (стр. 421—433). Упоминаніе, между прочимъ, о колонизаціи Тамбовскаго края малороссами

въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія, напр. въ Шацкомъ уѣздѣ, село Новодмитріевское (Елань); поселокъ въ «Чураевскомъ бору». Проявленіе колонистами энергіи на новыхъ мѣстахъ.

Русская Старина № 4.

Записки Михаила Чайковскаго (Мехметъ-Садыкъ паши). Главы LXII—LXIV. Переводъ В. В. Тимощука (стр. 219—236). Продолженіе записокъ, печатавшихся въ «Русской Старинѣ» въ 1898 году. Формировка второго козачьяго полка подъ начальствомъ Чайковскаго. — Вступленіе въ Молдавію. — Дѣйствія Чайковскаго въ Добруджѣ.

Вѣстникъ Европы № 4.

Въ отдѣлѣ «Литературное обозрѣніе» (стр. 827—832) данъ обстоятельный отзывъ на книгу: «А. А. Папковъ. Братства. Очеркъ исторіи западно-русскихъ православныхъ братствъ, Свято-Троицкая Сергіева Лавра. 1900».

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія № 4.

Въ отдѣлѣ «Современная Лѣтопись» — *В. Перетцъ*: «*Императорское общество любителей древней письменности. Труды и изданія общества за 1898-99 годъ*» (стр. 33—75). Изъ рефератовъ, читанныхъ въ обществѣ, посвященныхъ исторіи литературы, критикѣ и изслѣдованію памятниковъ и искусству, къ намъ имѣютъ отношеніе: о вновь открытомъ (К. В. Харламповичемъ) печатномъ экземплярѣ переводной статьи князя А. М. Курбскаго. «Отъ другіе діалектики Іона Спангенбергера, о силогизме вытолковано» — извѣстной доселѣ лишь въ рукописяхъ; о «Логикѣ» жидовствующихъ и «тайная тайныхъ» или Аристотелевы врата» (рефер. г. Соболевскаго) (между прочимъ изслѣдована рукопись XVI в., названная въ «Указателѣ» преосв. Саввы «Метафизикою на южно-русскомъ нарѣчіи»); о зависимости древней Руси отъ Византіи въ области искусства (реф. проф.

Кондакова); о службѣ малороссійскихъ козаковъ во Франціи въ 1646 году (реф. А. В. Половцева).

Земскій борникъ Черниговской губерніи № 2.

Рѣчь О. М. Бѣлозерскаго на полугодовой тризнѣ по П. А. Кулишу, въ день Пантелеймона, 27 іюля 1897 г. (стр. 22—27).

Въ своей рѣчи ораторъ передаетъ свои интересныя наблюденія надъ личностью Кулиша, указываетъ на то, что Кулишъ «въ теченіе своей долгой жизни въ своей душѣ переносилъ нѣсколько боговъ»: бога свободы (особенно политической), бога человѣчности и др.; но, мѣняя боговъ, онъ всегда оставался неизмѣннымъ эстетикомъ; его призывъ былъ всегда: «Культурі служімо». Въ концѣ ораторъ говоритъ объ огромномъ значеніи Кулиша для украинской литературы вообще, и исключительномъ—для галичанъ.

Вообще рѣчь О. М. Бѣлозерскаго представляетъ интересный матеріалъ для біографіи и оцѣнки личности Кулиша.

Въ «Приложеніяхъ» — «Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Нѣжинскаго полка» (стр. 1—48). Вновь перепечатана часть, помѣщенная въ № 1 «Сборника» и продолженіе далѣе.

Літературно-Науковий Вістник № 4.

Наш альбом. Із поезій Миколи Чернявського (стр. 1—4): I. Бескет, II. Зірками блискучими падаємо ми, III. Не бажа душа спокою, IV. Шляхи, V. Все віщує буть весні, VI. Море, VII. Сьогодня високо над мною, VIII. Непримітний і убогий, IX. В діброві, X. Сон, XI. Люблю, коли лампада, XII. У осени, XIII. Зорі.

Вічний календар. Оповіданє Грицька Коваленка (стр. 5—20). Сатирическое произведеніе, основой котораго является изобрѣтенный однимъ генераломъ «вічний календар», долженствующій спасти отъ всякихъ бѣдствій Россію.

У наймах. Оповіданє Михайла Яцкова (стр. 21—50). Грустная повѣсть о дивчынѣ Оленѣ, служившей въ наймахъ у односельчанина, вѣчно обижаемой хозяевами, пока наконецъ ее не уложили въ могилу.

Перехресні стежки. Повість Івана Франка (стр. 51—71). (Продолженіе).

Із оповідань Гната Потапенка: I. Октава, II. Тайна (нарис), III. Проклята слава (Із консерватор. спомнінів). З россійського переклав Григорий Коваленко (стр. 92—120).

Девять сліпих. Діальоги Джордана Бруно. Переклав Іван Франко (стр. 121—128).

Панько Олелькович Куліш. Огляд його діяльности Написав Осип Маковей (далі) (стр. 1—28). Авторъ, разсматривая дѣятельность Кулиша въ первый періодъ, разбираетъ произведенія его: «Цыганъ», «Мыхайло Чарнышенко», «Чорна рада», «Украинскія преданія».

Із чужих літератур (Нові сили в сучасній літературі. I. Ада-Негрі). Евгенія Дегена (стр. 29—41). Критическій обзоръ литературной дѣятельности.

Джордано Бруно. З німецького переклав Іван Франко (стр. 42—51). Литературно-біографическій очеркъ жизни и дѣятельности Дж. Бруно по поводу исполнившагося недавно трехсотлѣтія со дня его смерти.

Хроніка і бібліографія (стр. 52—64). По обыкновенію, цѣнный матеріалъ для исторіи текущей культурной жизни Галичины и Украины.

Kwartalnik Historyczny № 1.

L. Finkel. Memoryał Antoniego hr. Pergena, pierwszego gubernatora Galicyi, o stanie kraju (стр. 24—43). Изложеніе содержанія интересной капитальной рукописи—меморіала Пергена, перваго губернатора Галиціи (1772—1773 гг.), заключающаго въ себѣ слѣдующіе отдѣлы: 1) положеніе, жители и продукты края вообще, 2) дворянство, 3) религія и духовенство, 4) города и городскіе промыслы, 5) крестьянское сословіе, 6) евреи.

Документъ этотъ хотя и мало даетъ данныхъ совершенно новыхъ, но какъ историческій памятникъ имѣетъ огромное значеніе.

Въ отдѣлѣ Miscellanea: A. P—ska. «Dokument graniczny Czerwono-Ruski z 1352 r.» (стр. 51—54). Этотъ документъ, списанный съ книги земской Перемысской (T. 155, стр 395—398), касается пожалованія княземъ Львомъ села Боляновицъ нѣкоему Петру Сурмѣ.

Этому документу предпослана исторія утвержденія юрид. права на владѣніе с. Боляновицы, заимствованная изъ судового акта 1606 г.

Въ отдѣлѣ «Recenzye i Sprawozdania» (стр. 64—143) даны отзывы о книгахъ: «Болсуновскій К. Сфрагистическіе и геральдическіе памятники юго-западнаго края, Кіевъ, 1899»; «Матеріалы по исторіи русской картографіи. Вып. I. Карты всей Россіи и ея южныхъ областей до половины XIII ст. В. Кордта. Кіевъ, 1899 г.»; «Иностранные карты и атласы XVI и XVII в., относящіеся къ Южной Россіи Изслѣдов. Вас. Лискоронскаго. Кіевъ, 1898».

Въ отдѣлѣ «Kronika» (стр. 160—175)—извѣстія: I. О засѣданіяхъ академій, научныхъ обществъ, о съѣздахъ; II. О коллекціяхъ, находкахъ, открытіяхъ; III. О научныхъ экскурсіяхъ, юбилейныхъ торжествахъ; IV. Некрологи; V. Конкурсы и награды. Много цѣннаго матеріала, касающагося юга Россіи и Галичины.

Въ отдѣлѣ «Sprawozdania z posiedzeń Towarystwa Historycznego» (стр. 184—185) изложено содержаніе реферата др. Фридерика Папье на XXI общемъ собраніи историческаго общества во Львовѣ подъ загл. «Litwa w ostatniem dwunastoleciu Kazimierza Jagiellończyka».

Ateneum.

Ksawery Chamiec. Starożytności przedhistoryczne na XI zjezdzie archeologicznym w Kijowie (стр. 105—135). Авторъ даетъ отчетъ о рефератахъ по доисторической археологіи, разсматривая ихъ въ послѣдовательномъ, возможно хронологическомъ, порядкѣ, соотвѣтственно тѣмъ періодамъ культуры, къ которымъ разсматриваемые имъ доклады пріурочиваются. Изложены доклады: г. Армашевскаго «О стоянкѣ человѣка палеолитической эпохи на Кириллловской улицѣ, въ Кіевѣ»; г. Покровскаго «О раскопкахъ г. Хвойки въ Кіевскомъ у.»; проф. Антоновича «О каменномъ вѣкѣ на Волыни»; г. Бранденбурга «О туземномъ населеніи кіевской земли»; г. Городцева «О необходимости установленія названій и составленія системы описанія доисторической керамики»; г. Нидерле «О времени переселенія славянъ съ сѣвера черезъ Карпаты въ Венгрію»; г. Пагодина «Объ отношеніи племени индо-европейскаго къ финскому» и др.

Przewodnik naukowy i iiteracki, № 4.

J. Horoszkiewicz. Pamiętnik o stroju narodowym w Rzeczypospolitej polskiej. (Продолженіе). (Стр. 382—388). Кунтушъ; извѣстія о немъ у польскихъ писателей прежнихъ временъ.—Происхожденіе кунтуша, по мнѣнію автора,—путемъ эволюціи, изъ народнаго платья; давность его существованія.—Оланча; два ея вида.—Бекеша; покрой ея.

Slovansky prehled, č. 7 (4).

František Řehoř. Masopust na haličké Rusi (Z pozostalých rukopisu). стр. 322—327).

Описаніе празднованія въ Галицкой Руси «масныць»; загальный тыждень, крывый тыждень, пущанія; колодка, времяпрепровожденіе на масляницѣ. Матеріалъ собранъ во многихъ мѣстностяхъ и снабженъ параллелями и ссылками на произведенія различныхъ изслѣдователей.

Въ отдѣлѣ «Umění, věda» (стран. 343—345) данъ отзывъ о книгѣ: «Проф. Т. Флоринскій: Нѣсколько словъ о малорусскомъ языкѣ (нарѣчіи) и новѣйшихъ попыткахъ усвоить ему роль органа науки и высшей образованности. Кіевъ, 1899.». Отмѣчено изданіе (стр. 345): «Гуцульщина. Написав проф. Володимир Шухевич. Ч. I. (Матеріяли до украинсько-руської етнольогиі, т. II). Львів, 1899».

Въ отдѣлѣ «Rozhledy a zprávy» (стр. 350—351) отмѣчены: споръ о малорусскомъ языкѣ (отвѣтъ проф. Флоринскому г. Науменка); общее собраніе Товарищества Просвіта»; количество русиновъ въ галицкихъ среднихъ школахъ; смерть А. Турбацкаго.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Въ № 22 газеты «Восходъ г. С. Гинзбургъ помѣстилъ статью «Сіонъ» и «Основа» (Вниманію «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей»).

Статья эта вызвана письмомъ въ редакцію С.-Петербургскихъ Вѣдомостей Homo, помѣщеннымъ въ № 68 этой газеты, въ которомъ авторъ, между прочимъ, бросилъ упрекъ евреямъ—въ раздуваніи племенныхъ антипатій и, въ частности, въ томъ, что «евреи въ лицѣ своего литературнаго органа «Сіона», будучи злы на украинофиловъ за обличеніе еврейской эксплоатаціи южно-руссовъ, первые пустили

въ ходъ обвиненіе украинофиловъ въ «сепаратизмѣ» и тѣмъ дали поводъ заподозрить чисто культурно-національное стремленіе въ зловредномъ, антигосударственномъ направленіи», (фактъ, засвидѣтельствованный А. Пыпинымъ и В. Д. Спасовичемъ въ „Исторіи славянскихъ литературъ“ (стр. 380—381, 2-е изд.). По поводу этого упрека г. Гинзбургъ и берется, въ интересахъ истины, возстановить дѣйствительный характеръ этого инцидента. Съ этой цѣлью, приведя невинные отрывки изъ № 10 «Сіона» (статья: «Основа» и вопросъ о національностяхъ») и заявивъ далѣе, что «сепартизмъ—слово, которое никогда «Сіономъ» не употреблялось», авторъ ссылается на отзывы объ указанномъ инцидентѣ, сказанные въ 1861 году лучшими и наиболѣе вліятельными изъ органовъ русской печати»: „Русскій Вѣстникъ, „Русская Рѣчь“, „Время“, „Русское Слово“, „Русскій Инвалидъ», „Сынъ Отечества“, и даже юмористическая «Искра».
Мы очень сомнѣваемся, чтобы дѣйствительно пальму первенства въ этомъ спорѣ можно было отдать «Сіону».

—

Кружкомъ польскихъ литераторовъ и ученыхъ Варшавы, Львова и Кракова подготовляется къ печати подробное историко-статистическо-географическое описаніе областей и земель, входившихъ въ составъ бывшаго польскаго королевства. Изданіе это предполагается въ шести частяхъ: I—Привислянскій край, II—сѣверо-западный край, III—юго-западный край, IV—Галиція, восточная и западная, V—Познань, VI томъ будетъ заключать дополненія. Изданіе это будетъ снабжено картами, планами, видами мѣстностей и портретами историческихъ дѣятелей. Первые три тома этого обширнаго труда выйдутъ въ свѣтъ одновременно, въ началѣ будущаго года, такъ какъ большая часть необходимыхъ матеріаловъ уже собрана и въ настоящее время подготовляется къ печати. Выйдетъ въ свѣтъ трудъ этотъ въ Варшавѣ. Послѣдніе три тома выйдутъ къ концу 1901 г. Карты, планы, рисунки и портреты исполнены будутъ въ одномъ изъ лучшихъ заведеній въ Лейпцигѣ. Матеріальная поддержка для выхода въ свѣтъ этого изданія будетъ оказана кружкомъ представителей высшаго польскаго общества, живо интересующихся всѣмъ, относящимся къ вопросамъ польской старины и археологіи.

—

Въ № 75 «Кіевской газеты» помѣщена статья «Памяти Т. Г. Шевченко», въ которой указывается на значеніе произведеній Шевченка для малорусскаго народа и литературы и на отношеніе къ другимъ великимъ народнымъ поэтамъ.

—

Въ № 12 «Русской музыкальной газеты» помѣщена статья, посвященная оцѣнкѣ музыкальной и композиторской дѣятельности и ея характера Николая Витальевича Лисенка. Авторъ статьи (*К. Н.*), воздавъ достойныя похвалы красотамъ пѣсеннаго матеріала, собраннаго Ник. Вит. и помѣщеннаго въ изданныхъ имъ шести томахъ «Збірників українських пісень», въ 6 сборникахъ для хора (6 десятковъ) и въ другихъ изданіяхъ («колядки, щедровки, веснянки купальскі пісні), останавливается на талантливой дѣятельности Ник. Витальевича какъ композитора въ его операхъ («Наталка Полтавка», «Черноморци», дѣтская опера «Коза — дереза»), въ романсахъ на слова Шевченка (до 50 номеровъ) и другихъ поэтовъ (Гейне и др.), въ рапсодіяхъ на мотивы украинскихъ пѣсенъ („Сюита G-dur"), нѣкоторые «Гавоты», chansons sans paroles и пр. „Н. Витальевичъ замѣчательно овладѣлъ проникновеніемъ въ духъ народного творчества» — говоритъ авторъ. — Поэтому его собственныя мелодіи иногда настолько близко подходятъ къ народной пѣснѣ по своимъ поворотамъ, по своей структурѣ, что Н. В. представляется не только композиторомъ, но народнымъ пѣвцомъ, кобзаремъ Украйны»!... и нынѣ малороссы къ славному имени своего давнаго *кобзаря-поэта* могутъ прибавить не менѣе славное имя *кобзаря-музыканта* Николая Вит. Лисенка...

—

Въ №№ 7—9 «Днѣпровской Молвы» помѣщена статья А. Я. Конисскаго „Объ изученіи личности Т. Г. Шевченка"[1]).

Авторъ, отмѣтивъ предварительно нѣкоторыя критическія изслѣдованія произведеній Шевченка, по преимуществу въ Галичинѣ, указываетъ на то обстоятельство, что во всей этой обширной литературѣ мало или даже совсѣмъ не было затронуто изученіе личности Шевченка, *какъ человѣка*, по причинѣ разбросанности во мног. перв. изданіяхъ главнаго матеріала — «Дневника» Шевченка и его писемъ. На основаніи этого матеріала г. Конисскій касается нѣкоторыхъ характерныхъ сторонъ личности Т. Г. Шевченка, какъ-то: органическая ненависть къ двоедушію, чувство сознанія достоинства человѣка, доброта, гуманность, всепрощающая любовь, великое христіанское терпѣніе, религіозность, вѣра въ свою идею, необычайная скромность.

—

Въ №№ 24, 25, 26, 27, 28, 29 «Подольскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» идетъ продолженіе печатанія труда г. Гульдмана «Памятники старины Подоліи», 8 главъ котораго было напечатано въ 1898

[1]) Издана отдѣльнымъ оттискомъ въ Екатеринославѣ, 1900, стр. 1—16.

году въ той же газетѣ (см. Археологич. Лѣтопись тек. года, № 4, стр. 67). Въ указанныхъ №№ авторъ даетъ подробное описаніе Каменецкой крѣпости—замка (точнѣе г. Каменца), со времени его основанія и до 1793 года.

—

Въ № 13 газеты журнала «Днѣпровская Молва» помѣщена статья проф. Н. Сумцова «О кобзаряхъ и лирникахъ». (Къ XII археологическому съѣзду въ Харьковѣ).

Указавъ на значеніе кобзы, или бандуры, для малорусскаго народа въ XVI и XVII стол., авторъ отмѣчаетъ кобзарей, извѣстныхъ во второй половинѣ нашего столѣтія (Остапъ Вересай, Андрій Шутъ, Павло Братыця, Прокипъ Дубъ и пр.). Надо предполагать, что въ районѣ лѣвобережной Малороссіи, въ особенности среди крестьянъ Харьковской губ., находится еще значительное число кобзарей. Въ виду того, что скудные остатки кобзарства исчезаютъ съ каждымъ днемъ, желательно приведеніе ихъ въ извѣстность и обслѣдованіе въ подробностяхъ. Съ этой цѣлью авторъ предлагаетъ цѣлую программу для собиранія свѣдѣній о кобзаряхъ, ихъ личности, мѣстожительствѣ, соціальномъ положеніи, духовномъ ихъ богатствѣ, отношеніи къ лирникамъ; быть можетъ существуютъ, какъ въ прежнее время, кобзарскія школы...

—

Въ № 13 «Подольскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» помѣщена статья свящ. *Н. Д.* «Иконы древняго письма у нашихъ крестьянъ». Авторъ отмѣчаетъ 9 иконъ стараго письма съ сложными композиціями, видѣнныхъ имъ въ домахъ крестьянъ, которыя, по его мнѣнію, нужно признать копіями древнихъ русскихъ иконъ византійскаго письма. Къ сожалѣнію, авторъ не указываетъ мѣстности, въ которой ему удалось констатировать присутствіе упомянутыхъ рѣдкихъ иконъ.

—

Въ № 6 и 7 «Херсонскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» помѣщена статья священника Г. И. Сорокина «Изчезнувшія села Новороссійскаго края».

Авторъ, на основаніи лично имъ собраннаго матеріала отъ оставшихся еще въ живыхъ старожиловъ, сообщаетъ интересныя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ исчезнувшихъ селахъ въ бывшей Новой Сербіи, какъ-то: Плоское, Красный—Кутъ, Уховка, Лагери, Водяная, Богданка Гутницкая, Лозоватка, Знаменка, Рудая.

—

Въ № 794 газеты «Приднѣпровскій Край» помѣщена статья «Главные мотивы въ поэзіи Т. Г. Шевченка (Извлеченіе изъ чтенія А. Н. Лисовскаго на вечерѣ въ память Т. Г. Шевченко).

Авторъ, анализируя произведенія Шевченка, указываетъ на главные мотивы въ поэзіи его: сентиментализмъ, героическая стихія и пророческая, затѣмъ на національный характеръ поэзіи его—культъ счастья, счастья спокойнаго созерцанія, внутренней независимости и свободы, а также останавливается на опредѣленіи значенія произведеній Шевченка, какъ откровенія для своего времени, и вліянія ихъ во всѣхъ отношеніяхъ.

—

Въ одномъ изъ февральскихъ №№ газеты «Сибирскаго Листка», издающейся въ Тобольскѣ, помѣщена статья г. Грабовскаго, посвященная памяти Т. Г. Шевченка. Авторъ говоритъ, между прочимъ, о вліяніи музы Шевченка въ Галиціи, куда съ произведеніями Шевченка проникли лучшія вѣянія освободительной эпохи, вызвавши возрожденіе русской части населенія на національной почвѣ; затѣмъ вліяніе произведеній Шевченка отразилось съ особой силой на произведеніяхъ такихъ талантливыхъ бытописателей, какъ Франко, а въ послѣднее время—Бордулякъ, Стефаникъ и др. «Въ этомъ отношеніи»,—говоритъ авторъ,—«писатели галичане стоятъ неизмѣримо выше россійскихъ украинцевъ, усвоившихъ слабыя стороны музы батька Тараса, вродѣ идеализаціи прошлаго, и все еще упражняющихся въ словосочиненіи псевдо-историческаго и псевдо-національстическаго свойства».

—

Въ № 2 журнала «Lud» помѣщены между прочимъ статьи: Józef'a Schnaidera. Z kraju Huculów, Bron. Kryczyński: «Śpiewy haitkowe z Podhorza», Dr. St. Fliasz—Radzikowski «Styl zakopiański».

—

Въ 1 № журн. Hist.-filos. Klasse» статья Olaf'a Brach„ Weitere Studien von der Slovakich-kleinrussichen Sprachgrenze in westl. Ungarn. Videnskabselskabels Skrifter.

—

Богословский Вістник. Ч. I. Розправи: Церков въ ювилею (II). Біблійний потоп (Свящ. Дорожинскаго). О способі ізбранія і поставленія в діяконьскій і сьвященическый чин із мірских лиц в XVI ст. на южной Руси (Свящ. А. С. Петрушевич).

Ч. 2. Круковский. Krytyczny rozbiór kazań i homilij Hipacyusza Pocieja Metropolity Kijowskiego, Halickiego i całej Rusi.—Др. Бартошевский, проповіди похоронні.

Ч. 3. Аналекта. Роспятіе.—Участь сина священника в похоронах своіх родичів.

Ч. 4. Начерки наук духовних. Проповідь на нед. Воскресеня Христового (Іпатій Потій, митрополит всеі Руси).

—

Молода Украина, ч. 3. Зміст: *Володимир Старосольскій.* Злука молодіжі; *Льонін Цегельскій.* М. П. Драгоманов, його думки, діяльность і значіне; *Стевап Чарнецький.* З літних ночий; *Володимир Темницький.* Де що про-украінськи гімназіи; *Теофіль Мелень.* Джордано Бруно; *Степан* П. Згадки; *Михойло Голущинський.* Науковый рух в тов. «Академична Громада» у Львові. *Володимир Старосольский.* Студенческі рухи в Росиі.

Молода Украина, ч. 4. Зміст: *Стефан Томашівский.* Про самоосьвіту, *Льонін Цегельский.* М. П. Драгоманов, його думки, діяльність і значіне; *Остап Людкевич.* Наші співакй а народня справа и др.

—

Учитель, ч. 7. Зміст: *Ант. Павенцкий.* Початокъ і розвій шкільництва на Руси; *Василь Ратальский.* Про фізичне вихованє; — значіння матери в вихованю дітий.

—

Въ № 162 газ. «Сѣверный Курьеръ» въ отдѣлѣ „Славянская жизнь" подробно изложена исторія учрежденія и развитія «Наукового Товариства імени Шевченка», его дѣятельности, въ особенности съ 1892 года, упоминается также о дѣятельности общества „Просвіта".

—

Одобренныя малорусскіе изданія. Брошюры О. Степовыка: „Корыстни звирятка" и „Про городыну", изданныя въ прошломъ году Петербургскимъ Благотворительнымъ Обществомъ изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ, а также печатающаяся тѣмъ же Обществомъ брошюра Немоловскаго «Про пчильництво — «одобрены Министерствомъ Земледѣлія и Государственныхъ Имущ. для библіотекъ низшихъ с.-хозяйств. и садовыхъ школъ, находящихся въ тѣхъ губ., гдѣ мѣстное крестьянское населеніе говоритъ на малорусскомъ нарѣчіи»

—

Малорусскія пьесы, дозволенныя драматическою цензурою къ представленію (по 1 февраля 1900 г.): 1) Дви доли. Мелодрама у 5 дінхъ. Ѳ. Т. Заремба; 2) За зраду. Драма у 5 дінхъ и 6 одминахъ. Д. А. Туманенко. 3) За сиротою—Богъ съ калитою или два жребія на смерть. Малороссійская мелодрама въ пяти дѣйствіяхъ на русскомъ языкѣ, сочиненіе Н. М. Качинскаго; 4) Загублени. Драма въ

5 діяхъ и шести одминахъ Л. П. Громова; 5) Злодій. Драма въ пяти діяхъ. Одарки Романовой; 6) Передъ волею. Драма у 5 діяхъ (діется в 60 и 61 рокахъ). М. Л. Кропивницкаго; 7) По панськи. Этюдъ у одному акти. Свирѣдовича Тугого (короля). 8) Побачымось на тимъ свити (Або любыла до загыну). Драма въ 3 діяхъ. Ивана Степанченка; 9) Хваустъ. Драма зъ спивамы и танцамы. Переложывъ для малорусскои сцены С. Ф. Сарматовъ (Опеньковскій). Музыка зъ украинськыхъ писень.

Археологическая лѣтопись.

Замѣтка о собираніи и сохраненіи антропологическаго матеріала при раскопкахъ.

Сохраненіе и изученіе антропологическаго матеріала, добытаго при раскопкахъ, нужно считать одинаково существенной частью раскопокъ, какъ и полученіе археологическаго матеріала. Только совокупность двухъ этихъ матеріаловъ и параллельное изученіе ихъ могутъ дать полную характеристику типа племени даннаго могильника. До сихъ поръ въ Россіи мало обращали вниманія на антропологическій матеріалъ, его брали только отчасти, съ большими выборками, да и теперь очень часто раздаются вопросы: «что-же именно брать при раскопкахъ?» Отвѣтъ на такой вопросъ можетъ быть совершенно категорическій: все, т. е. весь костякъ, всѣ кости изъ одной общей могилы; всѣ кости представляютъ цѣнный антропологическій матеріалъ, интересный въ томъ или другомъ отношеніи. Такая постановка раскопокъ и практикуется и во Франціи, и въ Германіи, и въ другихъ странахъ и по возможности ей нужно слѣдовать и при нашихъ раскопкахъ. Тутъ, правда, мы сталкиваемся съ практическими неудобствами: костный матеріалъ представляетъ очень громоздкую вещь, очень неудобную и для пересылки и для сохраненія и очень большая часть его можетъ остаться безъ обработки и лежать, занимая мѣсто, безъ утилизаціи долгое время. Поэтому приходится указывать на болѣе существенную часть антропологическаго матеріала. Какъ наиболѣе важнымъ матеріаломъ конечно является черепъ съ нижней челюстью,

дальше—всѣ такъ назыв. длинныя кости, т. е. кости плеча и предплечья (лучевая и локтевая), кости бедра и голени (большая и малая берцовыя кости); какъ черепъ является важнымъ матеріаломъ для опредѣленія типа племени, такъ всѣ длинныя кости представляютъ важный матеріалъ для опредѣленія роста, кромѣ, конечно, и того значенія, которое онѣ имѣютъ сами по себѣ, какъ цѣнный антропологическій матеріалъ; дальше, очень интереснымъ въ антропологическомъ отношеніи является тазъ съ крестцовой костью. Эти всѣ кости и составляютъ главнымъ образомъ антропологическій матеріалъ, желательный для сохраненія. При раскопкахъ общихъ могилъ, гдѣ въ одной могилѣ сложено нѣсколько скелетовъ, такъ что всѣ кости перепутаны, очень интересно опредѣлить число всѣхъ погребеній, находящихся въ данной общей могилѣ. Тугъ черепа не даютъ по большей части числа погребеній, какъ кости разрушающіяся очень сильно; по большей части наиболѣе сохраняются кости пятки—пяточная и таранная (calcaneum и astragalus); эти кости, какъ лучше сохраняющіяся, даютъ наибольшее число погребеній; тогда при раскопкахъ общихъ могилъ, если нельзя сохранить всѣхъ костей, слѣдуетъ выбирать всѣ calcaneum и astragalus и сохранять ихъ.

Главнымъ образомъ, при раскопкахъ и сохраненіи антропологическаго матеріала, не слѣдуетъ руководиться никакими побочными соображеніями, въ родѣ того: «зачѣмъ брать два черепа одинаковаго вида?» Не нужно допускать никакой выборки матеріала, а брать все. Если нельзя брать всего выкопаннаго матеріала—череповъ, костей, то слѣдуетъ брать всѣ цѣльные черепа и только очень немного поврежденные и всѣ цѣльныя длинныя кости. При исключительно интересныхъ погребеніяхъ или находкахъ важны всѣ обломки черепа и костей, такъ какъ, если черепъ сохранился въ обломкахъ, то эти обломки легко возстановить и черепъ можетъ стать матеріаломъ вполнѣ годнымъ для изученія. Точно также, при затрудненіи пересылки, упаковки, изъ длинныхъ костей можно брать только вполнѣ цѣлыя кости, у которыхъ оба конца не повреждены. Изъ длинныхъ костей большій интересъ представляютъ плечевая, бедро, локтевая и большая берцовая, меньшій интересъ представляютъ лучевая и малая берцовая, которыя можно брать только когда онѣ совершенно цѣлы.

При раскопкахъ надо соблюдать извѣстныя предосторожности: иногда черепъ и скелетъ отъ влажности становятся очень мягкими, ихъ тогда очень легко прямо раздавить въ рукахъ. Черепа и всѣ

кости въ такихъ случаяхъ осторожно вынимаютъ изъ земли, или кости только освобождаютъ сверху, чтобы допустить свѣжій воздухъ; черепъ же слѣдуетъ вынимать изъ земли съ прилегающей къ нему землей и, не вычищая внутренняго кома земли, оставить его тутъ-же на воздухѣ подсохнуть; на воздухѣ кости очень быстро твердѣютъ и тогда становятся вполнѣ крѣпкими и только въ рѣдкихъ случаяхъ требуютъ особеннаго фиксированія. Обыкновенно совѣтуютъ оставлять черепа 2—3 дня на воздухѣ, чтобъ они окончательно просохли и тогда уже ихъ можно упаковывать для отправки; передъ отправкой, когда черепа высохнутъ, очень легко вычистить весь внутренній комъ земли, который наполняетъ черепъ. Всѣ выпавшіе зубы слѣдуетъ по возможности вставлять на свои мѣста и чѣмъ-нибудь тамъ фиксировать, всѣ выпавшіе слѣдуетъ подбирать.

Всегда всѣ руководства особенно обращаютъ вниманіе на помѣтки череповъ; совѣтуютъ сейчасъ-же наклеивать этикетки и на черепъ и на нижнюю челюсть съ тѣмъ-же номеромъ и заносить въ дневникъ раскопокъ; потомъ, по возможности въ скоромъ времени, писать окончательный подробный этикетъ на черепъ; проще, мнѣ кажется, мѣтить на самомъ черепѣ и всѣхъ костяхъ карандашемъ, а еще лучше даже чернильнымъ карандашемъ, просто номеръ съ указаніемъ на мѣсто погребенія, по этому номеру можно легко въ дневникѣ раскопокъ отыскивать при какихъ условіяхъ былъ найденъ черепъ, какія вещи его сопровождали; тѣмъ же номеромъ слѣдуетъ мѣтить и остальныя кости, чтобы было указаніе, что кости и черепъ принадлежатъ одному и тому же скелету, такъ какъ представляютъ интересъ извѣстныя сопоставленія черепа со скелетомъ.

Когда черепа окончательно высохнутъ, ихъ завертываютъ въ бумагу и укладываютъ въ сѣно и солому, но не очень большими партіями. Особенно старательно надо упаковывать разбитые черепа, представляющіе особый интересъ, тутъ всѣ подобранные осколки должны быть тщательно завернуты, занумерованы и упакованы вмѣстѣ.

А. Покровскій.

Къ Археологическому съѣзду въ Харьковѣ.

Г. Харьковъ, въ лицѣ своихъ ученыхъ и вообще интеллигентныхъ силъ, энергично взялся за дѣло подготовки будущаго съѣзда.

20-го марта состоялось засѣданіе членовъ организованной совѣтомъ Харьковскаго университета комиссіи для подготовительныхъ работъ по устройству съѣзда. Ректоромъ университета было сдѣлано предложеніе объ избраніи предсѣдателя, секретаря и казначея комиссіи. По произведенной баллотировкѣ предсѣдателемъ избранъ проф. Д. И. Багалѣй, а секретаремъ проф. Е. К. Рѣдинъ.

26 марта состоялось засѣданіе подготовительной комиссіи по устройству XII археологическаго съѣзда въ Харьковѣ.

Въ началѣ предсѣдатель комиссіи проф. Д. И. Багалѣй обратился къ членамъ съ обширной рѣчью, въ которой благодарилъ за честь избранія въ предсѣдатели и указалъ на обширность задачъ, предстоящихъ къ выполненію, и на условіе успѣха дѣятельности комиссіи — общую, дружную, совмѣстную работу. «Программа археологическихъ съѣздовъ, говорилъ онъ далѣе, очень широкая и каждый изъ насъ несомнѣнно найдетъ у себя какія-нибудь точки соприкосновенія съ ея многочисленными отдѣлами. Намъ нужно трудиться всѣмъ вмѣстѣ и каждому въ отдѣльности, дабы достичь тѣхъ результатовъ, какихъ достигали предварительные комитеты въ другихъ университетскихъ городахъ, гдѣ есть и богатыя археологическія коллекціи, и археологи-спеціалисты и гдѣ,- наконецъ, какъ то было въ Кіевѣ, Москвѣ, сами города являютъ изъ себя археологическіе музеи. Намъ же нужно добывать все это изъ земли, изъ кургановъ, собирать по крупицамъ отъ частныхъ лицъ. Для этого нужно много неустанной энергіи, труда. Но, господа, результаты нашей дѣятельности могутъ оказаться въ высшей степени благотворными: мы можемъ широко открыть завѣсу, которая доселѣ закрывала нашъ край; мы вскроемъ могилы, мы заставимъ заговорить этихъ нѣмыхъ свидѣтелей нашего отдаленнаго прошлаго, мы соберемъ коллекціи тѣхъ вещественныхъ памятниковъ, которые лучше всѣхъ описаній рисуютъ бытъ народностей, населявшихъ нашу область и сосѣднія территоріи и, быть можетъ, наконецъ, намъ удастся закрѣпить ихъ за собою и положить начало въ Харьковѣ музею мѣстныхъ древностей въ широкомъ смыслѣ этого слова. Я не говорю уже о тѣхъ благотворныхъ результатахъ, которые, навѣрное, будетъ имѣть съѣздъ для подъема интереса общества къ его культурному прошлому—такія послѣдствія имѣли всѣ прежніе областные археологическіе съѣзды и харьковскій, конечно, не будетъ изъ нихъ исключеніемъ».

Затѣмъ предсѣдателемъ была прочитана программа дѣятельности комиссіи, принятая единогласно, и началось обсужденіе отдѣльныхъ пунктовъ ея. Рѣшено образовать рядъ подкомиссій: доисторическихъ древностей, историко-церковныхъ, этнографическихъ и археографическихъ. Работавшая ранѣе уже спеціальная комиссія по устройству этнографической выставки при археологическомъ съѣздѣ вошла въ своемъ составѣ въ общую комиссію, и отъ нея поступили на утвержденіе программы по собиранію вещей для выставки и просьба объ исходатайствованіи средствъ на совершеніе экскурсій членами этнографической подкомиссіи по селамъ Харьковской губ. уже лѣтомъ этого года и на покупку вещей. Большіе дебаты вызвалъ вопросъ о мѣрахъ и способахъ по устройству небольшихъ волостныхъ этнографическихъ выставокъ въ предѣлахъ на первыхъ порахъ одного Харьковскаго уѣзда. Для полученія необходимыхъ справокъ и свѣдѣній по этому поводу разрѣшеніе программы подкомиссіи и вопросъ объ экскурсіяхъ и указанныхъ выставкахъ отложены до ближайшихъ засѣданій комиссіи. На выраженное нѣкоторыми членами пожеланіе устройства и въ другихъ центрахъ территоріи, подлежащей спеціальному обслѣдованію XII съѣзда,—подготовительныхъ комиссій—предсѣдателемъ доложено, что устройство такихъ комиссій имѣется въ виду, согласно постановленію московскаго предварительнаго комитета: въ Курскѣ, Воронежѣ, Черниговѣ, Екатеринославѣ, Полтавѣ, Екатеринодарѣ; этимъ комиссіямъ будутъ разосланы программы изученія и изслѣдованія различныхъ древностей и памятниковъ, выработанныя харьковской подготовительной комиссіей.

Для успѣха дѣятельности комиссіи рѣшено пригласить войти въ составъ ея нѣкоторыхъ лицъ, извѣстныхъ своими археологическими трудами, имѣющихъ коллекціи и вообще могущихъ быть полезными въ различныхъ отношеніяхъ; выборъ ихъ будетъ произведенъ въ слѣдующее засѣданіе.

—

31-го марта состоялось засѣданіе той-же комиссіи. Все засѣданіе почти исключительно было посвящено обсужденію программъ по собиранію какъ свѣдѣній о различныхъ памятникахъ древности области, подлежащей спеціальному обслѣдованію, такъ и самихъ памятниковъ для выставокъ, что будутъ устроены при съѣздѣ. Проф. Н. Ѳ. Сумцовъ прочелъ программы: *для собиранія этнографическихъ матеріаловъ къ выставкѣ, для собиранія писанокъ и свѣдѣній о нихъ,*

для собиранія свѣдѣній о кобзарях и лирниках. Программамъ предпослано общее введеніе о значеніи этнографическихъ выставокъ и музеевъ. «Въ западной Европѣ, говоритъ проф. Сумцовъ, даже въ такихъ глухихъ ея мѣстахъ, какъ Галиція, находятся этнографическіе музеи, въ которыхъ съ большей или меньшей тщательностью собраны разные предметы народнаго быта—модели, рисунки домашнихъ построекъ и утвари, музыкальные инструменты, мѣстный крестьянскій костюмъ, дѣтскія игрушки и пр. Въ этихъ музеяхъ сберегаются, между прочимъ, такіе предметы, которые вышли или выходятъ изъ народнаго житейскаго обихода, не смотря на значительное прежнее распространеніе и историческую ихъ давность, не смотря даже на ихъ художественное изящество, выходятъ потому, что не удовлетворяютъ уже практическимъ запросамъ текущаго дня. Въ этнографическихъ музеяхъ люди науки и художники находятъ пищу для удовлетворенія своей любознательности. Музеи эти служатъ, впрочемъ, пособіемъ для широкаго и разносторонняго изученія мѣстной народной жизни. У насъ, въ Россіи, этнографическіе музеи чрезвычайно рѣдкое явленіе, и составленіе ихъ сопряжено съ большими затрудненіями. Весьма немногіе интересуются у насъ мѣстной народной жизнью; особенно мало людей съ сравнительно-этнографическими познаніями. Приходится потому ограничиваться самыми скромными запросами и по крупицамъ собирать этнографическій матеріалъ, почти исключительно при содѣйствіи малочисленной сельской интеллигенціи, точнѣе, тѣхъ немногихъ ея представителей, которые, заброшенные въ сельскую глушь, не ушли всецѣло въ заботы о пропитаніи, но сохранили еще въ душѣ интересъ къ успѣхамъ просвѣщенія».

При археологическомъ съѣздѣ будетъ устроена этнографическая выставка. Успѣхъ ея зависитъ отъ того вниманія, которое окажетъ общество дѣлу устройства ея—сообщеніемъ полезныхъ свѣдѣній, присылкой самихъ вещей. Эту этнографическую выставку предполагается превратить въ постоянное мѣстное учрежденіе—этнографическій музей Малороссіи. Просятъ вещи и всякія свѣдѣнія, запросы о программахъ направлять въ университетъ, въ комиссію по устройству археологическаго съѣзда проф. Д. И. Багалѣю.

Проф. Д. И. Багалѣй прочелъ программы *по древностямъ первобытнымъ и историческимъ*, а проф. Е. К. Рѣдинъ—*по древностямъ церковнымъ*. И по этимъ древностямъ предположено устройство вы-

ставокъ; всякія свѣдѣнія о нихъ, а равно памятники весьма цѣнны; Харьковъ доселѣ не имѣетъ еще музея мѣстныхъ древностей, памятниковъ мѣстной старины въ широкомъ смыслѣ этого слова; нужно надѣяться, что археологическій съѣздъ въ Харьковѣ, вызвавъ интересъ въ мѣстномъ обществѣ къ родной старинѣ, положитъ основаніе этому музею.

Всѣ вышеназванныя программы, по обсужденіи ихъ, были приняты, ихъ рѣшено отпечатать и широко распространить, разославъ народнымъ учителямъ и сельскимъ священникамъ.

Прочитаны были вопросы для описанія архивовъ, разосланные московскимъ археологическимъ обществомъ во всѣ архивы имперіи. Рѣшено обратиться къ обществу съ просьбой—предоставить комиссіи всѣ полученныя обществомъ матеріалы по архивамъ Харьковской губ. для приведенія въ систематическій порядокъ и приготовленія особаго доклада въ видѣ изслѣдованія матеріаловъ указанныхъ архивовъ. Заслушано было письмо И. П. Щелкова, въ которомъ сообщаются весьма интересныя свѣдѣнія о подземныхъ ходахъ г. Харькова и о нѣкоторыхъ древностяхъ Харьковской губ. В. П. Бузескулъ, А. П. Красновъ, В. И. Савва сообщили дополнительныя свѣдѣнія по тому-же предмету. Рѣшено указанныя свѣдѣнія о ходахъ напечатать въ газетахъ съ просьбой сообщить комиссіи дополненія, разъясненія по поводу тѣхъ-же ходовъ, кому они извѣстны.

По предложенію проф. А. П. Краснова рѣшено обратиться въ съѣздъ земскихъ начальниковъ Харьковскаго уѣзда съ просьбой оказать содѣйствіе по устройству этнографическихъ выставокъ въ волостяхъ, а по предложенію А. П. Кадлубовскаго—рѣшено обратиться съ просьбой оказанія помощи и содѣйствія въ трудахъ комиссіи къ Нѣжинскому филологическому институту и состоящему при немъ историко-филологическому обществу.

—

Результаты предстоящаго археологическаго съѣзда уже начинаютъ сказываться. Въ музей изящныхъ искусствъ и древностей Харьковскаго университета уже начинаютъ поступать пожертвованія древностей для пополненія его коллекцій, весьма еще бѣдныхъ собственно мѣстными памятниками старины. Такъ, отъ учителя купянскаго духовнаго училища поступилъ обломокъ весьма интереснаго каменнаго молотка и глиняный горшокъ, весьма древняго происхожденія, съ любопытнымъ орнаментомъ. Императорская архео-

логическая комиссія высылаетъ музею: кремневыя издѣлія, бронзовыя и желѣзныя наконечники стрѣлъ, бронзовую пряжку и обломокъ костяной пряслицы, а также семь золото-ордынскихъ монетъ—вещи изъ находокъ въ Изюмскомъ уѣздѣ, Харьковской губ., близъ с. Райгородка.

Можно надѣяться, что и впредь коллекціи музея будутъ расти и къ съѣзду будутъ представлены въ болѣе или менѣе богатомъ составѣ, какъ матеріалъ, который можетъ составить интересъ и для пріѣзжихъ ученыхъ, и вообще для изслѣдователей старины. («Харьк. Вѣд.»).

Ученыя общества.

Въ № 6 Волынскихъ Епарх. Вѣдомостей за нынѣшн. годъ помѣщенъ *Отчетъ о состояніи Волынскаго Церковно-Археологическаго Общества въ 1899 году.* Кромѣ участія въ XI Археолог. съѣздѣ, дѣятельность общества или правильнѣе—стоящаго во главѣ его Распорядительнаго Комитета выразилась главнымъ образомъ въ организаціи, по примѣру 1898 года, экскурсіи для изслѣдованія памятниковъ волынской старины, преимущественно церковной. Въ экскурсіи этой приняли участіе каѳедральный протоіерей Н. Н. Трипольскій и О. А. Фотинскій. Совмѣстно обоими экскурсантами посѣщены были г. Новоградволынскъ и м. Корецъ и затѣмъ отдѣльно г. Фотинскимъ: м. Гоща, с. Дорогобужъ, Рясники, м. Горинградъ, с. Бабинъ, г. Острогъ, м. Межиричи, с. Привитовъ, монастыри: Дерманскій, Городищенскій и Любарскій, г. Овручъ, м. Искорость, с. Потаповичи и Бехи. Главною цѣлью экскурсіи было обозрѣніе древностей церковныхъ. Попутно г. Фотинскимъ изслѣдованы были Взвягельское (Новоградволынское) городище лит. періода, курганы и городища с. Дорогобужа и вообще топографія этого б. удѣльнаго города Волынской земли, по Горыни первобытныя древности м. Искорости—древняго Коростеля древлянской земли. Въ силу кратковременности экскурсіи и недостатка денежныхъ средствъ, изслѣдованія эти носили только внѣшній характеръ и лишь выяснили необходимость болѣе детальныхъ изслѣдованій, путемъ систематическихъ раскопокъ. Особенно желательно-бы съ точки зрѣнія церковной археологіи, произвести такія изслѣдованія въ с. Дорогобужѣ, гдѣ на полуразрушенной на-

сыни, примыкающей къ городищу удѣл. періода, было очевидно старое кладбище и вѣроятно храмъ, гдѣ каменная церковь сохранила слѣды древнѣйшей кладки XI—XII вв., хотя подвергалась позднѣйшимъ перестройкамъ,—и къ с. Чекнѣ, Дубенскаго уѣзда, на большой возвышенности, служившей въ XV—XVI вв. подножіемъ монастыря во имя Честнаго Креста, гдѣ видны въ рѣчныхъ размывахъ рѣки Стыри слѣды стараго фундамента, кафель и находятся другіе памятники церковные—остатки нѣкогда высокочтимаго монастыря, разрушеннаго сначала татарами и потомъ уніатами. Особенное вниманіе экскурсанта было также обращено на безусловно древнѣйшій памятникъ церковнаго зодчества на Волыни, Овручскій храмъ св. Василія. Зданіе, не смотря на X вѣковую давность, не подвергаясь почти никакимъ передѣлкамъ, сохранилось до нынѣ въ значительной своей части и реставрація его представляется вполнѣ возможною и врядъ-ли очень много потребовала бы средствъ. Съ благословенія Его Высокопреосвященства открытъ уже сборъ пожертвованій для этой цѣли. Понятно, что реставрація должна вестись не мѣстными силами, а при участіи вполнѣ компетентныхъ спеціалистовъ. Особенно желательна умѣлая реставрація древнѣйшихъ фресокъ, сохранившихся здѣсь, чтобы не повторилась съ нами вандальская исторія реставраціи фресокъ Кіево-Кирилловскаго монастыря. Въ значительной степени сохранили старинный отпечатокъ въ архитектурѣ своей также каменные храмы XVI—XVII вв. м. Гощи и м. Корца. За то въ нихъ не сохранилось почти никакихъ другихъ остатковъ старины. Съ сожалѣніемъ приходится упомянуть о варварскомъ истребленіи цѣликомъ или частью фресокъ Городищенскаго монастыря, хотя происхожденія позднѣйшаго (XVIII в.), но какъ по художественному достоинству своему, такъ и по сюжетамъ своимъ и какъ историческій памятникъ запад. вліянія лицевыхъ библій на церковную живопись въ уніатскую эпоху, вполнѣ заслуживавшихъ лучшей участи. Въ архитектурѣ храмовъ монастырскихъ Дерманскаго, Городищенскаго и Любарскаго никакихъ почти остатковъ старины не замѣчается. За то въ нихъ найдены чрезвычайно любопытные памятники древняго письма и печати. Особенное богатство въ этомъ отношеніи представляетъ Дерманскій монастырь. Не вдаваясь въ подробности, достаточно сказать, что въ монастырской библіотекѣ хранятся 26 нумеровъ древнихъ рукописныхъ книгъ, восходящихъ къ XIV—XV вв., нѣкоторыя изъ нихъ съ подписями кн. К. И. и К. К. Острожскихъ,

Мелетія Смотрицкаго и др.; среди нѣсколькихъ сотенъ старопечатныхъ книгъ на разныхъ языкахъ попадаются такія библіографическія рѣдкости, какъ Дермапскій Октоихъ 1610 г., Рохмановское учительное евангеліе 1618 г. и много книгъ съ автографами и замѣтками на поляхъ Мелетія Смотрицкаго, могущими дать богатый матеріалъ для характеристики эрудиціи, научныхъ интересовъ и вообще для біографіи этого виднаго дѣятеля церковной исторіи Волыни. Здѣсь же хранятся нѣкоторыя крайне интересныя старинныя иконы, рѣдчайшій крестъ съ медальоннымъ изображеніемъ кн. К. И. Острожскаго и др. памятники. Къ сожалѣнію, для охраненія этихъ научныхъ богатствъ монастырь не имѣетъ ни достаточно средствъ, ни свѣдущихъ людей. Многія книги полуистлѣли отъ сырого, непровѣтриваемаго помѣщенія; любопытные иконы и портреты найдены на чердакѣ, въ пыли, среди всякаго хлама. Въ 1896 г. въ монастырскомъ архивѣ имѣлось шесть сундуковъ съ разнаго рода старинными актами; нынѣ сохранился изъ нихъ только сундукъ № 4, а прочіе исчезли неизвѣстно куда. Такова судьба и всѣхъ памятниковъ старины въ нашихъ глухихъ монастыряхъ и сельскихъ церквахъ. Иногда по недостатку средствъ, иногда по невѣжеству гибнутъ они, иногда попадаютъ въ руки частныхъ коллекціонеровъ-любителей или въ музеи иногородные. Централизація этихъ памятниковъ въ общемъ Волынскомъ музеѣ, въ рукахъ людей свѣдущихъ и интересующихся памятниками старины—единственное средство для сбереженія въ будущемъ того, что еще успѣло сохраниться отъ прежнихъ вѣковъ.

Нѣсколько любопытныхъ актовъ найдено въ библіотекѣ Городищенскаго монастыря. Въ библіотекѣ Любарскаго женскаго монастыря хранится множество разнаго рода ученыхъ богословскихъ трактатовъ, писанныхъ въ разныхъ монастыряхъ Волыни и смежныхъ съ нею мѣстностей Россіи монахами-базиліанами и не безъинтересныхъ для исторіи духовнаго просвѣщенія на Волыни. Во всѣхъ трехъ осмотрѣнныхъ монастырскихъ библіотекахъ нѣтъ и слѣда какихъ-либо каталоговъ или описей и полное исчезновеніе книгъ и рукописей ничѣмъ не можетъ быть проконтролировано. Изъ осмотрѣнныхъ экскурсантами приходскихъ храмовъ найболѣе вниманія заслуживаютъ старый деревянный храмъ с. Дорогобужа, храмъ м. Межирича—величественный памятникъ архитектуры XVI—XVII вв., наше старинное аббатство съ башнями и бойницами, валами и рвами,—и осо-

бенно старомѣстная церковь г. Острога. Это любопытнѣйшій памятникъ деревянной церковной архитектуры XVI в., сохранившій всѣ черты стариннаго зодчества и внутри увѣшанный массою иконъ стариннаго письма, крайне любопытныхъ по своему содержанію. Въ высшей степени желательно, чтобы при предстоящей въ близкомъ будущемъ реставраціи этого храма не былъ искаженъ его современный типъ, что къ сожалѣнію столь обычно на Руси.

Результатомъ экскурсіи было возбужденіе ходатайства, увѣнчавшагося уже успѣхомъ, о передачѣ въ Волынское Древлехранилище предметовъ, намѣченныхъ экскурсантами.

Изъ приращеній Древлехранилища въ отчетномъ году слѣдуетъ отмѣтить рукописи и старопечатныя книги Загоровскаго монастыря, пріобрѣтенную въ г. Овручѣ коллекцію древностей неолитической эпохи и коллекцію каменныхъ орудій изъ Кременецкаго у., пожертвованную П. И. Тиховскимъ.

Что касается издательской дѣятельности Общества, то здѣсь можно указать на рѣшеніе распорядительнаго комитета приступить къ изданію 2-го выпуска „Волынскаго Историко-Археологическаго Сборника", для котораго намѣченъ уже рядъ статей.

Изслѣдованія и раскопки.

Въ теченіи 1897—99 гг.. *М. К. Якимовичемъ* былъ отрытъ и изслѣдованъ цѣлый рядъ *дюнныхъ стоянокъ каменнаго вѣка* на правомъ берегу р. Уши, вблизи впаденія ея въ Припять, въ Радомысльскомъ у. Кіевской губ.

Стоянка, давшая болѣе всего предметовъ, находится у с. Заполья, затѣмъ, слѣды стоянокъ замѣтны у сс. Черевача и Рутичъ и у д. Губино. Всѣ эти стоянки почти соприкасаются одна съ другой.

На стоянкѣ у Заполья найдено нѣсколько сотъ отбивныхъ кремневыхъ орудій. Здѣсь имѣются отлично подправленные наконечники стрѣлъ: треугольные, сердцевидные, ромбическіе, овальные, съ стержнями и трапецовидные, отбивные ножики, $2^1/_2$—7 смт. длиною, скребки, много начатыхъ работой орудій. Изъ орудій производства найдены отбойники изъ кварцита. Шлифованныя каменныя орудія встрѣчены лишь въ обломкахъ, это были молотки со сверлинами изъ сланца. Найденъ также одинъ камень для растиранія зе-

ренъ. Изъ глиняныхъ издѣлій попадались черепки сосудовъ, разной формы пряслицы, иногда орнаментированныя, и пряслицы изъ черепковъ.

Какъ это всегда бываетъ, на тѣхъ-же дюнахъ выдуваются вѣтромъ и предметы другихъ эпохъ. Здѣсь, на берегу Уши, найдены: часть мѣднаго кованнаго копья, бронзовая игла 6 стм. длиной и небольшое бронзовое долотцо. Кромѣ того, тутъ-же собрана цѣлая серія скифскихъ бронзовыхъ стрѣлъ и нѣкоторыя бронзовыя украшенія. Изъ желѣзныхъ предметовъ найдены: стрѣлы, главн. обр. ромбической формы, игла 6 стм. длины, ножики. Имѣется также довольно много бусъ—стеклянныхъ и изъ композиціи.

Данная часть Кіевской губ. еще очень мало изслѣдована въ археологическомъ отношеніи; изслѣдованія г. Якимовича дали нѣсколько новыхъ фактовъ—они очень пригодятся, какъ дополненіе къ уже имѣющимся.

Часть собранной коллекціи г. Якимовичъ предназначилъ для Кіевскаго Музея Древностей и Искусствъ.

Случайныя находки.

Съ наступленіемъ весны открылся сезонъ раскопокъ на городищѣ Княжа Гора и открылся довольно удачно. Въ результатѣ—большая партія древностей, привезенная въ Кіевъ скупщиками въ первыхъ числахъ апрѣля. Кромѣ желѣза, разныхъ мелкихъ издѣлій изъ бронзы, серіи сосудовъ, въ этой партіи находился и цѣлый небольшой кладъ серебряныхъ украшеній, найденный въ юго-западномъ углу городища въ очень плотной, каменистой почвѣ. Въ кладѣ находились: 12 гладкихъ височныхъ колецъ, одно такое же кольцо изъ электрона, перстень съ орнаментированнымъ ромбическимъ щиткомъ, перстень (сильно попорченый) съ гнѣздомъ для камня, 8 серегъ кіевскаго типа, изъ которыхъ у 7-ми шарики сплошные бисерные, у одной филигранной работы и у одной ажурные, пара крупныхъ шестилучистыхъ серегъ, сплошныхъ бисерныхъ, съ такими-же небольшими конусами посрединѣ, и наконецъ одинъ колтъ, съ ажурнымъ ободкомъ кругомъ, украшенный на одной сторонѣ двумя птицами, а на другой—плетенымъ орнаментомъ. Всѣ предметы клада носятъ слѣды продолжительнаго ихъ употребленія.

Независимо отъ клада найдена еще золотая пятилучистая серьга—чудный образецъ тонкой филигранной работы XII—XIII в.

Музеи и собранія древностей.

Музей при Житомірской публичной библіотекѣ. Помимо своего прямого назначенія какъ книгохранилища, библіотека даетъ пріютъ и нѣкоторымъ другимъ предметамъ, куда послѣдніе стекаются по причинѣ отсутствія въ Житомірѣ общественнаго музея. Среди другихъ предметовъ, здѣсь имѣется также и небольшое археологическое собраніе, которое время отъ времени пополняется новыми поступленіями.

Такъ, въ 1899 г. сюда поступило нѣсколько предметовъ каменнаго вѣка, числомъ 25, найденныхъ преимущественно въ Овручск. у. Вол. губ. Находки эти въ разное время сдѣланы были крестьянами. Нѣкоторымъ предметамъ пришлось пролежать довольно долго въ какой-нибудь скрынѣ или бодцѣ, и владѣльцы, особенно же владѣлицы разставались съ ними весьма неохотно, считая полезнымъ держать эти древности вмѣстѣ съ деньгами, мукой и т. п., «щобъ гроши (або мука) не переводылысь».

Образовавшаяся, путемъ пріобрѣтенія такихъ находокъ, коллекція состоитъ: изъ кремневыхъ долотъ разной величины, молотовъ, преимущественно діоритовыхъ, съ просверленными отверстіями, отчасти цѣлыхъ, отчасти разбитыхъ и недодѣланныхъ, а также пряслицъ изъ шифера и краснаго песчанника, одного очень изящнаго топорика и каменнаго грузила.

За исключеніемъ прекрасно сохранившагося молота, найденнаго въ с. Корчевкѣ Житомірск. у., да трехъ кремневыхъ долотъ и молотка изъ с. Татариновки, с. Васьковичей и хут. Соловьева, всѣ остальныя находки сдѣланы въ с. Болсунахъ и въ с. Михайловкѣ Овручскаго у., при чемъ, кажется, можно утверждать съ нѣкоторой вѣроятностью, что въ Михайловкѣ существовала въ доистор. время мастерская орудій полированнаго камня и пряслицъ. Наводятъ на такое предположеніе найденные тамъ разбитые предметы, а также куски камней, подвергшіеся, повидимому, обработкѣ, но затѣмъ брошенные недодѣланными; довольно интересенъ молотъ съ отбитымъ, на высотѣ отверстія, верхнимъ концомъ и слѣдами попытки проснерлить новое отверстіе въ другомъ мѣстѣ.

Въ коллекцію одновременно съ каменными поступили и два желѣзныхъ орудія: мотыка и сѣкира. Послѣдняя, найденная въ с. Болсунахъ, весьма типичной формы западно-европейскихъ орудій этого рода, эпохи не позже VIII вѣка.

Въ музеѣ хранятся еще и другіе предметы древности изъ губерніи Волынской (обломки стеклянныхъ браслетовъ, бусы, жернова краснаго песчанника изъ Овр. у. и. т. п.), губерніи Подольской (мѣдныя иконки и такіе же крестики, между которыми иные могутъ быть отнесены, кажется, къ XVI в.), изъ Галиціи (бронзовый ножикъ, обломки глиняной посуды изъ могильника въ Бильче-Злоте; характерное ушко сосуда, представляющее стилизованную баранью голову, желѣзное долото и др.).

Для полноты нужно упомянуть еще о коллекціи видовъ разныхъ мѣстностей Волыни, имѣющихъ историческое значеніе (преимущественно литографіи), а также о коллекціи нумизматическихъ находокъ на Волыни (преимущественно польскія монеты). [1])

Разныя извѣстія.

Мы уже сообщали о возникновеніи *въ Воронежѣ ученой архивной комиссіи.* [2]) По словамъ «Южн. Кр.» въ Воронежѣ основывается еще одно ученое учрежденіе, также находящееся въ связи съ будущимъ Харьковскимъ съѣздомъ, именно, *Церковно-археологическій комитетъ.* Программа дѣятельности церковно-археологическаго комитета уже разработана: его члены займутся обработкой церковно-историческаго архивнаго матеріала, будутъ наблюдать за тѣмъ, чтобы не погибали памятники старины, слѣдить за исправнымъ веденіемъ церковныхъ лѣтописей и т. п. При комитетѣ открывается музей, куда будутъ собраны предметы церковной старины со всей епархіи.

Въ Кіевѣ, въ зданіи музея древностей и искусствъ, открыта *Историко-археологическая выставка*, размѣщенная въ трехъ залахъ и галлереѣ нижняго этажа. Выставка представляетъ изъ себя повтореніе, хотя значительно уменьшенное, выставки, бывшей въ музеѣ во время прошлаго археологическаго съѣзда.

---

[1]) Вышеприведенныя свѣдѣнія любезно сообщены намъ Я. В. Ярошкимъ.

[2]) См. „Лѣтопись“ н. г. мартъ.

Харьковскимъ городскимъ управленіемъ пріобрѣтенъ для городского музея старинный альбомъ акварелей, изображающихъ разные виды изъ окрестностей Харькова и типы мѣстныхъ обывателей. Альбомъ этотъ былъ разысканъ проф. Д. И. Багалѣемъ у г. Свичеревскаго, отъ котораго и купленъ городскою управою за 100 руб. Всѣ картины исполнены неизвѣстнымъ художникомъ, очевидно съ натуры и помѣчены 1800 годомъ. (Хар. Губ. Вѣд.).

Къ рисунку.

Въ № 14 журнала «Искусство и художественная промышленность» помѣщена статья *Е. М. Кузьмина—XI Археологическій съѣздъ въ Кіевѣ*. Въ этой статьѣ авторъ, отмѣтивъ всѣ рефераты, правда очень немногочисленные, касавшіеся искусства, подольше остановился на двухъ—М. Н. Истомина—Главнѣйшія черты иконографіи на Волыни отъ XVI до XVIII вѣковъ и Фрески XVII и XVIII вѣка въ храмахъ и костелахъ юго-западной Россіи и отголоски прошлаго въ нихъ». Переходя затѣмъ къ обзору выставокъ и бросивъ довольно поспѣшное замѣчаніе по адресу доисторическихъ памятниковъ, что «врядъ-ли они представляютъ интересъ для многихъ, кромѣ тѣхъ, кто ихъ нашелъ», авторъ обращаетъ главное вниманіе на памятники искусства. Здѣсь надо отмѣтить одно замѣчаніе, также не вполнѣ вѣрное; авторъ говоритъ: «Вообще-же надо сказать, что на выставкѣ весь періодъ времени до XVII столѣтія—въ художественномъ отношеніи не имѣлъ особенно выдающихся представителей». Но на выставкѣ было достаточно предметовъ хотя-бы княжескаго періода, какъ напр. золотыхъ и серебряныхъ украшеній тонкой ювелирной работы, съ эмалью и чернью, крестовъ, образковъ и т. п. (коллекціи Ханенко, Тарновскаго, Чернева), носящихъ всѣ признаки искусства и искусства совершеннаго. Въ видѣ исключенія авторъ указываетъ на одну каменную рѣзную иконку этого періода.

Но, повидимому, въ этой части своей статьи авторъ поставилъ цѣлью поближе ознакомить публику съ иконографической выставкой, заключавшей въ себѣ предметы главнымъ образомъ XVI—XVII вѣковъ. Вполнѣ справедливо мнѣніе автора, что система подраздѣленія выставленныхъ иконъ, принятая г. Истоминымъ, не выдерживаетъ критики. Иконы раздѣлены на четыре группы: 1. иконы съ отпечаткомъ византійской композиціи, 2. иконы, носящіе отпеча-

1.

2.

4.

3.

5.

1. Икона Спасителя изъ Дубешской Крестовоздвиженской пустыни, вѣроятно начала XVI в.
2. Икона Воскресенія изъ той-же пустыни.
3. Икона Спасителя XVII в. изъ той-же пустыни.
4. Царскія врата XVI—XVII в. изъ разобранной Вяземской церкви въ г. Ковелѣ.
5. Щитикъ воздухъ 1598 г.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Вышла Апрѣльская (четвертая) книга

ежемѣсячнаго литературно-политическаго журнала

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Содержаніе: I) Гибель кумировъ. Повѣсть—В. Я. Свѣтлова. Окончаніе. II) Стихотвореніе—А. Глѣбовой. III) Подъ липами. Романъ. Рудольфа Штратца. Пер. съ нѣм. Н. К. IV) Стихотвореніе.—М. Жемчужникова. V) Около господъ. Повѣсть.—Д. Н. Мамина-Сибиряка. Окончаніе. VI) Не хотѣлъ. (Случай).—Н. Анненковой Бернардъ. VII) Неизданное стихотвореніе А. С. Пушкина (съ facsimile). VIII) Изъ жизни К. Д. Кавелина во Франціи и Германіи въ 1862—1864 гг. (По его перепискѣ за это время).—Д. А. Корсакова. IX) Новыя страданія. (Романъ Жюля Боя).—Л. Г. X) Алчущія души.—Ив. И. Иванова. Продолженіе. XI) Опытъ оздоровленія деревни.—П. Г. Ганзена. Продолженіе. XII) Горнозаводскіе крестьяне во второй половинѣ XVIII вѣка.—В. И. Семевскаго. Продолженіе. XIII) Пересмотръ положенія о крестьянахъ. А. В. Еропкина. Продолженіе. XIV) О задачахъ правильной организаціи труда душевно-больныхъ въ психіатрическихъ больницахъ.—С. С. Ступина. XV) Образовательныя задачи англійскихъ рабочихъ клубовъ.—А. Я. XVI) Современное состояніе вопроса о методахъ изученія литературныхъ произведеній.—М. Н. Розанова. XVII) Болѣзнь Фр. Ницше. Е. Г. XVIII) Разрозненныя силы.—П. Н. Обнинскаго. Окончаніе. XIX) Женское движеніе въ современной Англіи.—Н. Мировичъ. XX) Беллетристы новѣйшей формаціи (М. Горькій: «Очерки и разсказы». Томъ III. СПБ., 1899 г. Танъ: «Чукотскіе разсказы». СПБ., 1900 г. В. Вересаевъ: «Очерки и разсказы». СПБ., 1899 г.)—М. А. Протопопова. Окончаніе. XXI) Внутреннее обозрѣніе. XXII) Иностранное обозрѣніе В. А. Г. XXIII) Библіографическій отдѣлъ. XXIV) Объявленія.

Подписная цѣна на 1900-й годъ (двадцать первый годъ изданія) съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россіи: 12 мѣс.—12 руб.,

9 мѣс.—9 руб., 6 мѣс.—6 руб., 3 мѣс.—3 руб., 1 мѣс.—1 руб.; За границу: 12 мѣс.—14 руб., 9 мѣс.—10 руб. 50 к., 6 мѣс.—7 р., 3 мѣс.—3 руб. 50 коп., 1 мѣс.—1 руб. 25 коп.

Допускается разсрочка: при подпискѣ, 1-го Апр., 1-го Іюля, 1-го Октября по 3 руб. при непосредственномъ обращеніи въ контору или ея отдѣленія. Цѣна отдѣльнаго номера съ перес. 1 р. 30 к. Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 к. съ годовой цѣны журнала. Подписка принимается: въ Москвѣ: въ конторѣ журнала—Б. Никитская, Шереметевскій пер. д. гр. Шереметева 2—3 кв. 28. Въ СПБ. въ кн. мг. Н. П. Карбасникова, Въ Кіевѣ: въ кн. мг. Н. Я. Оглоблина; въ Варшавѣ: кн. мг. Н. П. Карбасникова. Въ Вильнѣ въ кн. мг. Н. П. Карбасникова. Новые подписчики и всѣ желающіе пріобрѣсти начало романа Г. Сенкевича „Крестоносцы“ благоволятъ уплачивать 1 р. 50 к. съ пертсылкой. При редакціи находится магазинъ русскихъ и иностранныхъ книгъ: (Б. Никитская, д. Вельтигуевой) съ пріемомъ подписки на всѣ журналы, газеты и словари Брокгауза и Гранвти. Кн. маг. принимаетъ на коммиссію постор. ваданія и высылаетъ по первому требованію всѣ существующія въ продажѣ книги и ноты, принимаетъ на себя составленіе народн. и другихъ библіотекъ на какія угодно суммы, даетъ справки по открытію народныхъ и школьныхъ библіотекъ и складовъ для продажи книгъ.

Продолжается подписка на 1900-й годъ.

Редакторъ-Издатель *В. М. Лавровъ.*

Историческій очеркъ мѣстности, составлявшей Прилуцкій полкъ. Прилуцкій полкъ занималъ оба бе́рега р. Удая, начиная отъ устья рч. Перевода къ сѣверу до его истока, а равно и оба берега рч. Лисогора и оба же бѐрега верховій рч. Ромна. По пространству своей площади Прилуцкій полкъ былъ однимъ изъ трехъ (кромѣ Прил—аго, Гадяцкій и Полтавскій) наименьшихъ *полковъ* старой Малороссіи. Указанная выше мѣстность имѣла уже населеніе и въ в. княжескій періодъ: о Прилукѣ говоритъ Владиміръ Мономахъ въ своемъ поученіи („и ѣдучи къ Прилуку городу"), а о Переволочнѣ лѣтопись упоминаетъ въ 1092 г. („и взяша три града Пѣсоченъ, Переволоку, Прилукъ"); весьма вѣроятно, что лѣтописный Серебряной (1174 г.) есть теперешнее Срѣбное. Несомнѣнно, что были тутъ въ древности и другія поселенія, для которыхъ извилистое теченіе Удая представляло защищенныя мѣста на возвышенностяхъ, окруженныхъ водою и болотами[1]). Много при этомъ помогали и поросшіе лѣсами глубокіе *яры*, находящіеся къ востоку отъ Удая. Пространство на западъ отъ Удая было степное и потому тутъ поселеній не было, вѣроятно, до XVI вѣка. Запустѣвшая послѣ Батыева разоренія Южная Русь лѣваго берега Днѣпра снова стала заселяться не позже нач. XV в. При спорѣ Московскаго государства съ Польшею за „Путивльскій рубежъ" въ 1638 г., поляки говорили, напр., что „волость" Роменская поселена при Казимірѣ Ягеллонѣ (1447—1492), а волость Торговицкая—при королѣ Александрѣ (1492—1506[2]). Другихъ поселеній въ бассейнѣ Удая

[1]) Типъ такихъ защищенныхъ Удайскими болотами мѣстностей представляютъ собою м.м. Переволочное и Монастырище.

[2]) Дворцовые Разряды, II, 899.

и верхней Сулы, существовавшихъ въ XV в., поляки при этомъ не указывали потому, вѣроятно, что другихъ замѣтныхъ поселеній въ этой мѣстности тогда еще не было. Удайскіе берега еще и въ полов. XVI в. были настолько пустынны, что тутъ были лишь *уходы*, отчасти Остерскихъ „козаковъ“, а отчасти Каневскихъ мѣщанъ. Въ 1559 г. царь сообщалъ Польскому королю: „а нине писалъ къ намъ исъ Чернигова наместникъ нашъ, дьякъ Ружевъскій, что твои Остренскіе козаки, пришедъ на наши Черниговские ухожаи, *на Удаи*, многіе борти выдрали, изымали нашого сына боярского“... [1]) Почти въ то же время (1578 г.) король Стефанъ Баторій писалъ князю Вишневецкому, старостѣ Каневскому и Черкасскому, чтобъ мѣщанъ Каневскихъ отъ Байбузы, который *въ земли ихъ Каневскіе* и въ рѣку Сулу и *Удой* вступается и отнимаетъ на себя, боронилъ и въ обиду не давалъ, и земель, и рѣкъ и угодей Каневскихъ займать не допущалъ“. [2]) Но въ томъ же 1578 г. Стефанъ Баторій выдаетъ тому же Байбузѣ грамоту на ту же самую территорію: „за заслуги и дѣльность въ речахъ рыцарскихъ шляхетного Михайла Грибуновича Байбузы далисмо ему въ старостве нашемъ Черкасскомъ и Каневскомъ *пустыню ко осаженю людьми* названую реку Сулу, *реку Удай* и реку Солоницу, зъ рѣчками и озерами...“ [3]) Но эта пустыня не долго побыла у Байбузы, такъ какъ въ 1582 г. она была у послѣдняго отнята кн. Александромъ Вишневецкимъ, который всѣ Посульскія и Поудайскія земли „привернулъ до замку своего Черкасскаго“ и забралъ все что получалъ Байбуза отсюда: „меды, рыбу, зверину“. [4]) Грамотою 1590 г. Сигизмундъ III земли эти утвердилъ за Александромъ Вишневецкимъ, успѣвшимъ помириться съ Байбузою, которому король далъ при этомъ земли по р. Іслу [5]). Вотъ съ этого времени Поудайскія земли и стали заселять Вишневецкіе, какъ это видно изъ споровъ происходившихъ въ 1638 г. между поляками и Московскими боярами за Путивль-

[1]) Книга посольск. метр. вел. кн. Литовск., I, 168.

[2]) Дворцов. Разряды, II, 903.

[3]) Литовск. метрика въ Моск. архивѣ м—ва юстиціи, выписки изъ которой получили мы отъ Ф. Д. Николайчика, за что и приносимъ ему большую нашу благодарность.

[4]) и [5]) Тамъ-же.

скій рубежъ, причемъ первые говорили, что бассейнъ Удая и верхней Сулы „позасѣдали Польскіе и Литовскіе люди до перемирныхъ лѣтъ (т. е. до 1619 г.) и поставили на тѣхъ земляхъ шесть городовъ: Варву, Журавку, Куренку, Многой, Снѣтинъ, Синецъ“ [1]). Это свѣдѣніе пополняется и поясняется очень интереснымъ, недавно найденнымъ, документомъ [2]), идущимъ отъ тѣхъ же поляковъ, въ которомъ говорится, что бассейнъ Удая засе-

---

[1]) Переписка между Россіею и Польшею, Н. Н. Бантышъ-Каменскаго. М. 1862. Ч. Ш, стр. 103.

[2]) Въ связкахъ разныхъ польскихъ и друг. документовъ 1632—1668 г.г., находящихся въ т. наз. Tidöu Samlingen Шведскаго государственнаго архива въ Стокгольмѣ, Н. В. Молчановскій (занимаясь въ этомъ архивѣ въ началѣ 1899 г.) встрѣтилъ тетрадку безъ даты, озаглавленную такъ: Miasta i słobode, kture na gruncie W—a Czernihowskiego erectae przez Koreckiego y x. Wiszniewieckich osadzone». Здѣсь перечислены слѣдующія поселенія „старой и новой осады“: Городище-Воронково, городъ Прилука (домовъ 800; къ нему селъ и хуторовъ, „dawney osady“ до 40) городище Городня, городище Сребрне, город. Бурылове, слобода Варва, слобода Журавка, мѣстечко Куренка, гор. Паробково (?), городище Многинское, мѣстечко Снятинъ, г. Сенча, городъ Лохва(ица?) слобода Пессала (Безсалы ?), городище Чернечье (?), слобода Новое Лозовое, городище Zyerne, мѣстечко Переволочна, слобода Бѣлошапка, городъ Пирятинь, городище Хлебель Пусте (?), городище Повстинское, городъ Лубны».

Въ документѣ говорится, что все это осажено на Черниговскихъ грунтахъ «za czasu impostoror», т. е. самозванцевъ, а другіе позже, лишь нѣсколько лѣтъ назадъ. Однако (добавлено въ документѣ), инквизицію трудно было сдѣлать, ибо не допускали силою.

Тутъ же, отмѣчено особо, что кн. Острожскій, панъ Краковскій, распоряжаясь Переяславскими грунтами, осадилъ на Черниговскомъ грунтѣ: замокъ и городъ Быковъ (домов. 400), слоб. Воронки, слоб. Красношапку, слоб. Держикрай, замокъ и городъ Миргородъ (500 домовъ).

Можно думать, что документъ этотъ происхожденіемъ своимъ обязанъ тому же «спору за Путивльскій рубежъ», когда поляки старались доказать, что бассейнъ Удая заселенъ ими. Время составленія этого документа объясняется указаніемъ на *W—wo Czernihowskie*, возникшее послѣ Поляновскаго перемирія.

ленъ *во время самозванцевъ* (za czasu impostorow) т. е. въ концѣ XVI и самомъ началѣ XVII в.в.—Быстрѣе двинулась колонизація Удайскаго бассейна, когда сталъ тутъ распоряжаться Іеремія Вишневецкій и сдѣлалъ Прилуку однимъ изъ центровъ лѣвобережныхъ своихъ имѣній. При немъ указываются слѣдующія тянувшія къ Прилукѣ поселенія: Монастырище, Галка, Городня, Гмировка, Ичня, Иваница (Jwania), Голенка, Красный Колядинъ (Krasne), Корибутовъ, Липовое, Крапивна, Самборъ, Сокиренцы, Срѣбное, Талалаевка [1]). Названныя здѣсь поселенія могли возникнуть въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ XVII в., т. е. уже послѣ самозванцевъ.

Возстаніе Хмельницкаго и первыя его побѣды взволновали и лѣвобережное Поднѣпровье; Іеремія Вишневецкій увидѣлъ, что въ „Заднѣпріи“ ему оставаться нельзя и поспѣшилъ отсюда уйти. Его уходъ окончательно освободилъ лѣвобережную Украину отъ поляковъ; освободилась при этомъ и Прилуччина. Это было въ 1648 г., а въ слѣдующемъ, 1649-мъ году, въ „реестрахъ“ Войска Запорожскаго Прилуцкій полкъ уже значится въ составѣ 20-ти сотенъ.

Прилуцкіе полковники. **Тимофей Носачъ, 1649. Федоръ Кисель (?). Иванъ Шкуратъ, 1651. Якимъ Самко, 1652. Яковъ Воронченко, 1654, 56, 57. Петръ Дорошенко, 1657—58. Яковъ Воронченко, 1659. Федоръ Терентьевичъ Терешенко, 1559, 62. Лазарь Горленко, 1661. Дмитрій Чернявскій, 1662, 63. Данило Андреевичъ Песоцкій, 1663—64. Лазарь Горленко, 1664—68. Иванъ Щербина (Кошевой), 1668 — 69. Иванъ Маценко, 1669. Семенъ Третякъ, 1671. Лазарь Горленко, 1672—77. Иванъ Маценко, 1677 Федоръ Молчанъ, 1678. Дмитрій Чернявскій, 1679. Лазарь Горленко, 1680—87. Иванъ Стороженко, 1687—92. Дмитрій Лазаревичъ Горленко, 1692—708. Иванъ Яремовичъ Носъ, 1708—1714. Игнатъ Ивановичъ Галаганъ, 1714—39. Григорій Игнатовичъ Галаганъ, 1739—63. Иванъ Даниловичъ Тарновскій, 1772. Александръ Яковлевичъ Якубовичъ, 1773—81.**

Первымъ Прилуцкимъ полковникомъ былъ **Тимофей Носачъ**, показанный на этомъ урядѣ въ *реестрахъ* 1649 г. [2]). Вторымъ

[1]) Podole, Wotyn, Ukraina, Al. Przezdzieckiego, I, 41—44.

[2]) Реестра Войска Запор., изд. Бодянскаго, 304.

полковникомъ называется **Федоръ Кисель**, но называетъ его только одна *Исторія Русовъ*, почему можно полагать, что это лицо вымышлено авторомъ этой книги [1]). **Иванъ Шкуратъ**, показанъ въ спискѣ Максимовича, съ обозначеніемъ: „изъ сотниковъ Прилуцкихъ, убитъ въ 1651 г., въ Берестецкомъ сраженіи". Максимовичъ не говоритъ, откуда взято имъ свѣдѣніе о Шкуратѣ, но можно думать, что оно заимствовано изъ какого нибудь Густынскаго помянника [2]). **Якимъ Самко** показанъ Прилуцкимъ полковникомъ у Величка (I, 119), который говоритъ, что послѣ побѣды Хмельницкаго при Батогѣ, когда поляки побѣжали изъ лѣвобережной Украины, на правый берегъ, то нѣкоторыхъ изъ нихъ, бѣжавшихъ изъ Прилуки къ Конотопу, по приказу Самка *полковника Прилуцкаго*, Яско Воронко, *бывшій полковникъ* Прилуцкій, у Подлипнаго нагнавши, головки имъ поотрубовалъ". Другихъ свѣдѣній о томъ, чтобы Самко былъ Прилуцкимъ полковникомъ—нѣтъ... Здѣсь же, у Величка, мы находимъ и другое свѣдѣніе, нигдѣ болѣе неупоминаемое, что будто бы Воронченко былъ полковникомъ Прилуцкимъ раньше 1652 г.

---

[1]) Прилуцкіе Кисели, изъ числа которыхъ нѣкоторые занимали и полковые уряды, родоначальникомъ своимъ называютъ сотника Журавскаго Ивана Киселя, занимавшаго этотъ урядъ въ к. XVII или нач. XVIII в. *(Дѣло Полт. двор. арх., № 624)*. Нѣтъ сомнѣнія, что Прилуцкіе Кисели помнили бы полковника Федора Киселя, если бы онъ существовалъ и не упустили бы случая назвать его своимъ родоначальникомъ, какъ назвали Киселя Гадяцкіе родоначальникомъ своимъ извѣстнаго Кіевскаго воеводу Адама Киселя, *сынъ* де котораго Иванъ былъ Грунскимъ сотникомъ и убитъ въ Шведскую войну. *(Дѣло Полт. двор. арх., № 849)*.

[2]) Сочин. Максимовича, I, 732. Шкураты несомнѣнно были старые Прилучане: въ актѣ 1688 г. упоминается „п. Иванъ Шкуратенко, тов. войск., обыватель Прилуцкій". По акту 1715 г., Анастасія Ивановая Шкуратовая съ сыномъ своимъ Федоромъ Шкуратомъ, отдали Густынскому м—рю свой садъ въ с. Боршной. Наконецъ, Прилуцкій протопопъ Мих. Трифановскій былъ женатъ на Агафьѣ «Шкуратовнѣ». *(Докум. Густынск. м—ря, въ Кіевск. центр. архивѣ)*. Очень вѣроятно, что всѣ эти лица составляли потомство полковника Шкурата

Въ первый разъ Воронченка встрѣчаемъ на полковничествѣ въ декабрѣ 1654 г. [1]). Повидимому, Воронченко пробылъ полковникомъ до весны 1657 г. Сохранился его „листъ", писанный 28 іюня 1656 г. и заключающій въ себѣ приказъ Красноколядинскому сотнику—недопускать Краснянскимъ сотнянамъ „пустошить лѣсъ славетного п. Ивана Багатого, арендара на тотъ часъ Краснянскаго" [2]) (т. е. Красноколядинскаго). Весною 1657 г., вмѣсто Воронченка, полковникомъ назначенъ былъ извѣстный впослѣдствіи **Петръ Дорошенко**, состоявшій до того „при боку" Хмельницкаго, отъ котораго, слѣдовательно, получилъ онъ и полковничій урядъ. Незадолго до этого Хмельницкій посылалъ „козака Дорошенка" къ Шведскому королю съ своимъ „листомъ" [3]), изъ чего можно видѣть, что Дорошенко былъ довѣреннымъ лицемъ у освободителя Малороссіи. Полковникомъ Дорошенко пробылъ не болѣе года. Ставъ на сторону Выговского, когда тотъ задумалъ снова возвратиться къ Польшѣ, Дорошенко тогда же лишился полковничества: Прилуцкіе полчане били челомъ царю—дать имъ другого полковника, вслѣдствіе чего Ромодановскій „велѣлъ быть въ Прилуцкомъ полку въ полковникахъ на Петрово мѣсто Дорошенка Якову Воронченку, до указу великого государя" [4]). Но и на этотъ разъ Воронченко не долго оставался полковникомъ; въ 1658 г., когда Выговскій уже открыто сталъ на сторону Польши, Воронченко снова пересталъ быть полковникомъ и мѣсто его занялъ столь извѣстный впослѣдствіи Лазарь Горленко, старый козакъ Прилуцкій, записанный уже въ „реестрѣ" 1649 г. [5]) Очень можетъ быть, что и Воронченко былъ заподозрѣнъ въ измѣнѣ, тѣмъ болѣе, что одинъ изъ его зятьевъ Захарій Шійкевичъ служилъ у Выговскаго „подписком" [6]). На

[1]) Акты Ю. и З. Россіи, X, 198.

[2]) Подлинный листъ, полученный отъ гр. Г. А. Милорадовича, находится въ собр. В. В. Тарновскаго.

[3]) Акты Ю. и З. Р., III, 572.

[4]) Тамъ-же, IV, 149.

[5]) Тамъ-же, IV, 250. Реестра В. Запор. 1649 г., изд. Бодянск., стр. 305.

[6]) Тамъ-же, IV, 100. О Шійкевичѣ см. Опис. Старой Малор., II, 304.

этотъ разъ Воронченко совсѣмъ оставилъ войсковую службу и поселился въ Кіевѣ, гдѣ у него на Подолѣ былъ свой домъ около Братскаго монастыря. Здѣсь онъ и умеръ въ 1679 г. Сыновей у него не было, а оставшіяся двѣ дочери были замужемъ, одна за Шійкевичемъ, а другая—за однимъ изъ грековъ-торговцовъ, Иваномъ Грекомъ, который, попавши впослѣдствіи въ козацкую старшику (вѣроятно при помощи тестя), звался уже Яномъ Христофоровичемъ [1]).

Воронченка на полковничьемъ урядѣ замѣнилъ **Федоръ Терешенко**, котораго встрѣчаемъ въ полов. 1659 г., когда вмѣсто Выговскаго гетманомъ сталъ Юрій Хмельницкій [2]). Въ это же время встрѣчаемъ мы снова и Дорошенка въ числѣ полковниковъ того же Хмельницкаго; черезъ него послѣдній велъ переговоры съ Трубецкимъ о тѣхъ „статьяхъ“, на основаніи которыхъ Хмельницкій принималъ булаву [3]). При Хмельницкомъ Дорошенко находился и тогда, когда тотъ присягалъ въ Переяславѣ, въ октябрѣ, на вѣрность царю. Въ числѣ подписей на присяжномъ листѣ находится подпись и Дорошенка съ добавленіемъ „бывшій Прилуцкій полковникъ“. Настоящимъ Прилуцкимъ полковникомъ въ это время былъ Федоръ Терешенко, какъ видно, неграмотный: за него росписался полковой писарь Василій Севастьяновъ [4]), котораго ниже встрѣтимъ подъ именемъ Себастіановича. Терешенко пробылъ полковникомъ до 1661 г., когда полковникомъ снова показывается Лазарь Горненко [5]), но не надолго, такъ какъ въ 1662 г. Терешенко снова замѣняетъ его [6]). Въ это время, какъ извѣстно, сталъ стремиться захватить булаву Самко; о томъ же думалъ и Брюховецкій; началась усиленная интрига, а вмѣстѣ съ нею и частая мѣна полковниковъ. Этимъ слѣдуетъ объяснить, что въ нач. 1663 г. вмѣсто Терешенка полковникомъ является **Дмитрій Чернявскій**. Это былъ

---

[1]) См. ниже, полковые судьи.

[2]) Акты Ю. и З. Р., IV, 252.

[3]) Тамъ же, 254—257.

[4]) Т. ж., 272—273.

[5]) Т. ж., V, 57.

[6]) Т. ж., V, 115.

несомнѣнный сторонникъ Самка, какъ видно изъ акта, записаннаго въ ратушныя Прилуцкія книги въ мартѣ 1663 г., о покупкѣ Чернявскимъ дома въ Прилукѣ, у Густынскаго монаха Федора Гостиловича. Въ этомъ актѣ говорится, что покупка дома состоялась при содѣйствіи „его мил. п. Іоакима Самка, гетмана Войска его царского величества Запорожского", который въ этотъ моментъ находился на Иченскомъ съѣздѣ; тутъ партія Самка присягнула ему „на гетманство" и сговорилась какъ дѣйствовать противъ Брюховецкаго. Но трудно было бороться съ Брюховецкимъ, послѣ того какъ онъ заручился благорасположеніемъ русскаго боярина, присланнаго на *черную раду* въ Нѣжинъ. Брюховецкій безъ труда побѣдилъ своихъ противниковъ, изъ которыхъ главнѣйшіе были казнены, а второстепенные отправлены въ Москву; въ числѣ послѣднихъ былъ и Дмитрій Чернявскій, у котораго имѣніе было отобрано, а самъ онъ сначала, въ сентябрѣ 1663 г., отвезенъ былъ въ Москву, а затѣмъ сосланъ въ Сибирь „на Лену" [1]). На мѣсто Чернявскаго Брюховецкимъ былъ поставленъ **Данило Несоцкій,** выбранный конечно изъ того „гультяйства запорожскаго", изъ котораго Брюховецкій набралъ въ этотъ моментъ новыхъ полковниковъ взамѣнъ старыхъ, имъ тутъ же уничтоженныхъ. Несоцкій пользовался, повидимому, особымъ довѣріемъ, у новаго гетмана, такъ какъ ему, въ числѣ трехъ, Брюховецкій поручилъ присутствовать при казнѣ, въ Борзнѣ, Самка, Золотаренка и друг. [2])

Несоцкій пробылъ на полковничествѣ только до слѣдующаго года, когда, при нашествіи Яна-Казиміра на Малороссію онъ присоединился къ полякамъ [3]). Вмѣсто Несоцкаго поставленъ былъ полковникомъ снова Горленко. На этотъ разъ Горленко пробылъ полковникомъ не менѣе двухъ лѣтъ. Какъ видно, Горленко успѣлъ заслужить особое довѣріе и расположеніе у Брюховецкаго, который давалъ ему важныя порученія; такъ въ январѣ 1665 г., Брюховецкій посылалъ Горленка въ Кіевъ, чтобы онъ, вмѣстѣ „съ царскими ратными людьми, промыслъ надъ не-

[1]) Разрядн. книги, II, 940 и 1033. Акты Ю. и З. Р., VIII, 54.
[2]) Истор. Россіи, Соловьева, изд. Т-ва О. П., III, 115.
[3]) Самовид., изд. Бодянск., 42.

пріятели чинилъ", причемъ тогдашній Кіевскій воевода Чаадаевъ съ этой помощью гетмана настолько грубо обошелся, что и въ городъ не пустилъ Горленковыхъ козаковъ [1])... Въ маѣ того же года, Горленко былъ посланъ отъ гетмана въ Москву съ плѣнными поляками, причемъ полковнику дана была подробная „информація" что̀ говорить и о чемъ просить въ Москвѣ [2]). Очень можетъ быть, что Горленко былъ посланъ въ Москву для собранія свѣдѣній о томъ—какъ будетъ тамъ принятъ гетманъ, самъ собиравшійся въ это время въ Москву. Какъ извѣстно, Брюховецкій отправился въ сентябрѣ въ царскую столицу, окруженный первостепенною старшиною, которая была тамъ награжена жалованьемъ, имѣніями и „дворянствомъ". Получилъ „дворянство" въ Москвѣ и Горленко, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Прилуцкое село Ольшану [3]). На этотъ разъ Лазарь Горленко оставался полковникомъ до 1668 г., когда его замѣнилъ **Иванъ Щербина**. Слѣдуетъ догадываться, что Горленко сначала былъ заподозрѣнъ Брюховецкимъ послѣ замѣченнаго сближенія его съ Прилуцкимъ воеводою Загряжскимъ [4]), а, между тѣмъ, въ это время, (въ нач. 1668 г.) Брюховецкій, вмѣстѣ съ старшиною, рѣшилъ изгнать изъ Украины всѣхъ Московскихъ воеводъ. Подозрѣніе противъ Горленка еще болѣе усилилось, когда до Брюховецкаго, повидимому, дошли слухи, что тайна совѣщанія его съ старшиною была Горленкомъ передана Нѣжинскому протопопу Семену Адамовичу, а отъ послѣдняго она сообщилась Нѣжинскому воеводѣ Ржевскому, который и принялъ свои мѣры противъ готовившагося нападенія... [5]) При такихъ подозрѣніяхъ Горленко не могъ быть не смѣщенъ. Вмѣсто него полковникомъ былъ назначенъ „Ивашко, что былъ напередъ сего на кошу атаманомъ" [6]). Въ этомъ извѣстіи прозвище новаго полковника не указано, но несомнѣнно, что это былъ **Иванъ Щербина**, который, дѣйствительно, въ 1664 г. былъ кошевымъ атаманомъ [7]),

---

1) Интересныя объ этомъ свѣдѣнія тамъ же, 250, и 251.

2) Тамъ же, 281.

3) Грамота на Ольшану напечат. въ Кіевск. Ст. 1887., февр., 263.

4) Тамъ же, VII, 17.

5) Т. ж., VII, 89, 90.

6) Т. ж., VII, 109, 150.

и котораго Прилуцкимъ полковникомъ называетъ одна жалоба Сокиренскаго козака гетману Скоропадскому [1]).

Какъ увидимъ ниже, Щербина сталъ преслѣдовать Горленка, и послѣдній, спасаясь отъ его „налогу", долженъ былъ удалиться изъ Прилуки и искать пріюта и защиты на Запорожьи. Во время волненій на Украинѣ, послѣдовавшихъ за смертью Брюховецкаго, Щербина держалъ сторону Дорошенка [2]); а когда надъ послѣднимъ сталъ превозмогать Многогрѣшный, то Щербина, затворившись въ своей Прилукѣ, пробовалъ отсидѣться, надѣясь, что его патронъ побѣдитъ Московскаго сторонника. Но Дорошенко скоро разочаровалъ своихъ пріятелей и Щербина, сдавши Многогрѣшному Прилуку, „совсѣмъ полкомъ царскому величеству въ винахъ своихъ добилъ челомъ". Прилуцкая старшина однако-жъ была не довольна своимъ полковникомъ, можетъ быть изъ-за Горленка, и поспѣшила пожаловаться на него новому гетману, который тогда же замѣнилъ Щербину Прилуцкимъ есауломъ **Иваномъ Маценкомъ**, но Щербину оставилъ при себѣ [3]). Узнавъ объ этой перемѣнѣ, Горленко поспѣшилъ поздравить прежняго своего есаула и „кума" съ новымъ урядомъ. Вотъ это письмо. „Мой зѣло ласкавый пріятелю, пане полковнику Прилуцкій, мой ласкавый пане и куме... Хотя чрезъ всѣ тѣ времена не могълъ есми за великимъ шалоумствомъ Ивашковымъ (Щербины), который яко не желающій добра вамъ и намъ, разнствіе межъ нами починилъ, и я по нуждѣ, не для чего иного, толко отъ его налогу и злого намѣренія ко мнѣ, изъ Прилуки выѣхалъ есмь, а онъ на достойность нашу и заслугу Войску Запорожскому наступати хотѣлъ, и его Богъ въ невѣдѣніи наказалъ и вручилъ урядъ полковничества тебѣ, пріятелю моему... Прямое же дѣло тебѣ, пріятелю твоему похваляю, что оставя

---

[1]) Т. ж., V, 227. Сокиренскій козакъ, жалуясь въ 1720 г. гетману на своего тогдашняго полковника Галагана, писалъ: „прошу милосердія на зятя моего, котораго *за бывшаго еще полковника Щербину*, принялъ въ мой козацкій домъ"... Русск. Арх. 1875 г., 1, 322. Иногда въ актахъ Щербина назывался *Кошевымъ*, напр. Акты Ю. и З. Р., VIII, 61.

[2]) Актъ Ю. и З. Р., VII, 151.

[3]) Акты Ю. и З. Р., VIII, 60, 61.

ты весь обманъ Дорошенковъ, а къ Многогрѣшному нынѣ подлегаешъ"... [1]).

Маценко пробылъ полковникомъ до 1671 г., когда его замѣнилъ **Семенъ Третякъ**, [2]) который будучи въ 1663 г. полковникомъ Кіевскимъ, сосланъ былъ вмѣстѣ съ другими противниками Брюховецкаго въ Сибирь [3]). Оттуда онъ былъ возвращенъ по ходатайству новаго гетмана въ 1670 г. и поставленъ Прилуцкимъ полковникомъ, кажется, не раньше 1671 г., когда Многогрѣшный подозрѣвая въ измѣнѣ чуть не всѣхъ полковниковъ восемь изъ нихъ замѣнилъ новыми [4]). Интересно, что одновременно съ полковничествомъ Третяка, Лазарь Горленко поставленъ былъ полковымъ судьею. Поставленіе старыхъ полковниковъ, послѣ ихъ смѣщенія, на младшіе полковые уряды въ к. XVII в. изрѣдка еще встрѣчается, такъ какъ въ это время полковники еще не имѣли той сильной власти, которая дѣлала немыслимымъ пониженіе въ должностяхъ лицъ, занимавшихъ полковничьи уряды.

Третякъ, будучи ставленникомъ Многогрѣшнаго, былъ смѣщенъ вмѣстѣ за низложеніемъ своего патрона, и въ 1672 г. Прилуцкимъ полковникомъ является прежній Лазарь Горленко, при чемъ урядъ полкового судьи занимаетъ бывшій полковникъ Иванъ Маценко [5]). На этотъ разъ Г-ко пробылъ полковникомъ до 1677 года, когда потерялъ урядъ за участіе въ заговорѣ Рославца, при чемъ, впрочемъ, участіе это было мало доказано [6]). Смѣщеніе Горленка произошло, какъ можно догадываться, не безъ нѣкотораго участія полковой старшины; по крайней мѣрѣ, извѣст-

---

[1]) Т. же., VIII, 182. Письмо писано 26 октября 1669 года.

[2]) Подпись его на одной изъ купчихъ Густынск. м-ря. *Ркпсь.*

[3]) Сибирь и Каторга, Максимова III, 113. Истор. Россіи, Соловьева, III, 115.

[4]) Актъ Ю. и З. Р., IX, 792. О возвращеніи Третяка изъ Сибири тамъ же, 240.

[5]) Лѣтоп. Величка II, Семенъ Третякъ въ 1674 г. находился на правомъ берегу Днѣпра, гдѣ, по порученію Самойловича, старался направлять власть имѣвшихъ людей къ мысли о подчиненіи послѣднему правобережной Украины. А. Ю. и З. Россіи, XI, 440.

[6]) Акты Ю. и З. Россіи XII, 23. Ср. Ригельманъ, II, 155.

ный впослѣдствіи Иванъ Носъ въ этотъ моментъ изъ рядоваго „войскового товарища“ дѣлается полковымъ *обознымъ*... (См. ниже). Вмѣсто Горленка полковникомъ былъ поставленъ снова **Маценко**. Но и на этотъ разъ Маценко пробылъ полковникомъ всего годъ и въ 1678 г., вмѣсто его, поставленъ былъ **Федоръ Лукьяновичъ Молчанъ**. Это былъ одинъ изъ тѣхъ искателей приключеній, какихъ во втор. полов. XVII в. на Украинѣ было немало. Извѣстныя намъ свѣдѣнія о Молчанѣ приведены раньше [1]). Къ нимъ нужно добавить, что послѣ смѣщенія Молчана съ компанейскаго полковничества, онъ въ 1677 г. является въ Прилукѣ полковымъ есауломъ (см. ниже, о Носѣ), а въ апрѣлѣ слѣдующаго года избирается—Прилуцкимъ полковникомъ, можетъ быть, въ виду готовившагося похода противъ турокъ. Полковничество Молчанъ получилъ по слѣдующему универсалу: „поневажъ панъ Иванъ Маценко, бывшій полковникъ вашъ Прилуцкій, доброволне извеняся своего старшинства и за оное намъ подяковалъ, и старшина вашего полку, тутъ въ Батуринѣ бувшая, зъ товариствомъ певнымъ, за позволеніемъ нашимъ, згодливыми голосами своими на той полковницкій урядъ пана Федора Мовчана обволали и надъ себе вынесли, теды и мы его, п. Мовчана, знаючи быти у Войску Запорожскомъ заслужоного, годного и до дѣлностей рыцарскихъ способнаго мужа, цале на томъ старшинствѣ потвержаемъ“ [2]). Вслѣдъ за тѣмъ Молчанъ пошелъ съ своимъ полкомъ въ походъ на правый берегъ Днѣпра, и здѣсь участвовалъ въ защитѣ Чигирина отъ осаждавшихъ турокъ и татаръ. За эту службу М—нъ получилъ отъ царя похвальную грамоту [3]). Тамъ, подъ Чигириномъ М—нъ, вмѣсто Прилуцкаго, получилъ Стародубскій полкъ, конечно по его собственному желанію, такъ какъ въ Стародубщинѣ онъ имѣлъ маетности. Но не удалось М—ну утвердиться въ Стародубщинѣ: осенью 1678 г. онъ „проливъ кровь, животъ свой скончалъ“, тамъ же подъ Чигириномъ [4]). Вмѣсто М—на былъ назначенъ, только наказнымъ, Лазарь Гор-

[1]) Опис. Стар. Малороссіи, I, 19—20.

[2]) Кіевск. Стар. 1885 г., январь, 63.

[3]) Истор. Мал. Россіи, изд. 1842 г., II, примѣч. 132.

[4]) Акты Ю. и З. Россіи, XIII, 677 и 719.

ленко, занимавшій въ это время урядъ полкового судьи и тоже находившійся съ полкомъ подъ Чигириномъ. Вѣроятно, Самойловичъ не хотѣлъ давать Горленку полковничій урядъ, продолжая подозрѣвать его въ соучастіи съ Рославцомъ. „Цѣлое“ полковничество получилъ тамъ же, на походѣ, **Дмитрій Чернявскій**, который начальствовалъ надъ Прилуцкимъ полкомъ, когда Самойловичъ со всѣмъ козацкимъ войскомъ изъ-подъ Чигирина пришелъ къ Кіеву, для его защиты отъ турокъ [1]). Скоро однакожъ Чернявскій долженъ былъ уступить свой урядъ тому же Лазарю Горленку, который, значитъ, успѣлъ добиться у гетмана прощенія. Можно думать, что Самойловичъ простилъ Г—ка послѣ того, какъ одинъ изъ сыновей послѣдняго, Дмитрій, женился на родной племянницѣ гетманши, дочери брата ея Захара Голуба [2]). Не смотря на свою стародавнюю службу въ полку и на занимаемый высшій въ немъ урядъ, Горленко сохранялъ и въ это время въ отношеніяхъ къ своимъ полчанамъ ту простоту, которая когда то была обычнымъ явленіемъ въ военно-козачьемъ быту и которая при Самойловичѣ стала уже рѣдка. Для характеристики въ этомъ отношеніи Горленка, можемъ привести любопытное рѣшеніе Прилуцкаго полкового суда по жалобѣ Лазаря Горленка на своего полчанина, рядоваго козака, за клевету. Въ 1684 г. полковой судья Янъ Христофоровичъ, съ другими урядниками, разобралъ словесную жалобу своего полковника Горленка на козака Петра Валька за захватъ части полковничьяго грунта, при чемъ „Валько примовками ущипливыми началъ озлословляти п. полковника, менуючи, якобы сыломоцю (насиліемъ) посѣдалъ людскіе грунта“. Судъ согласилъ полковника на миръ съ его полчаниномъ съ тѣмъ условіемъ, что если Валько „потомъ еще важится (осмѣлится) на грунтъ п. полковника вступать и въ лозы (спорный участокъ представлялъ собою лознякъ) увязовать албо лживыми обмовляти той гай якими словами, теди варовали

---

[1]) Кіевск. Синопсисъ, изд. 1823 г, стр. 159. Вмѣстѣ съ полковничествомъ Чернявскій получилъ отъ Самойловича, въ томъ-же 1679 г., с. Ряски. Повидимому, гетманъ хотѣлъ особенно отличить Чернявскаго, такъ какъ въ это время маетности раздавались еще скупо.

[2]) О прощеніи Горленка Самойловичемъ, см. Кіевск. Стар. 1887 г., окт., 219.

теперешнимъ постановленіемъ Валкови десять талеровъ дати, а гай п. полковниковъ собѣ приняти“ [1]). Такія отношенія между полковникомъ и полчанами, когда первый изъ нихъ при имущественныхъ спорахъ съ послѣдними, обращался къ суду вмѣсто того, чтобы рѣшить споръ тою *силомою*, о которой говоритъ Валько, были уже не возможны у полковниковъ Мазепинскаго времени... Впрочемъ, Лазарь Г—ко, очень склонный ко всякой интригѣ, особой склонности къ стяжанію, повидимому, не имѣлъ, что видно изъ того, что онъ за все свое полковничество не присвоилъ ни одной маетности, владѣя только Ольшаною, полученною въ 1665 г. отъ царя.

Кончилъ Горленко жизнь свою трагически во время того самаго Крымскаго похода, когда низложенъ былъ и Самойловичъ. Въ этомъ походѣ Горленко съ своимъ полкомъ находился въ отрядѣ гетманича Григорія Самойловича, который шелъ впереди главнаго войска. Вѣсть о низложеніи отца на Коломакѣ гетманичъ получилъ, находясь гдѣ-то около Кодака у р. Суры. Вѣсть объ арестѣ гетмана произвела въ полкахъ общее волненіе; повидимому, и у рядоваго козачества Самойловичъ не пользовался любовью Прилуцкій полкъ тоже „взбунтовался“, и въ этомъ бунтѣ погибъ старый его полковникъ ужасною смертью: его живого бросили свои же козаки въ огонь [2]). Тутъ же погибшій—былъ и похороненъ. Мѣстная лѣтопись говоритъ, что Горленко былъ похороненъ между Кодакомъ и Самарою, „гдѣ и могилу знатную высыпано надъ нимъ, въ которой лѣтъ десять лежалъ; а когда Господь Богъ направилъ сердце его мил. п. Дмитрію Горленку, за вѣдомостью гетманскою, будучи съ полкомъ своимъ на томъ же мѣстцу, откопалъ тѣло милого п. родича своего и почесне допровадилъ до монастыря Густынѣ, идѣ же положися въ склепѣ р. 1697, сент. 15“ [3]).

---

[1]) Румянц. опись, которою нѣкогда мы пользовались въ Полтавѣ, когда она тамъ хранилась въ Казенной Палатѣ.

[2]) Гордонъ (Tagebuch, II, 198) говоритъ, что «die Kosaken bei einem Aufstande den Obristen von Priluk, einen alten Mann Namens Lazar, ermordet hätten. Die hätten diesen Obristen, da er noch gelebt, in einen heissen Ofen geworfen».

[3]) Лѣтоп. Густынск. м—ря. М. 1848. Стр. 64.

У Лазаря Горленка, отъ двухъ женъ, было четыре сына: Петръ, Иванъ, Степанъ и Дмитрій, изъ которыхъ старшій умеръ раньше отца. Отъ второй жены Лазаря происходили, повидимому, Степанъ и Дмитрій. По смерти Лазаря вдова его, Ефросинья, съ сыномъ Степаномъ за подтвержденіемъ маетности обратились въ Москву, гдѣ была получена главная изъ нихъ—с. Ольшана. „И ихъ царское величество пожаловали за службы мужа ея, Ефросиніи, а Степанова отца, Лазаря Горленка, повелѣли имъ вышепомянутымъ селомъ Ольшаною и двумя мельницами вешняками и со всѣми къ нимъ принадлежащими угодіи, которыя въ прежней жалованной грамотѣ написаны, такожъ и купленными ихъ грунтами и мельницами, въ уѣздѣ Прилуцкомъ обрѣтающимися со всѣми угодіи, буде спору не будетъ, владѣть и всякіе порядки употреблять“ [1])... Эта грамота указываетъ, что Лазарь Горленко, кромѣ Ольшаной, не имѣлъ другой населенной маетности и что, слѣдовательно, наслѣдство его было не велико [2]). Да и это наслѣдство раздѣлено было между сыновьями, повидимому, неровно, благодаря стараніямъ мачихи.

Одинъ изъ внуковъ Лазаря, сынъ Ивана—Акимъ, въ жалобѣ своей Скоропадскому, поданной въ 1712 г., пишетъ о дѣлежѣ дѣдовскаго наслѣдства слѣдующее: „ускаржаюся на бабусю мою ея мил. панѣю Лазаревую въ таковой справѣ: небожчикъ дѣдусь мой, блаженной памяти Лазарь, по женитвѣ отца моего, частю не хотячи раздражати ея, панеи бабусѣ, яко жоны своей второй,

---

[1]) *Малороссійскіе Эмигранты*, статья *Де-Пуле*, Вѣстникъ Европы 1872 г., май, 65.

[2]) Де Пуле, пользовавшійся фамильными бумагами Горленковъ, говоритъ, что «по смерти Лазаря, имѣніе Горленовъ (*sic*) было одно изъ богатѣйшихъ въ Малороссіи», но указывая при этомъ на «хутора, мельницы, лѣса, сады, поля», авторъ, повидимому, больше руководствуется своими догадками, чѣмъ фактами. Вообще слѣдуетъ сказать, что статья Де-Пуле о Горленкахъ заключаетъ въ себѣ немалую путаницу свѣдѣній отъ неумѣнія автора усвоить и объяснить ихъ по незнакомству его съ исторіей Малороссіи. Указаніе кн. Дабижи (Кіевск. Стар. 1887 г. окт., 212) на другія маетности, кромѣ Ольшаны, принадлежавшія будто бы Лазарю Горленку—невѣрно; это были *урядовыя* села.

а отца моего мачехи, частю тежъ откладаючи до того часу, когда конечній и совершенній подѣлъ всѣмъ сыномъ своимъ, такъ зъ первою своею жоною, зъ которою и отца моего сплодилъ, яко тежъ и зъ сеею второю сложеннимъ, мѣлъ учинити, такъ барзо мало зъ чимъ отца моего отправилъ (изъ дому послѣ женитьбы), же если-бы не съ тестевщины, яко всѣ Прилучане того добре свѣдоми, то отнюдь и наймизернѣй бы не можно было прожити отцу моему. А понеже, яко же тая безвѣстно надходящая смерть тое намѣреніе ему покойному п. дѣдусеви скуткомъ исполнити не допустила, яко то не въ дому, лечъ въ походѣ военномъ и то неестественнѣ, но нужно и безвременнѣ отъ безчеловѣчныхъ збойцовъ пострадавшему, отецъ мой зась покойный любо заразъ скоро по смерти небожчика дѣдуся хотѣлъ правне упоминатися у ей панеи бабусѣ, а своей мачехи, о свою отчизну, якожъ и поѣхалъ былъ уже до Батурина, до права (т. е. въ судъ), однакъ бывшій полковникъ Димитрій его завернулъ за упрошенемъ подъ такою кондиціею, же сами доброволне, безъ правнихъ алтеркацій, мѣли слушне, безъ жадной его кривди, подѣлитися отчизною. Однакожъ и тогда не толко подѣлу не чинили, лечь еще ей милость панѣ бабуся розгнѣвавшися на отца моего, и легованный уже грунтикъ, т. е. ставокъ зовемій Калишевку, на сторону продала, а отецъ мой послѣднею уже хоровалъ болѣзнію и не моглъ болшъ що чинити, бо въ тоей уже болѣзни и временное свое скончилъ житіе“ [1])... Далѣе Акимъ Горленко говоритъ, что такимъ образомъ „бабуся“ совсѣмъ ничего ему не дала. А „бабуся“ эта умерла въ 1713 г., т. е. тогда, когда вліятельный ея сынъ лишился прежней власти и когда наслѣдствомъ „дѣдуся“ безъ труда подѣлились падчерица его Агафья Раковичъ и тотъ же внукъ Акимъ Горленко [2]). Во

---

[1]) Подлинникъ жалобы въ Моск. Румянц. музеѣ, въ числѣ бумагъ Н. А. Маркевича.

[2]) См. у Де-Пуле, стр. 75, гдѣ эти свѣдѣнія изложены впрочемъ неясно. Здѣсь имѣется свѣдѣніе, что падчерица Лазаря Агафья, добиваясь въ судѣ наслѣдства своего вотчима, утверждала, что это наслѣдство въ дѣйствительности принадлежало ея матери («бабусѣ»